

КАТУЛЛ

КНИГА
СТИХОТВОРЕНИЙ

CATULLI
VERONENSIS
LIBER

ГАЙ ВАЛЕРИЙ
КАТУЛЛ
ВЕРОНСКИЙ

КНИГА
СТИХОТВОРЕНИЙ

Издание подготовили
С. В. ШЕРВИНСКИЙ
М. Л. ГАСПАРОВ

МОСКВА
«НАУКА»
1986

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*Н. И. Балашов, Г. П. Бердников,
И. С. Брагинский, М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришунин,
Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова,
Б. Ф. Егоров (заместитель председателя),
Н. А. Жирмунская, Д. С. Лихачев (председатель),
А. Д. Михайлов,
Д. В. Ознобишин (ученый секретарь),
Д. А. Ольдерогге, Б. И. Пуришев,
А. М. Самсонов (заместитель председателя),
Г. В. Степанов, С. О. Шмидт*

*Ответственный редактор
М. Л. ГАСПАРОВ*

К $\frac{4704000000-018}{042(02)-86}$ без объявления

© «Наука», 1986 г.
Перевод, статья,
примечания

1

Для кого мой нарядный новый сборник,
Пемзой жесткою только что оттертый?
Он, Корнелий, тебе: ты неизменно
Почитал кое-чем мои безделки.
⁵ Ты в то время, из италийцев первый,
Нам дерзнул рассказать века в трех книгах —
Труд ученый, клянусь, и преусердный.
Так, каков он ни есть, прими мой сборник!
А твоим покровительством, о Дева,
¹⁰ Пусть он век не один живет в потомстве.

2

Птенчик, радость моей подруги милой,
С кем играет она, на лоне держит,
Кончик пальца дает, когда попросит,
Побуждая его клевать смелее,
⁵ В час, когда красоте моей желанной
С чем-нибудь дорогим развлечься надо,
Чтоб немножко тоску свою рассеять,
А вернее — свой пыл увяты тяжелый, —
Если б так же я мог, с тобой играя,
¹⁰ Удрученной души смирить тревогу!

3

Плачьте, о Купидоны и Венеры,
Все на свете изысканные люди!
Птенчик умер моей подруги милой,

Итенчик, радость моей подруги милой,
⁵ Тот, что собственных глаз ей был дороже.
Был он меда нежней, свою хозяйку
Знал, как девушка мать родную знает.
Никогда не слетал с ее он лона,
Но, туда и сюда по ней порхая,
¹⁰ Лишь одной госпоже своей чиркал.
А теперь он идет дорогой темной,
По которой никто не возвращается.
Буть же проклят, о мрак проклятый Орка,
Поглощающий все, что сердцу мило,—
Ты воробушка милого похитил!...
О слепая судьба! О бедный итенчик!
Ты виновен, что у моей подруги
Покраснели от слез и вспухли глазки!

4

Корабль, который здесь вы, гости, видите,
Хоть ма: а говорят, что был он всех быстрей,
Что ни одна громадина пловучая
Ни разу не могла опередить его,
⁵ На веслах ли несясь, под парусами ли;
Что это подтвердит и Адриатики
Бурливой брег, и острова Кикладские,
И Родос благородный с дикой Фракией,
И Пропонтида, и лука Понтийская,
¹⁰ Где — нынешний корабль — стоял он некогда
Косматым лесом. На киторском темени
Широко он шумел листвою флаголющей.
Понтийская Амастра, щедрый буками
Китор, все это знали вы и знаете,—
¹⁵ Так говорит корабль. С времен памятных
Он возвышался у тебя на маковке,

- В твоём он море весла в первый раз смочил
И через столько бурь с их злобой тщетною
Хозяина доправил, слева, справа ли
- ²⁰ Юпитер кликал ветры иль, содействуя,
Дул с двух сторон и ходу прибавлял ему.
Обетов никаких береговым богам
Он не принес ни разу до прибытия
Морями всеми к озеру прозрачному.
- ²⁵ Так было. А теперь он тихо старится
В укрытии, вам, братья, посвятив себя,
Двойничный Кастор и двойничный Кастора.

5

- Будем, Лесбия, жить, любя друг друга!
Пусть ворчат старики — за весь их ропот
Мы одной не дадим монетки медной!
Пусть заходят и вновь восходят солнца, —
- ⁵ Помни: только лишь день погаснет краткий,
Бесконечную ночь нам спать придется.
Дай же тысячу сто мне поцелуев,
Снова тысячу дай и снова сотню,
И до тысячи вновь и снова до ста,
- ¹⁰ А когда мы дойдем до многих тысяч,
Перепутаем счет, чтоб мы не знали,
Чтобы сглазить не мог нас злой завистник,
Зная, сколько с тобой мы целовались.

6

- Флавий! Верно, о ней, своей любезной,
Будь она недурна, не будь нескладна,
Ты сказал бы Катулле, не смолчал бы.
Но молчишь ты, стыдясь, и я не знаю,
- ⁵ Ты с какой же связался лихоманкой?
Но что ты не вдовцом проводишь ночи,

Громко ложе твое вопит венками
И сирийских духов благоуханьем;
И подушки твои, и та, и эта,
¹⁰ Все во вмятинах, а кровати рама
И дрожит, и трещит, и с места сходит.
Бесполезно скрывать, и так все видно.
Что? Да весь исхудал ты с перелюба,
Значит много себе позволил дури.
¹⁵ Лучше мне обо всем, и злом и добром,
Сам скажи,— и тебя с твоей любовью
До небес вознесу в стихах изящных.

7

Сколько, спрашиваешь, твоих лобзаний
Надо, Лесбия, мне, чтоб пыл насытить?
Много — сколько лежит песков сыпучих
Под Киреною, сильфием поросшей,
⁵ От Юпитеровой святыни знойной
До гробницы, где Батт схоронен древний;
Сколько на небе звезд в молчаньи ночи
Видит тайны любви, блаженство смертных!
Поцелуев твоих, чтоб было вдосталь
¹⁰ Для безумца Катулла, нужно столько,
Чтобы их сосчитать не мог завистник,
Нечестивый язык не мог бы сглазпть.

8

Катулл несчастный, перестань терять разум,
И что погибло, то и почитай гиблым.
Еще недавно были дни твои ясны,
Когда ты хаживал на зов любви к милой,
Которую любил я крепче всех в мире.
Вы знали разных радостей вдвоем много,

Желанья ваши отвечали друг другу.
Да, правда, были дни твои, Катулл, ясны.
Теперь — отказ. Так откажись и ты, слабый!
¹⁰ За беглой не гонись, не изнывай в горе!
Терпи, скрепись душой упорной, будь твердым.
Прощай же, конечно! Катулл уж стал твердым,
Искать и звать тебя не станет он тщетно.
А горько будет, как не станут звать вовсе...
¹⁵ Увы, преступница! Что ждет тебя в жизни?
Кто подойдет? Кого пленишь красой поздней?
Кого любить ты будешь? Звать себя чьею?
И целовать кого? Кого кусать в губы?
А ты, Катулл, решаешь, отныне будь твердым.

9

Ты, Вераний, из всех мне близких первый
Друг, имей я друзей хоть триста тысяч,
Ты ль вернулся домой к своим пенатам,
Братьям дружным и матери старушке?
⁵ Да, вернулся. Счастливое известье!
Видя целым тебя, вновь буду слушать
Об иберских краях, делах, народах
Твой подробный рассказ: обняв за шею,
Зацелую тебя в глаза и в губы.
¹⁰ О! Из всех на земле людей счастливых
Кто меня веселей, меня счастливей?

10

Вар мой с площади раз к своей подружке
Свел меня посмотреть — я был свободен.
Мигом я увидал, что потаскушка,
Но собой недурна и не без лоска.
⁵ Сели, стали болтать. Зашла беседа
Про Вифинию — как, мол, там живется

- И как много нажить сумел я денег.
Отвечал я, как есть: ни с чем вернулся
Все: и сам я, и претор, и когорта,
¹⁰ Никому не пришлось принарядиться.
Да и претор — свинья: свои же люди,
А ни на волос к ним вниманья!..— «Все же,—
Отвечают они,— ты, верно, добыл
То, что там, говорят, вошло в обычай:
¹⁵ Для посилок людей?» И захотелось
Мне хвастнуть, что, мол, я других счастливей.
«Уж не так, говорю, мне было худо,
Хоть на долю мне край неважный выпал,
Чтоб шести не купить верзил здоровых!»
²⁰ У меня же нигде, ни там, ни в Риме,
Ни единого нет, кто мог бы ножку
Старой койки моей взвалить на плечи...
А распутнице что? Она сейчас же:
«Мой Катулл, говорит, мне их на время
²⁵ Одолжи, дорогой! Добраться надо
Мне к Серапису в храм».— «Ну что же, можно...
Завтра... только они... я спутал малость...
Так сказать, не мои... их мой товарищ
Цинна Гай... так сказать... себе их добыл...
³⁰ Впрочем, он или я — совсем неважно:
Ими пользуюсь вроде как своими...»
До чего же груба ты и настырна,
Человеку не дашь чуть-чуть забыться!

Фурий и Аврелий, везде с Катуллом
Рядом вы, хотя бы он был за Индом,
Там, где бьют в брега, грохоча далече,

Волны Востока,—

⁵ Или у гиркан, иль арабов нежных,
Или саков, иль стрелоносных парфов,
Или там, где воды окрасил моря
Нил семиустый,

Или даже Альп одолел высоты,
¹⁰ Где оставил память великий Цезарь,
Галльский видел Рен и на крае света
Страшных бриттанов;

Что бы ни послала всевышних воля,
Все вы вместе с ним испытать готовы.
¹⁵ Передайте ж ныне моей любимой
Горьких два слова:

Сладко пусть живет посреди беспутных,
Держит их в объятье по триста сразу,
Никого не любит, и только чресла
Всем надрывает,—

Но моей любви уж пускай не щет,
Ей самой убитой,— у кромки поля
Гибнет так цветок, проходящим мимо
Срезанный плугом!

12

Ты рукой, Марруцин Азиний, левой
За игрой и вином нечисто путишь:
Под шумок у зевак платки таскаешь.
Это что ж? Остроумие? Нет, дурень,
⁵ Ничего нет глупей и некрасивей.
Мне не веришь? Спроси хоть Поллюпопа,
Брата, он и талант отсыпать рад бы,
Чтоб проделки покрыть твои,— мальчишка

- Знает толк в развлечениях и острогах.
¹⁰ Значит, гекдекасиллаб колких триста
Получай иль верни платок сетабский.
Нет, не сам по себе платок мне дорог —
Мнемосины он дар и дружбы доброй.
Он Веранием и Фабуллом прислан
¹⁵ Из Иберии дальней мне на память.
Я подарок друзей любить обязан,
Как Веранчика милого с Фабуллом.

13

- Хорошо ты откушаешь, Фабулл мой,
Если мил ты богам, на днях со мною,
Только сам принеси с собой получше
Да побольше обед, зови красотку,
⁵ Да вина захвати и острых шуток!
Если так, хорошо откушать сможешь,
Драгоценный ты мой, а у Катулла
Весь кошель затянуло паутиной.
Но зато от души любовь получишь
¹⁰ И подарок еще, нежней и тоньше:
Ароматную мазь, моей подруге
Подношение Венер и Купидонов.
Как понюхаешь, вмиг богов попросишь,
Чтоб ты стал целиком, Фабулл мой, носом!

14

- Если не был бы ты мне глаз дороже,
Кальв мой милый, тебя за твой гостинец
Ненавидел бы я ватиниански.
Что такого сказал я или сделал,
⁵ Что поэтов ты шлешь меня прикончить?
Да накажут того клиента боги,

Кто набрал тебе столько нечестивцев!
Небывалый подарок! Не иначе,
Это Суллы работа грамотея.
¹⁰ Что ж, оно хорошо, премило даже,
Что не зря для него ты потрудился.
Боги! Ужас! Проклятая книжонка!
Ты нарочно ее прислал Катуллу,
Чтобы он целый день сидел, как дурень,
В Сатурналии, лучший праздник года!
Это так не пройдет тебе, забавник!
Нет, чуть свет побегу по книжным лавкам,
Там я Цезиев всех и всех Аквинов,
И Суффена куплю — набор всех ядов!
²⁰ И тебе одарю за муку мукой.
Вы же будьте здоровы, отправляйтесь
Вновь, откуда нелегкая несла вас,
Язва века, негодные поэты!

15

И себя, и любовь свою, Аврелий,
Поручаю тебе. Прошу о малом:
Если сам ты когда-нибудь пленялся
Чем-нибудь незапятнанным и чистым,—
⁵ Соблуди моего юнца невинность!
Говорю не о черни, опасаясь
Я не тех, что на форуме толкуются.
Где у каждого есть свои заботы,—
Нет, тебя я боюсь, мне хрен твой страшен,
¹⁰ И дурным, и хорошим, всем опасный.
В ход пускай его, где и как захочешь,
Только выглянет он, готовый к бою,
Лишь юнца моего не тронь — смиренна
Эта просьба. Но если дурь большая

Я, Колопия, между тем, всласть хочу
насмеяться:
Есть у нас гражданин один — вот кого бы охотно
Я с моста твоего швырнул с головой и ногами;
¹⁰ Только там, непременно там, где болотина шире,
Где зловонная гуще грязь и бездоннее тина.
Больно он не остер умом, понимает не больше,
Чем в дрожащих руках отца годовалый младенец.
А у глупого есть жепка в лучшем возрасте жизни,
¹⁵ Избалованней и нежней, чем козленок молочный:
Вот за ней бы и глаз да глаз, как за спелую
гроздью,
А ему-то и дела нет, пусть гуляет, как хочёт,
Он лежит, не подымется, как в канаве ольшина,
Чей у корня подрублен ствол топором лигурийца,
²⁰ И не чувствует, есть жена или все уж пропало.
Точно так же и мой чурбан: спит — не слышит,
не видит,
И не знает, кто сам он есть, и живет он, или
мертвый.
Вот его и хотел бы я с вашей сбросить
мостины —
Тут, авось, уж встряхнется он, как хлебнет из
болота
И оставит в густой грязи непробудную спячку,
Как во вмятине вязкой мул оставляет подкову.

21

Ты, о всех голодов отец, Аврелий,
Тех, что были уже и есть поныне;
И которые впредь нам угрожают,
Вздумал ты обладать моим любимцем,

- ⁵ И притом на виду: везде мы вместе,
Льнешь к нему и забавам всяким учишь.
Тщетно. Сколько ни строй мне всяких козней,
Все же первый тебя я обмараю.
Если будете вы блудить наевшись,
¹⁰ Я пожалуй стерплю. Но вдруг — о горе! —
Будешь голодом ты морить мальчишку?
Это дело ты брось, пока прилично,
Или бросишь, когда замаран будешь.

22

- Суффен, которого ты знаешь, Вар, близко, —
Прелестный человек: умен, остер, вежлив.
Но он же и стихов насочинял бездну:
В день выдает по десять тысяч строк с лишним.
⁵ И не на палимпсесте он стихи пишет,
Как водится, — папирус у него царский,
На новых палках, шнур и переплет — красны,
Свинцом линовав свиток и оттерт пемзой.
Но почитай стихи... и где ж Суффен прежний?
¹⁰ Из них глядит пастух иль землекоп серый,
И до чего же страшный, не узнать вовсе.
Так, значит, тот, кого мы шутником звали
И тертым остряком, или еще хуже, —
На деле груб, грубее мужичья, только
¹⁵ Своих стихов коснется. Для него слаще
Минуты нет, когда стихи писать сядет.
Как он любит себя и как счастлив!
Но все мы слабы: нет ведь никого, в ком бы
Не обнаружился Суффен, хотя б в малом.
²⁰ Так суждено, у каждого своя слабость.
Никто не видит сам, что за спиной носит.

23

- Фурий, раб за тобой ларца не носит,
Нет клопов, пауков, тепла в жаровне,
Есть родитель зато с женой, чьи зубы
Даже камень, и то глотать готовы.
- ⁵ Ты с подобным отцом и с этой чуркой,
То есть мачехой, жить отлично можешь.
Что ж тут дивного?— все вы трое здоровы,
И желудок варит, и не дрожите,
Что ваш дом погорит иль рухнет за ночь;
- ¹⁰ Не грозит вам злодей, вам яд не страшен,
Ни иная беда, каких немало.
Тело ссохлось у вас, как роговое,
Иль, вернее, любого рога тверже
От жары и от стуж,— к тому же голод!
- ¹⁵ Не на зависть ли всем такая доля?
Не потеете, не течет из носа,
И слюна не бежит, и нет мокроты.
Но о том я скажу, что поопрятней,
Что любой солоницы зад твой чище:
- ²⁰ За год десять лишь раз на низ ты ходишь,
Да и какаешь ты бобом да галькой.
Если ж их растирать начнешь в ладонях,
Так и пальцев себе не замараешь.
Эту выгоду, Фурий, это счастье
- ²⁵ Не считай пустяком, не презирай их!
Так каких еще в долг тебе сто тысяч?
Брось просить: и без этого ты счастлив!

24

Всех Ювенциев цвет, причем не только
Ныне здравствующих, но живших раньше,

- Даже тех, кому жить еще придется,—
Лучше денег ты сунь сему Мидасу
⁵ Без раба и ларца, чтоб он не думал
Впредь тебе докучать своей любовью.
«Разве ж он не красив?»— Красив, да только
Ни раба, ни ларца при нем не видно.
Что захочется, делай с ним, но помни:
¹⁰ Ни раба, ни ларца при нем не видно.

25

- Распутный Талл, ты, неженка, нежней мозгов
гусиных,
Ты, мягче пуха кроличья, плъ нитей паутинных,
Дряблее плоти старческой, иль самой мочки уха,—
И ты же, Талл по части краж неистовее бури,
⁵ Когда зевакам выпившим смежит богиня веки!
Ты плащ мне возврати, о Талл, украденный тобою,
Платок сетабский, пестрые, узорные виффинки,
Их напоказ ты выставил, как родовые, дурень!
Ты из когтей их выпусти и мне верни скорее,
¹⁰ Не то бока завядшие и дрябленькие руки —
Дождешься сраму!— жгучая тебе распшнет
плетка,
И, как корабль, застигнутый жестокой бурей
в море,
Тогда ты под рукой моей заскачешь против воли!

26

- Фурий, домик твой сельский от всех ветров
Южных, северных, западных, восточных
Загорожен, точней сказать, заложен,—
По оценке, в пятнадцать тысяч двести.
⁵ О, ужаснейший ветер и зловредный!

27

Мальчик, распорядись фалерном старым,
Наливай мне вино покрепче в чашу,—
Так Постумия, правя пир, велела,
Пьяных гроздьев сама пьяней налившись.
⁵ Ты же прочь уходи, вина погибель,
Ключевая струя, ступай к суровым,—
Здесь несмешанный сок Фиюниана.

28

Вы, Пизонова рать, когорта нищих
С легкой кладью — одни мешки пусты!
Друг Вераний, и ты, Фабулла мой милый!
Как же сладились вы с мерзавцем вашим?
⁵ Вдосталь глада и хлада натерпелись?
Знать, вписали расход взамен прихода
На таблички свои? Так я, не смея
Бросить претора, лишь расход итожу.
Меммий, здорово ж ты меня и долго
¹⁰ В три погибели гнул и бил дубиной!
Ныне вижу: и вам пришлось не легче,
Так же крепко и гнуты вы и биты.
Вот, ищи себе впредь друзей из знати!
Всех бессмертных молю, чтоб вы прошали,
¹⁵ Вы, позорище Ромула и Рема!

29

Кто это в силах видеть, в слухах вытерпеть,
Коль не развратник, не игрок, не взяточник?
Все у Мамурры, чем владела Галлия
Косматая и дальняя Британния.
⁵ Распуганный Ромул, долго ль будешь все спосить?
А он теперь, надменный, загордившийся,

Вся любви предалась, словно я мог верности
ждать в любви?
Прочь отходишь теперь: ты все слова, ты все дела
твои
¹⁰ Ветрам дал унести и облакам, по небу реющим.
Ты меня позабыл; но божества — помнят,
и помнит все
Верность, карой грозя. Время придет — горько
раскаешься.

31

Всех полуостровов и островов в царстве
Нептунуовом, в озерных и морских водах
Жемчужина, мой Сирмион! О как рад я,
Как счастлив, что я здесь, что вновь тебя вижу!
⁵ От финов и вифинов воротясь к дому,
Не верю сам, что предо мной ты вновь, прежний.
О, что отрадней, чем, забот свалив бремя,
С душою облегченною прийти снова
Усталому от странствий к своему Лару
¹⁰ И на давно желанном отдохнуть ложе!
Вот вся награда за груды мои... Здравствуй
Мой Сирмион, ликуй: хозяин твой — дома!
Ликуйте, озера Лидийского волны!
Все хохочите, сколько в доме есть Смехов!

32

Я прошу, моя радость, Ипсифила,
Наслажденье мое, моя утеха,
Днем проведать тебя позволь сегодня!
А позволишь — смотри, чтобы не в пору
⁵ За тобою никто не запер двери,
Да сама никуда уйти не вздумай,

Но меня поджидай и приготовься
Девять кряду со мной сомкнуть объятий.
Если так, разрешай скорей: нет мочи,—

¹⁰ Пообедал я, сыт и, лежа навзничь,

< . >

33

Ты, общественных бабь ворюга знатный,
О, Вибенний отец с блудягой сыном,
Всех грязнее отец в искусстве гнусном,
Всех прожорливей сын глотает гузном.

⁵ Вам бы лучше сбежать куда подальше:

Все тут знают, каков отец грабитель,
А шершавые ягодицы сына
За медяшку и то никто не купит.

34

Мы — Дианой хранимые,
Девы, юноши чистые.
Пойте, юноши чистые,
Пойте, девы, Диану!

⁵ О Латония, высшего
Дочь Юпитера вышняя,
О рожденная матерью
Под оливой делийской,—

Чтоб владычицей стала ты

¹⁰ Гор, лесов густолиственных,
И урочищ таинственных,
И потоков гремящих!

В муках родов глаголема
Ты Люцивой-Юнопою;

¹⁵ Именуешься Тривней,
С чуждым светом Луною!

Бегом месячным меряешь ты
Путь годов, и хозяину
Добрым наполнишь ты сельский дом
²⁰ Урожаем, богиня.

Под любым из имен святись
И для племени Ромула
Будь опорой доброю,
Как бывала вздревле!

35

Ты Цецилию, нежному поэту,
Сотоварищу мне, скажи, папирус,
Чтоб он ехал скорей в Верону, бросив
Новый Ком и Ларийское побережье.
⁵ На досуге он здесь прослушать сможет
То, что друг его (он же мой) надумал.
Если будет умен, он путь — проглотит,
Пусть хоть тысячу раз его подруга
Обвивает ему руками шею
¹⁰ И помедлить еще умильно просит.
Ведь она, коли мне доносят правду,
Обмирает об нем, от страсти гибнет
С той поры, как при ней, еще не кончив,
«Диддиму» читал свою — тогда-то
¹⁵ И зажглось в ней снедающее пламя.
Но сердиться не буду: ты учений
Даже Музы Сапфо — и впрямь Цецилий
Песнь про мать богов отличиво начал!

36

Срам Волюзия, смрадные «Анналы»,
Выполняйте обет моей подружки!

- И Венере святой, и Купидону
Обещала она, что если только
⁵ К ней вернусь и строчить не буду ямбов,
Писанину дряннейшего поэта
Возложить на алтарь хромого бога,
Чтоб ее на дровах он сжег заклятых,—
Вот надумала что остро и тонко
¹⁰ Негодяйка моя богам в угоду!
О, рожденная в море синем, всюду
Чтут, богиня, тебя: святой Идалий,
Урий плоский, Анкона и обильный
Тростьем Книд, Амафунт и Голг и общий
¹⁵ Адриатики всей притон Дуррахий,—
Подтверди, что обет уже исполнен,
Ибо он и не груб и не безвкусен.
Вы же смело теперь в огонь ступайте
С деревенщиной всей и всем зловоньем
²⁰ Срам Волюзия, смрадные «Анналы!»

37

- Таверна злачная, вы все, кто там в сборе
(Девятый столб от храма близнецов в шапках),
Вы что ж, решили, что у вас одних трости?
Что можете одни всех занять женщин,
⁵ Мужчин же всех за смрадных принимать козлиц?
Ужели, если в ряд сидите вы, дурни,
Будь вас хоть сто, хоть двести, не решусь разом
Всем стам и всем двумстам сидящим в рот
вмазать?
Еще добавьте: весь фасад норы вашей
¹⁰ Я вам похабщиной пораспишу всякой,
Раз девушка моя с моих колен встала,
Которую любил я крепче всех в мире,

Из-за которой я такие вел битвы,—
И нынче села, богачи и знать с вами,
¹⁵ И любите ее наперебой все вы,
Вы, голытьба, срамцы, хлыщи с глухих улиц!..
А больше всех — Эгнатий, волосач первый,
Из кроличьего края, кельтибер кровный;
Густая борода — твоя, болван, слава
²⁰ И зубы — по-иберски их мочой чистишь!

38

Плохо стало Катуллу, Корнифиций,
Плохо, небом клянусь, и тяжело стало.
Что ни день, что ни час, все хуже, хуже.
Но утешил ли ты его хоть словом?
⁵ А ведь это легко и так немного!
Я сержусь на тебя — ну где же дружба?
Но я все-таки жду двух-трех словечек,
Пусть печальнее плачей Симопида.

39

Эгнатий, красотой кичась зубов белых,
Всегда смеется, всюду. На суде, скажем,
Защитник уж успел людей вогнать в слезы —
А он смеется. Или — над костром сына
Единственного мать, осиротев, плачет,—
А он смеется. Всюду и над всем, скалясь,
Смеется! У него такая дурь сроду:
По мне, он невоспитан и с дурным вкусом.
Послушай же меня, Эгнатий друг: будь ты
¹⁰ Из Рима, Тибура иль из Сабин родом,
Будь бережливый умбр или этруск тучный,
Иль черный и зубастый ланувин, будь ты
Хоть транспаданец (и своих задел кстати!)
Иль из иных краев, где зубы все чистят,

Ты попусту смеяться перестань все же:
Нет в мире ничего глупей, чем смех глухой.
Но ты ведь кельтибер, а кельтибер каждый
Полощет зубы тем, что наструил за ночь,
И докрасна при этом трет себе десны.
²⁰ Чем, стало быть, ясней блестят его зубы,
Тем, значит, больше он своей мочи выпил!

40

Что за злобный порыв, бедняга Равид,
Мчит тебя на мои кидаться ямбы?
Иль внушает тебе, не в пору призван,
Некий бог между нас затеять ссору?
⁵ Иль у всех на устах ты быть желаешь?
Но зачем? Иль любой ты ищешь славы?
Что ж, надолго останешься ославлен,
Если вздумал любить моих любовниц!

41

Амеана, зашупанная вссми,
Десять тысяч сполна с меня взыскует —
Да, та самая, с неказистым носом,
Лихоимца формийского подружка.
⁵ Вы, родные, на ком об ней забота,—
И друзей, и врачей скорей зовите!
Впрямь девица больна. Но не гадайте,
Чем больна: родилась умалишенной.

42

Эй вы, гендекасиллабы, скорее!
Сколько б ни было вас — ко мне спешите!
Иль играется мной дурная шлюха,
Что табличек вернуть не хочет ваших.
⁵ Ждет, как вы это стершите. Скорее!

Иду, за ней, по следам! И не отстанем!
— Но какая ж из них?— Вон та, что нагло
Выступает, с натянутой улыбкой,
Словно галльский кобель, оскалив зубы.

¹⁰ Обступите ее, не отставайте:

«Дрянь воючая, отдавай таблички!
Отдавай, дрянь воючая, таблички!»

Не смуглялась ничуть? Бардак ходячий,
Или хуже еще, коль то возможно!
Видно, мало ей, этого; но все же
Мы железную морду в краску вгоним!
Так кричите опять, кричите громче:
«Дрянь воючая, отдавай таблички!
Отдавай, дрянь воючая, таблички!»

Вновь не вышло — ее ничем не тронешь.
Знать, придется сменить и смысл, и форму,
Коль желаете вы достичь успеха:
«О чистейшая, отдавай таблички!»

43

Здравствуй, дева, чей нос отнюдь не носик,
Некрасива нога, глаза не черны,
Не изящна рука, не сухи губы,
Да и говор нимало не изыскан,
Лихоимца формийского подружка!
И в провинции ты слынешь прекрасной?
И тебя с моей Лесбией равняют?
О не смыслающий век! о век не тонкий!

44

Сабинская ль, Тибурская ль моя мыза —
Сабинская для тех, кто уколоть любит,
Тибурская ж для тех, кто мне польстить хочет,—

- Сабинская ль, Тибурская ль она, славно
5 И за городом здесь живу в моей вилле
И даже выгнал из груди лихой кашель,
В котором мой желудок виноват, ибо
На днях объелся я роскошных блюд всяких
У Сестия, когда читал тех яств ради
10 Писанье против Анция, тугой свиток,
Напитанный отравой и чумой злобы.
Меня трепал озноб и частый бил кашель,
Пока я не бежал сюда под кров мирный
Крапивой и покоем исцелять хвори.
15 Я вновь здоров — спасибо же тебе, вилла,
За то, что ты к грехам моим была доброй.
А ежели опять свой мерзкий хлам Сестий
Пришлет мне с приглашением, — приму, что же,
Но пусть он насморк с кашлем сам теперь
схватит,
20 Пусть у него, не у меня, стучат зубы
За то, что кормит, обязав прочесть гадость.

45

Акму нежно обняв, свою подругу,
«Акма, радость моя! — сказал Септимий. —
Если я не люблю тебя безумно
И любить не готов за годом годы,
5 Как на свете никто любить не в силах,
Пусть в Ливийских песках или на Инде
Встречу льва с побелевшими глазами!»
И Амур, до тех пор чихавший влево,
Тут же вправо чихнул в знак одобренья.
Акма, к другу слегка склонив головку
И пурпуровым ртом касаясь сладко
Томных юноши глаз, от страсти пьяных,

- «Жизнь моя! — говорит.— Септимий милый!
Пусть нам будет Амур один владыкой!
¹⁵ Верь, сильнее твоего, сильнее и жарче
В каждой жилке моей пылает пламя!»
Вновь услышал Амур и не налево,
А направо чихнул в знак одобренья.
Так, дорогу начав с благой приметы,
²⁰ Оба любят они, любимы оба.
Алма другу одна милей на свете,
Всех сирийских богатств и всех британских.
И Септимий один у верной Алмы,
В нем блаженство ее и все желанья.
²⁵ Кто счастливей бывал, какой влюбленный?
Кто Венеру знавал благоприятней?

46

- Снова теплые дни весна приносит,
Равноденствия смолкли непогоды
С дуновением ласковым Зефира.
Так простись же, Катулл, с фригийским краем,
⁵ С изобильем полей Никей знойной:
К знаменитым летим азийским градам!
Чужа странствия, вновь душа трепещет,
Для веселых трудов окрепли ноги.
Расставаться пора, прощайте, други!
¹⁰ Те, кто вдалеке уходил из дома вместе,
Возвращаются врозь дорогой разной.

47

Порк и Сократион, Пизона руки,
Обе левые!— глад и язва мира!
Неужели Веранчику с Фабуллом
Вас двоих предпочел Приап тот гнусный?

За роскошный вы пир с утра садитесь,
Наслаждаетесь всячески, мои же
Дорогие дружки на перекрестке
Ждут, когда ж пригласят и их откусать.

48

Очи сладостные твои, Ювенций,
Если б только лобзать мне дали вдосталь,
Триста тысяч я раз их целовал бы.
Никогда я себя не считал бы сытым,
⁵ Если б даже тесней колосьев тощих
Поднялась поцелуев наших нива.

49

Самый Ромула внук красноречивый,
Всех, кто жил и живет еще, Марк Туллий,
И премногих, что жить в грядущем будут,
Благодарность тебе с поклоном низким
Шлет Катулл, изо всех поэтов худший,
Точно так изо всех поэтов худший,
Как из всех ты патронов самый лучший.

50

На досуге вчера, Лициний, долго
На табличках моих мы забавлялись,
Как утонченным людям подобает,
Оба в несколько строк стихи писали,
⁵ Изощрялись то в том, то в этом метре,
На вино и на шутки отвечая.
Я вернулся домой, твоим, Лициний,

Остроумьем зажжен и тонкой речью,
Так, что, бедный, к еде не прикасался,
¹⁰ Даже глаз не сомкнул мне сон спокойно:
Весь я словно горел, всю ночь в постели
Провертелся, скорей бы дня дожидаться,
Чтоб с тобой говорить, чтоб быть нам вместе.
А потом, когда телом истомленным
На кровати лежал я полумертвый,
Это, милый, тебе сложил посланье;
Из него о моих узнаешь муках.
Так не будь гордецом и эту просьбу
Ты уважь, на нее не плюнь, мой милый,
²⁰ Немесида тебя не покарала б,—
Берегись ей вредить: грозна богиня!

51

Тот с богами, кажется мне, стал равен,
Тот богов превыше, коль то возможно,
Кто сидит напротив тебя и часто
Видит и слышит,
Как смеешься сладко,— а я, несчастный,
Всех лишаясь чувств оттого, что тотчас,
Лесбия, едва лишь тебя увижу,—
Голос теряю,
Мой язык немает, по членам беглый
¹⁰ Заструился пламень, в ушах заглушенных
Звон стоит и шум, и глаза двойною
Ночью затмилась.
Праздность, мой Катулл, для тебя зловредна,
Праздности ты рад, от восторга бредишь;
¹⁵ Праздность в прошлом много царей и славных
Градов сгубила.

52

Ну что ж? Еще ли медлишь умирать, Катулл?
Зобатый Ноний восседает в курии;
Ватиний без стыда клянется консульством;
Ну что ж? Еще ли медлишь умирать, Катулл?

53

И смеялся же я на днях в собрание:
Там мой Кальв с удивительным искусством
Все ватиниевы грехи представил,
И в восторге, всплеснув руками, кто-то
⁵ Вдруг вскричал:— «Ну и шиш, каков оратор!»

54

Голова у Отона с черепочек;
Ляжки моет Герей, но по-мужицки;
Воздух портит Либон при всех несмышно, —
Ты и сам бы от них отворотился,
⁵ И Суффиций, в котле вареный дважды,
Будешь вновь на мои сердаться ямбы
Недостойные, первый полководец?

55 + 58b

Умоляю: коль тебе не трудно,
Мне откройся, в какой ты тьме таишься.
Я искал тебя на Малом Поле,
В Цирке был, во всех был книжных лавках,
⁵ Заходил к Юпитеру в храм священный,
И Помпеево гульбище обегал,
Там ко всем подходил девицам всяким,
Тем, конечно, кто был лицом получше,
Стал кричать, приставать к ним: «Эй, отдайте
¹⁰ Мне Камсрия, скверные девчонки!»

- А одна приоткрыла грудь, сказала:
«Тут он, в розовых спрятался сосочках».
- ¹³ Да, искать тебя — подвиг Геркулеса!
^{53b} Если б стал я похож на стража Крита,
Как Пегас носился бы, стал Ладом,
Или же Персеем крылоногим,
Иль конем белоснежным биги Реса,
⁵ Всех прибавь летучих, оперенных,
Ветры все призови с их быстрым летом,
И свяжи и отдай их мне, Камерий,—
Все ж до мозга костей я был бы выжат,
Телом всем и всем нутром измаян,—
¹⁰ Так тебя я разыскивал, мой милый!
⁵⁵
- ¹³ Ну чего ж ты молчишь так горделиво?
Лучше впредь сообщай, где пропадаешь.
- ¹⁵ Выходи же смелей, не бойся света!
Иль застрял у красоток белотелых?
Если будешь молчать, зажавши губы,
Лучший ты из даров любви упустишь,—
Радует Венеру говорливость.
- ²⁰ Впрочем, губ не разжимай, коль хочешь,
Лишь бы вашей любви я был участник.

56

- Презабавная вещь, занятный случай!
Он вполне твоего достоин слуха,
Так посмейся, Катон, вослед Катутлу:
В самом деле, такой забавный случай!
⁵ Я мальчишку накрыл: молотит, вижу!
Девку. Я — да простит Диона! — тут же
Твердой палкой своей закончил дело.

57

Славно два подлеца развратных спелись,—
Хлыщ Мамурра и любострастник Цезарь!
Что ж дивиться? Обоих тоги в пятнах —
Тот в столичной грязи, а тот в формийской.

- ⁵ Пятна накрепко въелись, их не смоешь.
Хворь одна у двоих: они — двояшки.
Спят в постельке одной. Учены оба!
В каждом поровну тать и соблазнитель.
На девочек идут единым строем.
- ¹⁰ Славно два подлеца развратных спелись!

58

Целий, Лесбия, наша, Лесбия эта,
Эта Лесбия, что была Катуллом
Больше близких, сильнее себя любима,
Нынче по тупикам и перекресткам

- ⁵ Знаменитых лущит потомков Рема!

59

Бовонка Руфа своему сынку Руфу
И мать и < . . > зараз; Менений ей мужем,
Она ж сынку ворует снедь с костров смертных:
Едва лишь с дров исчез какой-нибудь хлебца,
Сжигальщик меченый ее при всех лущит.

60

В горах либийских принесен ты был львицей,
Иль Скиллой ты рожден, чей лагет низ чрева,
И так душа твоя черна, что ты в силах
Без содрогания пренебрегать воплем

- ⁵ Отчаявшегося? Нет у тебя сердца!

О, холма Геликонского
Житель, племя Урании!
Ты, что нежную к мужу мчишь
Деву, о Гименей! Но
5 Гименю, Гимену!

Ты чело увенчай венком
Майорана душистого,
Весел, в брачном иди плаще,
Белоснежные ноги сжав
10 Яркой обувью желтой!

Привлеченный веселым днем,
Звонким голосом брачные
Песни пой! Ударяй ногой
Оземь и потрясай в руке
15 Смольный свадебный факел!

Ныне с Манлием Виния
(И к фригийцу-судье сама
Не прекрасней Киприда шла!)
В брак вступает при знаменье
20 Добром добрая дева,

Что выросла, как азийский март,
Весь цветами осыпанный,—
Хоры легкие нимф лесных

Для утехи своей его
25 Влагой росной питают.

Так иди же, иди сюда!
Брось утесы Феспийские
И пещеры Аонии,
Где прохладная льется вниз
30 Нимфа к ним Аганиппа.

В новый дом госпожу введи,
К мужу страстью горящую,
Оплети ей любовью дух,
Как блуждающий вокруг ствола
35 Плющ по дереву вьется.

Вы же, девы невинные,
Чей уже приближается
День такой же, начните в лад,
Пойте: «О Гименей! Ио
40 Гименею, Гимену!»

Чтобы шел к нам охотнее,
Слыша, как его славят здесь,
Свой священный исполнить долг,
Вождь Венеры благой, благих
45 Уз любви сочетатель.

Бог какой на устах всегда
У любимых и любящих?
Кто из вышних людьми почтен
Боле? О Гименей! Ио
50 Гименею, Гимену!

Дряхлый кличет тебя отец
К детям, девушки в честь твою

Поясок развязать спешат,
Жадяю, в трепете, юный муж:
65 Гимнам внемлет Гимена!

В руки ярому юноше
Ты цветущую девушку
Отдаешь с материнского
Лона. О Гименей! По
60 Гименю, Гимену!

Без тебя наслаждения,
С доброй славой согласного,
Дать не может Любовь — но даст,
Коль захочешь! Какой же бог
65 С этим богом сравнится?

Дом не даст без тебя детей,
И не сможет уже отец
Обеспечить свой род — но даст,
Коль захочешь! Какой же бог
70 С этим богом сравнится?

Без обрядов твоих святых
Не дала бы защитников
Для окраин страна — но даст,
Коль захочешь! Какой же бог
75 С этим богом сравнится?

Так снимите ж с дверей засов
Перед девою! Факелы,
Видишь, кудри блестящие
Разметали? Но медлит стыд...
80

Не поборет стыда и льет
85 Слезы: время идти ей.

Перестань же ты плакать, Ав-
рункулея, и страх откнижь:
Ведь прекраснее женщины
Завтра светлый не встретит день,
90 Вставший из океана.

У владельца богатого
В пестром вешнем саду такой
Гиацинта встает цветок!
Но ты медлишь... Уходит день,—
95 Выходи, молодая!

Выходи, молодая, раз
Ты согласна, послушайся!
Видишь, брачные факелы
Треплют кудри златистые?
100 Выходи, молодая!

Твой супруг, легкомысленно
Любодейству предавшись,
Чувству низкому следуя,
Не захочет лежать вдали
105 От груди твоих нежных.

Нет, как гибкая льнет лоза
К близ растущему дереву,
Так к объятьям твоим и он
Будет лнуть. Но уходит день,—
110 Выходи, молодая!

О, постель, что для каждого...

¹¹⁵ Белой ножкою ложа.

Сколько ныне супруга ждет
Новых радостей! Сколько их
Ночью ль темной, средь бела ль дня
Вкусит он! Но уходит день,—

¹²⁰ Выходи, молодая!

Взвейте, мальчики, факелы!
Брачный, вижу я, плащ грядет!
Выступайте и пойте в лад:
«О Гимен, Гименей! Ио

¹²⁵ Гименею, Гимену!»

Фесценнианские шутки пусть
Раздаются — чего ж молчать?
И орехов пусть мальчикам
Даст наложник,— утратил он

¹³⁰ Ныне страсть господина!

Дай же, дай же орехов им
Ты, дружок нерадивый! Сам
Наигрался орехами!
Послужи-ка Таласию!

¹³⁵ Сыпь, наложник, орехов!

Ты вчера еще был безус
И селянками брезговал,—
А уже брадобрей тебя
Бреет! Бедный же, бедный ты!..

¹⁴⁰ Сыпь, наложник, орехов!

Скажешь ты, раздуренный муж:
Нелегко отвыкать тебе
От безусых?— да срок пришел!
О Гимен, Гименей! Но
145 Гименею, Гимену!

Знаем: лишь разрешенное
Ты изведал. Но нет, не то
Подобаег женатому!
О Гимен, Гименей! Но
150 Гименею, Гимену!

Ты ж, супруга, коль просит муж,
Берегись, не отказывай,
Чтоб не шел он других просить!
О Гимен, Гименей! Но
155 Гименею, Гимену!

Вот как счастлив и как богат
Перед тобою супруга дом.
Будет он навсегда твоим,—
О Гимен, Гименей! Но
160 Гименею, Гимену!

До тех пор, пока белая
Старость все не сведет концы,
Головою седой тряся.
О Гимен, Гименей! Но
165 Гименею, Гимену!

С добрым знаменьем чрез порог
Золотой перейди стопой
Под лоспящейся притолкой!
О Гимен, Гименей! Но
170 Гименею, Гимену!

Посмотри же: внутри супруг
Лег на ложе пурпурное,
Весь к тебе устремился он.
О Гимен, Гименей! Ио

¹⁷⁵ Гименею, Гимену!

Нет, не менее, чем в твоём,
Тайно в сердце его горит
Пламя — глубже горит оно!
О Гимен, Гименей! Ио

¹⁸⁰ Гименею, Гимену!

Ручку тонкую девушки
Бросьте, мальчики-спутники!
К ложу мужчину пусть идет!
О Гимен, Гименей! Ио

¹⁸⁵ Гименею, Гимену!

Вы же, добрые женщины,
Старикам своим верные,
Уложите вы девушку!
О Гимен, Гименей! Ио

¹⁹⁰ Гименею, Гимену!

Время! Можешь идти, супруг!
В спальню мужа вошла жена!
Молодое цветет лицо,
Словно белая лилия,

¹⁹⁵ Словно мак огнецветный.

Но, супруг (мне свидетели
Боги в том), ты не менее
Сам прекрасен, Венерою
Не забыт... Но уходит день..

²⁰⁰ Так не медли же более!

И не долго промедлил ты —
Вот идешь! Да поможет вам
Всеблагая Венера. Ты
Взял открыто желанное
И любви не скрываешь.

Тот песка африканского
Иль сверкающих звезд ночных
Подсчитает вперед число,
Кто захочет исчислить игр
²¹⁰ Ваших тысячи тысяч!

Так играйте ж и вскорости
Принесите детей: нельзя,
Чтоб остался столь древний род
Без потомства. Все тот же, пусть
¹⁵ Возрождается вечно!

Вскоре маленький пусть Торкват,
Потянувшись ручонками
С лона матери, радостно
Засмеется родителю,
²²⁰ Ротик приоткрывая.

Пусть с родителем, с Манлием,
Будь схож: из незнающих
Пусть любой узнает его.
Пусть стыдливость и матери
²²⁵ На лице его будет.

Пусть от матери доброй честь
Так же сыну достанется,
Как от матери, лучшей всех,
Пенелопы, обрел навек
²³⁰ Телемах свою славу.

Дверь закройте, о девушки!
Будет праздновать. Добрая,
Ты счастливой живи, чета,
Принося постоянные
²³⁵ Жертвы юности бодрой!

62

Юноши

Юноши! Вesper взошел. Подымайтесь! Вesper
с Олимпа,
Жданный нами давно, наконец свой факел
возносит.
Стало быть, время вставать, отходить от столов
изобильных.
Скоро невеста придет, и славить начнут Гименя.
⁵ К нам, о Гимен, Гименей! Хвала Гименею, Гимену!

Девушки

Юношей видите ль вы, подружки? Вставайте
навстречу!
Правда, вечерней звезды показался огонь из-за
Эты.
Значит, время пришло,— поспешно юноши встали,
Смело встали, сейчас запоют: нужна им победа!
¹⁰ К нам, о Гимен, Гименей! Хвала Гименею, Гимену!

Юноши

Други, победная ветвь не легко нам достанется
выне:
Девушки молча стоят, задумавшись, припоминают,
Припоминают не зря, достойное что-то готовят.
Дивно ли, если они так в мысли свои углубились?

¹⁵ Мы же — и слух не настроен у нас, и рассеяны
мысли.

Нас победят поделом: победа усердие любит.

Медлить поздно, пора! Берегитесь, внимательны

будьте!

Девушки скоро начнут, и нам отвечать им

придется!

К нам, о Гимен, Гименей! Хвала Гименею, Гимену!

Д е в у ш к и

²⁰ Вesper! Жесточе тебя несется ли в небе светило?

Можешь девушку ты из объятий матери вырвать,

Вырвать у матери вдруг ты можешь смущенную

дочку,

Чистую деву отдать горящему юноше можешь.

Так ли жестоко и враг ведет себя в граде

плененном?

²⁵ К нам, о Гимен, Гименей! Хвала Гименею, Гимену!

Ю н о ш и

Вesper! Какая звезда возвещает нам большее

счастье?

Брачные светом своим ты смертных скрепляешь

союзы, —

Что порешили мужи, порешили родители раньше.

Но сочетают союз не прежде, чем ты загорись.

³⁰ В радостный час что желанней тебя даруют нам

боги?

К нам, о Гимен, Гименей! Хвала Гименею, Гимену!

Д е в у ш к и

Вesper жестокий от нас одну отторгнул, подруги...

Ибо с приходом твоим всечасно бодрствует
стража...

Юноши

Ночью скрывается тать, но сам ты его обличаешь,
³⁵ Лишь под названьем другим с востока появишься,
Вesper.
Плачутся девушки пусть и притворно тебя
упрекают,—
В чем упрекают тебя, не жаждут ли девушки
тайно?
К нам, о Гимен, Гименей! Хвала Гименею, Гимену!

Девушки

Скромно незримый цветок за садовой возрастает
оградой.
⁴⁰ Он неизвестен стадам, не бывал он плугом
встревожен;
Нежат его ветерки, и росы питают и солнце,
Юношам многим он люб, он люб и девушкам
многим.
Но лишь завянет цветок, подрезанный
тоненьким ногтем,
Юношам он уж не люб, и девушкам боле не люб
он.
⁴⁵ Девушка так же: доколь не тронута, все ее любят.
Но лишь невинности цвет оскверненное тело
утратит,
Юношей больше она не влечет, не мила и
подругам.
К нам, о Гимен, Гименей! Хвала Гименею, Гимену!

Юноши

- Если на поле пустом родится лоза одиноко,
50 Сил не имея расти, наливать созревшие гроздья,
Юное тело свое сгибая под собственным весом,
Так что верхушка ее до самых корней ниспадает,
Ни садовод, ни пастух о лозе не заботится дикой.
Но коль случайно сплелась она с покровителем-
вязом,
- 55 И садовод и пастух о лозе заботиться станут.
Девушка так же, храня свое девство, стареет
бесплодно.
Но если в брак она вступит, когда подойдет
ее время,
Мужу дороже она и меньше родителям в тягость.
- Перед супругом таким теперь не упорствуй,
невеста!
- 60 Ты не упорствуй пред тем, кому тебя отдал
родитель,
Сам твой родитель и мать — во всем их
слушаться надо.
Девственность вся ли твоя? В ней есть и
родителей доля:
Третья часть у отца, и также у матери третья,
Третья лишь часть у тебя! Так против двоих не
упорствуй,
- 65 Коль над тобою права с приданным отдали зятю.
К нам, о Гимен, Гименей! Хвала Гименею, Гимену!

- Вы, что новых мест взыскупя, вдаль
изгнанницами ушли,
15 И за мной пустились следом и меня признали
вождем,
Хищность моря испытали и свирепость бурных
пучин,
Вы, что пол свой изменили, столь Венера
мерзостна вам,
Бегом быстрым и плутаньем взвеселите дух
госпожи!
Нам теперь коснеть не время, все за мной, за
мною скорей —
20 Во фригийский дом богини, под ее фригийскую
сень,
Где звенит кимвалов голос, где ревут тимпаны
в ответ,
Где игрец фригийский громко дует в загнутую
дуду,
Где плющем увиты станы изгибающихся менад,
Где о таинствах священных вдаль гласит
неистовый вой,
25 Где вослед богине рыщет без пути блуждающий
сонм!
Нет иной для нас дороги. В путь скорее! Ног
не жалеть!»
Так едва пропела Аттис, новоявленная жена,—
Обуянный отвечает хор трепещущим языком,
Уж тимпан грохочет легкий, уж бряцает полый
кимвал.
30 И на верх зеленой Иды мчится хор поспешной
стопой.
Их в безумьи, без оглядки, задыхаясь, Аттис
ведет,

- Чтобы жить, где снег не сходит, где морозны логи
зверья,
Чтоб в беспамятном порыве подбегать
к убежищам их?
- ⁵⁵ Где, в каких широтах мира я тебя представить
могу?
Сами очи, сами жаждут устремиться взором к тебе
В краткий срок, пока от буйства мой свободен
бедственный дух.
Я ли, дом родной покинув, в эти дебри перебегу?
Край родной, друзья, угоды, мать с отцом —
мне жить ли без вас.
- ⁶⁰ Форум, стадий и палестра, и гимнасий — брошу
ли их?
Горе, горе! Вечно плакать — вот отныне участь моя.
Кем я был и кем я не был? Сколько я обличий
смени:
Нынче дева, был я мужем, был юнцом
и мальчиком был.
Был я цветом всех гимнастов и красою был я
борцов.
- ⁶⁵ У меня в дверях толпились, стыть порог мой
не успевал,
По утрам цветов венками был украшен
празднично дом,
В час, когда с восходом солнца полагалось
с ложа вставать.
Мне ли быть богам служанкой? Мне ли быть
Кибеле рабой?
Я ли буду оскотенный жить менадой, частью
себя?
- ⁷⁰ Мне ль в горах зеленой Иды обитать, где
холод и снег?

Я ли дни сгублю молодые у фригийских острых
вершин?

Где олень лесной таятся, где кочует в чаще кабан?
Что же, что ж я натворила! Как ужасно ныне
казнюсь!»

И едва такие звуки, излетев из розовых уст,
75 До ушей богов бессмертных донесли неожиданную
новь,—

Тотчас львам своим Кибела отпустила путы ярма
И впряженного ошую тотчас так дразнить

начала:
— «Прянь свирепый, поусердствуй, чтобы он в
неистовство впал,
Чтобы вновь в порыве ярма он вернулся

в чащи мой,—
80 Он, кто в вольности чрезмерной мнит бежать от
власти моей!

Бей хвостом бока и спину, плетью собственною
хлещи!

Пусть ужасный вновь отдастся по глухим
урочищам рев.

На своей могучей вые ржавой гривой страшно
трихни!»

Так рекла Кибела грозно и спяла со зверя ярмо.

85 Сам свой нором возбуждает зверь свирепый —
и побежал!

Влево, вправо он кустарник, мчась, ломает
шалой ногой.

Вот уж близок берег пенный, близок мрамор
зыби морской,

Лютый зверь завидел деву и схватить добычу
готов,—

Древле корабль из сосны, на хребте Пелиона
рожденной,
Пыл, как преданье гласит, по водам текучим
Нептуна,
В край, где Фасис течет, к пределам владыки
Зета,
В год, когда юношей цвет, аргосской краса
молодежи,
⁶ Страстно похитить стремясь Золотое руно
из Колхиды,
Быстрой решились кормой взбороздить соленые
воды,
Весел еловых концом голубую взрывая
поверхность.
Им богиня сама, что твердыни блюдет
на высотах
Градов, корабль создала, дуновению ветра
покорный,
¹⁰ Сосны своею рукой скрепляя для гнутаго днища.
Килем впервые тогда прикоснулся корабль
к Амфитрите.
Только, взрезая волну, в открытое вышел он море,
И, под веслом закрутясь, побелели, запенились
воды,
Из поседевших пучин показались над волнами
лица:

- ¹⁵ Нимфы подводные, всплыв, нежданному чуду
дивились.
И увидали тогда впервые смертные очи
В ясном свете дневном тела Нереид обнаженных,
Вплоть до уиругих сосцов выступавших из пены
кипящей.
Тут и к Фетиде Пелей,— так молвят,— зажегся
любовью,
- ²⁰ Тут и Фетида сама не презрела брака со смертным,
Тут и отец всемогущий вручил Фетиду Пелею.
Вам, о рожденные встарь, в блаженное время
былое,
Вам, герои, привет, матерей золотое потомство!
Племя богов! Вам дважды привет!
Благосклонными будьте!
Часто я в песне своей призывать вас буду, герои!
- ²⁵ Первым тебя призову, возвеличенный факелом
брачным,
Мощный Фессалии столп, Пелей, кому и Юпитер,
Сам родитель богов, уступил любимую деву.
Ты ль не возлюбленный муж прекраснейшей
дщери Нерее?
Ты ли не тот, кому уступила внучку Тефия
- ³⁰ И Океан, что весь круг земной морями объемлет?
Время пришло, и когда желанные дни
наступили,
В гости Фессалия вся сошлась к палатам Пелея.
Вот уже царский дворец веселой полон толпою;
Гости подарки несут, сияют радостью лица;
- ³⁵ Скирос весь опустел, Темпейские брошены доли,
Пусты Краннона дома, обезлюдели стены
Лариссы,—

Все к Фарсалу сошлись, посетили фарсальские
сени.

Поле не пашет никто, у быков размягчаются выи,
Не прочищают лозы виноградной кривою

мотыгой,
40 Вол перестал сошником наклонным отваливать
глыбы;

Не убавляет и нож садовника тени древесной;
Дома покинутый плуг покрывается ржавчиной
темной.

Царский, однако, дворец на всем протяжении
роскошно
Светлым блестит серебром и золотом ярко
горящим.

45 Тронов белеется кость, на столах драгоценные
чаши
Блещут — ликует дворец в сиянии царских
сокровищ.

По середине дворца — богини брачное ложе,
Все из индийских клыков, пеленою покрыто
пурпурной —
Тканью, ракушек морских пунцовым пропитанной
соком.

50 Вытканы были на ней деяния древних героев,
Славные подвиги их она с дивным искусством
являла.

Вот Ариадна, одна, с пенношумного берега
Диц,

Неукротимый пожар не в силах сдерживать
в сердце,
Смотрит, как в море Тесей с кораблями послешно
уходит;

55 Видит — не может сама тому, что видит, поверить:

Что, от обманчивых снов едва пробудясь,
на пустынном
Берег песчаном себя, несчастная, брошенной
видит.
Он же, про деву забыв, ударяет веслами волны,
Бурному ветру свои обещанья вручая пустыне!
⁶⁰ С трав, папесенных волной, в печали глядит
Миноида,
Как изваянье, увы, как вакханка из мрамора.
Смотрит,
Смотрит вдаль и плывет по волнам великих
сомнений.
Тонкий восточный убор упал с головы золотистой,
Полупрозрачная ткань не скрывает шею нагую,
⁶⁵ И уж не вяжет тесьма грудей белоснежнее млека.
Что упало с нее, с ее прекрасного тела,
Все омывали у ног морские соленые волны.
Но не смотрела она на убор, на влажные
платья,—
Дева, надеясь еще, к тебе лишь, Тесей,
устремлялась
⁷⁰ Сердцем и всею душой и всею — безумная —
мыслью.
Ах, несчастливица! Как омрачала ей дух Эрицина
Плачем, не знавшим конца, тревог в ней тернии
сея,
С дня того, как Тесей, на мощь свою гордо надеясь,
⁷⁵ К злобному прибыл царю и увидел гортинские
кровли.
Город Кекропа пред тем, подавлен чумой
жесточайшей,
Дал, по преданью, обет искупить Андрогее
убийство

И посылать Минотавру, как дань, насущную пищу:
Юношей избранных цвет и лучших из дев

незамужних.

⁸⁰ Но, как от бедствий таких необширный измучился
город,

Сам свое тело Тесей за свои дорогие Афины
В жертву отдать предпочел, чтобы впредь уже не
было нужды,

Не хороня, хоронить на Крит увозимые жертвы.
Так на легком своем корабле, при ветре попутном,

⁸⁵ Он к горделивым дворцам Миноса надменного
прибыл.

Тотчас на гостя глядит желанья исполненным
взором

Царская дочь, что жила в объятиях матери
нежных,

Средь благовонных пелен своей непорочной
постели,—

Миртам подобна она, над струями Эвроты
возросшим,

⁹⁰ Или же ярким цветам, под дыханьем весны
запестревшим.

Девушка пламенный взор оторвать не успела
от гостя,

Как уже чувствует: зной разливается жгучий
по телу,

Вглубь, до мозга костей проникает пылающий
пламень.

Ты, о безжалостный бог, поражающий сердце
безумьем,

⁹⁵ Мальчик святой, к печалям людским примешавший
блаженство!

Ты, о богиня, кому Идалийские рощи подвластны!

- О, по каким вы бросали волнам заплывшую деву,
Как заставляли ее о русом вздыхать чужеземце!
Как страшилась она, как сердце ее замирало,
¹⁰⁰ Как от пыланья любви она золота стала бледнее
В час, как Тесей, устремясь с чудовищем
буйным сразиться,
Шел, чтобы встретить конец или славу добыть как
награду!
Хоть и напрасно, богам обещая угодные жертвы,
Не позволяла слетать молениям с уст молчаливых.
¹⁰⁵ Как необужданный вихрь, что валит дыханием
мощным
Дуб, чьи на Тавре крутом под ветром
колышутся ветви,
Или же ломит сосну шишконосную с потной
корою,
И упадают они, накреньясь, исторгнуты с корнем,
Все, что вокруг, широко своим сокрушая
паденьем,—
¹¹⁰ Так и Тесей распластал свирепого, наземь
повергнув:
Тщетно воздух пустой полубык бодает рогами!
Тут со славой Тесей обратно идет невредимый,
Свой неуверенный шаг направляет он ниткою
тонкой,
Чтобы, когда Лабиринтом пойдет, по коварным
изгибам,
¹¹⁵ Не заблудиться ему в недоступных для взора
покоях.
Но для чего, отступив далеко от замысла песни,
Стану еще вспоминать, как, родителя дома
покинув,
Бросив объятя сестры, объятя матери бедной,

- Плакавшей горько о том, что дочь дорогая
исчезла,
¹²⁰ Дева всему предпочла любовные ласки Тесея?
Иль как корабль уносил ее к пенному берегу Дии?
Или о том, как супруг с забывчивым сердцем
покинул
Вскоре ее, когда еще сон ей сковывал вежды?
Долго она, говорят, кипела душой иступленной
¹²⁵ И глубоко из груди исторгала звенящие клики;
То в печали, одна, поднималась на горы крутые,
Острый взор устремив на ширь кипящего моря;
То против трепетных волн бежала в соленую влагу,
Мягкий подол приподняв, обнажив белоснежные
поги.
¹³⁰ Вот ее скорбная речь, последние пени несчастной,
С влажных слетавшие губ, холодевшей слезой
орошенных:
«Ты ль, вероломный, меня разлучив с алтарями
родными,
Здесь, вероломный Тесей, на побережье покинул
пустынном?
Иль, обещанья забыв, священною волей
бессмертных
¹³⁵ Ты пренебрег и домой возвращаешься
клятвопреступным?
Или ничто не могло смягчить жестоких решений?
Или в душе у тебя и малости нет милосердия,
Чтобы хоть жалость ко мне почувствовал ты,
бессердечный?
Льстивым голосом ты не такие давал мне обеты,
¹⁴⁰ И не такле внушал надежды мне, злополучной,—
Радостный брак мне сулил, говорил мне о
свадьбе желанной!

Все понапрасну; мои упования развеяли ветры!
Женщина пусть ни одна не верит клятвам

мужчины

И не надеется пусть, чтоб муж сдержал свое слово.

¹⁴⁵ Если, желаньем горя, к чему-либо алчно

стремятся,

Клясться готовы они, обещать ничего им

не страшно.

Но лишь насытилось в них вождение жадного

сердца,

Слов уж не помнят они, не боятся они

вероломства.

Боги! Не я ли тебя из вихря самого смерти

¹⁵⁰ Вырвала и потерять скорей не решилась ли брата,

Нежели в миг роковой тебя, обманщик, покинуть!

Вот за какую вину на съеденье зверям и пернатым

Я отдана, и никто мой прах не покроет землю.

Львица какая тебя родила под скалою пустынной?

Море какое, зачав, из бурной пучины извергло?

Сиртами ль ты породил, Харибдой иль хищною

Скиллой?

Так-то ты мне воздаешь за спасение сладостной

жизни?

Если уж были тебе наши брачные узы не милы

Или отца-старика ты суровых укоров боялся,

¹⁶⁰ Все же ты мог бы меня отвезти в вашу дальнюю

землю;

Радостно было бы мне служить тебе верной рабою,

Белые ноги твои омывать водою прозрачной

Или на ложе твое стелить пурпурные ткани.

Но, обезумев, зачем я ветрам, разумелъя

лишенным,

- ¹⁸⁵ Выхода нет мне: вокруг только волны морские
бушуют,
Мне невозможно бежать, мне нет надежды, все
немо,
Все безотрадно кругом и все о смерти вещает.
Пусть! Но не раньше мои потускнеют глаза перед
смертью,
И не скорее душа истомленное тело покинет,
¹⁹⁰ Чем у богов за обман испрошу правосудной я кары
И хоть в последний свой час узнаю небес
справедливость.
Вы, что деянья людей наказуете, мстя, Эвмениды!
Вы, на чьей голове извиваются лютые змеи,
Гневом чей лик искажен, в беспощадном сердце
кипящим,—
Мчитесь, о, мчитесь сюда, внемлите словам моих
жалоб!
Тщетно, злосчастная, их из глубин я души
исторгаю,
Сил лишаясь, пылая огнем и слепа от безумья.
Если я вправду скорблю и жалеюсь чистосердечно,
Не потерпите, молю, чтоб рыдала я здесь
понапрасну,
²⁰⁰ И, как Тесей вероломно меня одинокою бросил,
Так пусть, богини, себе и своим принесет он
печальней!»
Только исторгла она призыв свой из груди
печальной
И за жестокость его в смятение о каре взмолилась,
Волю явил повелитель богов — кивнул головою,—
²⁰⁵ Затрепетала земля, всколебались угрюмые воды
Моря, и сонм в небесах мерцающих звезд
содрогнулся.

- Если ж пошлет тебе Та, что в святом обитает
Итоне,
Благоволив наш род защищать и престол Эрехфея,
230 Чтобы кровью быка свою обагрил ты десницу,
Пусть в душе у тебя и в памяти будут всечасно
Живы мои наставленья везде и во всякое время:
Только лишь очь твои холмы наши снова завидят,
Скорбные пусть со снастей корабельных опустят
полотна,
235 Белые пусть паруса на крученых поднимают
канатах,
Чтобы, завидевши их, познал я великую радость,
Что невредимым тебя мне день возвращает
счастливым».
Помнил сначала Тесей отца наставленья, теперь же
Вдруг отлетели они, как тучи, гонимые ветром,
240 С горных слетают вершин, снегами вечно
покрытых.
А с крепостной высоты отец устремлялся очами
Вдаль, и туманили взор ему постоянные слезы.
И лишь завидел вдали из полотнища темного
парус,
Тотчас с вершины скалы он стремительно
бросился в море:
245 Думал отец, что Тесей безжалостным роком
погублен.
Так, возвратившись под сень, омраченную
смертью отцовской,
Жестокосердый Тесей испытал не меньшее горе,
Чем Миноиде он сам, забывчивый сердцем,
доставил.
Дева в печали меж тем, на корму уходящую
глядя,

- ²⁵⁰ Много мучительных дум питала в душе
оскорбленной.
Но уж с другой стороны цветущий Иакх
приближался
С хором сатиров, с толпой силенов, на Нисе
рожденных, —
Звал он тебя, Ариадна, к тебе зажженный
любовью.
Буйной толпою неслись в опьяненье веселом
вакханки,
- ²⁵⁵ Вверх запрокинув лицо, «эвоэ!» восклицали
протяжно.
Тирсы одни потрясали — листвою перевитые копы,
Те, растерзавши тельца, рассевали кровавые части,
Эти извивами змей опоясали тело, другие
Таинства знаки несли, в плетеных скрыв их
кошницах
- ²⁶⁰ (Лишь посвященным одним возможно те
таинства ведать).
Вскинувши руки, меж тем другие били
в тимпаны
Иль заставляли бряцать кимвалы пропитательным
звоном;
Рог у многих в устах хрипящий гул издавали,
Страх наводящий напев раздавался из варварских
дудок.
В изображеньях таких богатая ткань устилала
Брачное ложе, его украшая узорным покровом.
Тут фессалийский народ, насытясь зрелищем этим,
В сторону стал отходить и богам уступать свое
место.
Как, дуновеньем своим спокойное море тревожа,
²⁷⁰ Будит зефир поутру набегающий зыбкие волны.

Те, что, мешая сучить, на тоненьких нитках
торчали.
Возле же ног их лежала, хранясь в плетеных
корзинах,
Тонкая, нежная шерсть, руна белоснежного волна.
320 Шерсть чесали они и голосом звонко звучащим
В песне божественной так приоткрыли грядущие
судьбы,
В песне, которой во лжи обличить не сможет
потомство:
«Ты, о Эматии столп, о муж, прославленный
сыном!
Ты, что великий почет приумножил доблестью
вящей,
Слушай, что в радостный день тебе предскажут
правдиво
Сестры! А вы между тем, предваряя грядущие
судьбы,
Вейте бегущую нить, бегите, кружась, веретена!
Скоро придет для тебя несущий желанное мужу
Вечер, а с ним, со счастливой звездой, придет
и супруга,
Та, что наполнит тебе любовью ласковой сердце,
Вместе свой нежащий сон съединить готова
с тобою,
Нежно руками обвив твою могучую шею.
Вейте бегущую нить, бегите, кружась, веретена!
Дом ни один никогда любви подобной не видел,
Также любовь никогда не скреплялась подобным
союзом
Или согласьем таким, что царит у Фетиды
с Пелеем.
Вейте бегущую нить, бегите, кружась, веретена!

- Сын родится от вас — Ахилл, не знающий
страха.
Враг не спину его, но храбрую грудь лишь увидит.
³⁴⁰ Будет всегда победителем он на ристаниях
конских,
Он быстроногую лань по горячему следу обгонит.
Вейте бегущую нить, бегите, кружась, веретена!
С ним герой ни один на войне не посмеет
сравниться,
Той, где тевкрская кровь окрасит берег
фригийский,
³⁴⁵ И разорит Пелопа коварного третий наследник
Трои высокий оплот, сломив его долгой осадой.
Вейте бегущую нить, бегите, кружась, веретена!
Храбрую доблесть его и светлые мужа деянья
На погребенье сынов вспоминать будут матери
часто,
³⁵⁰ Пряди седые волос распустив над горестным
прахом,
Немощно, дряхлой рукой в увядшую грудь
ударяя.
Вейте бегущую нить, бегите, кружась, веретена!
Ибо как с желтых полей собирая обильную
жатву,
Жнет земледелец свой хлеб под жарко пылающим
солнцем,
³⁵⁵ Так он троянских сынов враждебным скосит
железом.
Вейте бегущую нить, бегите, кружась, веретена!
Будет Скамандра волна свидетелем подвигов
славных,
Где постепенно она в Геллеспонт изливается
быстрый:

- Грудой порубленных тел течение ее преградится,
360 Воды до самых глубин согреются, смешаны
с кровью.
Вейте бегущую нить, бегите, кружась, веретена!
Будет свидетелем та обреченная смерти
добыча
В час, когда круглый костер, на холме
воздвигнутый, будет
Тела прекрасного сдать для жертвы заколотой
девы.
365 Вейте бегущую нить, бегите, кружась, веретена!
Ибо, лишь только судьба позволит усталым
ахейцам
Цепи Нептуна порвать, оковавшие дардаanian город,
Над погребальным холмом прольется кровь
Полпиксены.
Как под двуострым мечом бессильная падает
жертва,
370 Так на колени она повергнется телом безглавым.
Вейте бегущую нить, бегите, кружась, веретена!
Будьте же смелы теперь, в желанной любви
сочетайтесь!
Пусть счастливый союз супруга свяжет с богиней,
Пусть жезла наконец отдастся горящему мужу!
375 Вечно ведущие нить, бегите, кружась, веретена!
Завтра кормилица, вновь на рассвете ее
увидавши,
Шею ее окружить вчерашнею ниткой не сможет.
Вейте бегущую нить, бегите, кружась, веретена!
Пусть не волнуется мать, что дочь в разладе
с супругом,
380 Ей не позволит мечтать о рожденье внучат
драгоценных.

Вейте бегущую нить, бегите, кружась, веретена!»
Так, предсказанья свои прорицая когда-то
Пелею,
Пели счастливую песнь воодушевленные Парки.
Ибо нередко тогда к целомудренным домам героев
385 Боги спускались с небес и в смертном являлись
собранье,—
Ибо еще никогда не страдало тогда благочестье.
Часто Родитель богов, восседая в сверкающем
храме,
В праздник, бывало, когда годовые приносятся
жертвы,
Сам на земле созерцал, как сотни быков
умерщвлялись.
390 Часто и Либер хмельной с высокой вершины
Парпаса
Вел восклицавших гиад, растрепавших небрежные
кудри.
Ревностно Дельфы тогда, из ограды толпой
высыпая,
Бога спешили встречать, и дым алтарный курился.
Часто в смертельном бою, бывало, участвовал
Маворс,
395 Или Тритона-ручья богиня, иль Дева Рамнунта.
Вооруженных бойцов возбуждали бессмертные
боги.
Ныне ж, когда вся земля преступным набухла
бесчестьем
И справедливость людьми отвергнута ради корысти,
Братья руки свои обагрят братскою кровью,
400 И перестал уже сын скорбеть о родительской
смерти,
Ныне, когда и отец кончины первенца жаждет,

Дева не лживой слезой омрачает родителей
радость?
Нет, я богами клянусь,— стоны неискрепни дев.
В том убедили меня стенанья и пени царицы
В час, как на гибельный бой шел ее муж
молодой.
Разве ты слезы лила не о том, что покинуто ложе,
Но лишь о том, что с тобой милый твой брат
разлучен?
О, как до мозга костей тебя пронзила тревога,
Бурным волненьем своим всю твою душу объяв!
Чувства утратив, ума ты едва не лишилась,
а преж-
Знаю, с детства еще духом была ты тверда.
Подвиг забыла ли ты, который смутит и
храбрейших,
Коиm и мужа и трон завоевала себе?
Сколько печальных речей при проводах
ты говорила!
Боги! Печальной рукой сколько ты вытерла слез!
Кто из бессмертных тебя изменил? Иль с телом
желанным
В долгой разлуке бывать любящим так тяжело?
Кровь проливая быков, чтобы муж твой любимый
вернулся,
Ты в этот час и меня всем посвящала богам,—
⁸⁵ Лишь бы вернуться ему! А он в то время
с Египтом
В непродолжительный срок Азию пленную слил.
Сбылись желанья твои — и вот, в исполненье
обетов,
Приобщена я как дар к сопму небесных светил.
Я против воли — клянусь тобой и твоей головою!—

О, против воли твое я покидала чело.
Ждет того должная мзда, кто подобную клятву
нарушит!
Правда,— но кто ж устоит против железа, увы?
Сломлен был силой его из холмов высочайший,
какие
Видит в полете своем Фии блистающий сын,
45 В те времена, как, открыв себе новое море, мидиис
Через прорытый Афон двинули варварский флот.
Как устоять волосам, когда все сокрушает железо?
Боги! Пусть пропадет племя халибов навек,
С ним же и тот, кто начал искать рудоносные
жилы
50 В недрах земли и огнем твердость железа
смягчать!
Отделены от меня, о судьбе моей плакали
сестры,—
Но в этот миг, бороздя воздух шумящим крылом,
Единородец слетел эфиопа Мемнона —
локридской
Конь Арсиной, меня в небо неся на себе.
55 Там он меня поместил на невинное лоно Венеры,
Через эфирную тьму вместе со мной пролетев.
Так Зефирита сама — гречанка, чей дом на
прибрежье
Знойном Канопы,— туда древле послала слугу,
Чтобы сиял не один средь небесных огней
многоцветных
У Ариадны с чела снятый венец золотой,
Но чтобы также и мы, божеству посвященные
пряжи
С русой твоей головы, в небе горели меж звезд.

Влажной была я от слез, в обитель бессмертных
вселяясь,

В час, как богиня меня новой явила звездой.

⁶⁵ Ныне свирепого Льва я сияньем касаюсь и Девы;

И — Ликаонова дочь — рядом Каллисто со мной.

К западу я устремляюсь, к волнам Океана,
и следом,

Долгий в закате своем, сходит за мною Ботт.
И хоть меня по ночам стопы попирают

бессмертных,

Вновь я Тефии седой возвращена поутру.

То, что скажу, ты без гнева прими, о Рампунтская
Дева,

Истину скрыть никакой страх не заставит
меня, —

Пусть на меня, возмуться, обрушат проклятия
звезды, —

Что затаила в душе, все я открою сейчас:

⁷⁵ Здесь я не так веселюсь, как скорблю, что
пришлось разлучиться,

Да, разлучиться навек мне с головой госпожи.

Где я была лишена умащений в девичестве
скромном,

После же свадьбы впила тысячу сразу мастей.

Вы, кого сочетать долженствует свадебный факел!

⁸⁰ Прежде чем скинуть покров, нежную грудь
обнажить,

Юное тело отдать супруга любовным объятьям,

Мне из ониксовых чаш праздничный лейте елей,

Радостно лейте, блюда целомудренно брачное ложе.

Но если будет жена любодаянья творить,

⁸⁵ Пусть бесплодная пыль вопьет ее дар
злополучный, —

От недостойной жены жертвы принять не хочу.
Так, новобрачные,— пусть и под вашей кровлей
всечасно

Вместе с согласьем любовь долгие годы живет.
Ты же, царица, когда, на небесные глядя

созвездья,
90 Будешь Венере дары в праздничный день

приносить,
Также и мне удел сирийских часть благовоний,

Не откажи и меня жертвой богатой почитать.

Если бы звездам упасть! Вновь быть бы мне
царской косою —

Хоть бы горел Водолей там, где горит Орион!

67

(Поэт)

Нежному мужу мила, мила п родителю тоже
(Пусть Юпитер тебе много добра ниспошет!),
Здравствуй, дверь! Говорят, усердно служи: яла ты

Бальбу

В годы, когда еще дом принадлежал старику:
⁵ Но, уверяют, потом, когда уж хозяин загнулся,
Не без проклятия ты стала служить молодым.
Не обессудь, расскажи, почему же ты столь

изменилась,

Что перестала блюсти верность былую свою!

(Дверь)

Нет (уж, пусть извинит Цецилий, мой новый
хозяин),

Это вина не моя, как ни судили б о том,
Нет, не скажет никто, что в чем-либо я

погрешила.

Видно, такой уж народ: все нападают на дверь!
Ежели кто-либо где неладное что-то приметит,
Сразу набросится: «Дверь, в этом виновница —
ты!»

(Поэт)

¹⁵ В двух словах обо всем не расскажешь, чтоб
было понятно;

Ты постарайся, чтоб нам слушать и видеть
зараз!

(Д в е р ь)

Что ж я могу? Ведь никто ни спросить, ни узнать
не желает.

(П о э т)

Я, вот, желаю. Мне все, не усумнясь,
расскажи.

(Д в е р ь)

Прежде всего: что хозяйку в наш дом ввели
непорочной —
Ложь. Не беда, что ее щупал былой ее муж —
Тот, у которого кляп свисал, как увядшая свекла,
< >
Но говорят, что сыну отец осквернял его ложе,
Тем опозорив совсем их незадачливый дом:

²⁵ То ли слепая любовь пылала в душе нечестивой,
Или же был его сын сроду бесплоден и хил,—
И приходилось искать человека с упругою жилой,
Кто бы сумел у нее пояс девчества снять.

(П о э т)

Вот настоящий отец, который возвышенно любит,
И не смутился отлить в лоно сыновней любви!

(Д в е р ь)

Есть и другие дела, притязает на знанье которых
Бриксня, что у пяты Кикновой башни лежит.
Там, где спокойно струит свои воды желтая Мелла,
Бриксня, добрая мать милой Вероны моей.

³⁵ Может она рассказать, как Постумий, а также
Корнелий

Оба блудили не раз с новой хозяйкой моей.
Кто-нибудь может спросить:— «Но как ты об
этом узнала,

Дверь? Ведь хозяйский порог ты покидать не
вольна,
К людям не можешь сойти, к столбу ты привинчена
крепко,—

Дело одно у тебя: дом запирать — отпираты!»
Слышала я, и не раз, как хозяйка, бывало,
служанкам

Много болтала сама о похождениях своих,
Упомянула о тех, кого я сейчас называла,
(Будто бы нет у дверей ни языка, ни ушей!),

⁴⁵ Упомянула еще одного, чье имя, однако,
Не назову, чтобы он рыжих не вскинул бровей.
Ростом он очень высок; в делах о брюхатости
ложной

И подставных животах был он замешан не раз.

Радн того, удручен судьбы жестоким ударом,
Ты мне посланне плешь с явными знаками
слез,

Чтобы тебя подхватил я у пенной пучины
крушенья,
К жизни тебя возвратил, вырвал у смерти
самой,—

⁵ Ибо тебе не дает святая Венера на ложе,
Преждем приюте любви, нежиться в сладостном
сне,
Не услаждают тебя песнопеньями древних поэтов
Музы, и бодр по ночам твой растревоженный ум.
Радостно мне, что своим меня называешь ты
другом,

Просишь вновь у меня Муз и Венеры даров.
Но, чтоб о бедах моих ты не был в неведенья,
Аллий,

И не подумал, что я гостеприимство забыл,
Знай, как ныне я сам судьбы затопляем волнами,
И у несчастного впредь счастья даров не проси!

¹⁵ В годы, когда получил я белую тогу впервые,
Был я в расцвете своем предан весельям весны.
Вдоволь знавал я забав, была не чужда мне богиня,
Та, что умеет беде сладости горькой придать.

Но отвратила меня от привычных занятий кончина
²⁰ Брата. О горе! Навек отнят ты, брат, у меня.

Брат мой, смертью своей ты все мое счастье
разрушил,
Вместе с тобою, о брат, весь наш и дом
погребен.
Вместе с тобой заодно погибли все радости наши,
Все, что, живя среди нас, нежным ты чувством
питал.

²⁵ После кончины его изгнал я из мыслей всецело
Эти усердия свои, прежнюю радость души.
Если ж коришь ты меня, что якобы стыдно
Катуллу
Медлить в Бероне, пока здесь из столицных
любой

Греет свои телеса в его опустелой постели,—
Это уж, Аллий, не стыд, это, скорее, беда.
Значит меня ты простишь; дары, о которых ты
просишь,

Скорбь у меня отняла: не подарить, чего нет.
Кроме того, у меня и книг здесь мало с собою,—
Я ведь в Риме живу, там настоящий мой дом,

³⁵ Там постоянный очаг, там вся моя жизнь
протекает;
Из упаковок своих взял я с собой лишь одну:
Ежели все это так, не хочу, чтобы ты заподозрил
Умысел некий во мне или души кривизну.
Не по небрежности я не ответил на две твои
просьбы:

Все я послал бы и сам, если б имел, что послать.
Я умолчать не могу, богини, в чем именно Аллий
Мне помогал и, притом, в скольких делах
помогал.

Пусть же времени бег и недолгая память
столетий

- Аллий бывал для меня,— верный помощник
в беде.
Поприще он широко мне открыл, недоступное
прежде,
Он предоставил мне дом и даровал госпожу,
Чтобы мы вольно могли там общей любви
предаваться,
- 70 Здесь богиня моя в светлой своей красоте
Нежной ногою, блестя сандалией с гладкой
подошвой,
Через лощеный порог переступила, входя.
- Лаодамия вошла не так же ли к Протесплаю,
Пламенно мужа любя, в им недостроенный дом
- 75 В час, как священная кровь по уставу заколотой
жертвы
Не призвала еще в дом благоволенья богов?
О, пускай никогда не даст Рамнусийская дева
Мне домогаться того, что негодно богам!
Как голодавший алтарь томился о жертвенной
крови,
- 80 Лаодамии пришлось, мужа утратив, узнать:
Оторвалась поневоле она от шеи супруга
Раньше, чем зиму зима в ходе обычном сменив,
Так утолила любовь несытую страстной подруги,
Чтобы сумела она в прерванном браке прожить.
- 85 Парки знали о том, что муж ее вскоре погибнет,
Если как воин пойдет вражеский брат Иллон
В оное время, когда совершилось хищенье Елены
И призывала к себе Троя аргивских мужей —
Троя, общий погост и Азии всей и Европы,
Троя, горестный прах стольких отважных бойцов,
Ныне не ты ль моему угодила брату погибель

- Все же любви твоей глубь была этой пропасти
глубже,
И научила тебя иго носить, покорясь.
Даже единая дочь у согбенного годами старца
120 Так не лелеет сынка, поздно узревшего свет,
Что наконец-то предстал, родового богатства
наследник,
И в завещание был дедом своим занесен.
И уповавшей родни нечестивую радость рассеял,
От благородных сединок коршуна прочь отогнав.
125 С белым своим голубком никогда никакая голубка
Так не любила, его клювиком острым своим
Не уставая щипать и его поцелуи срывая
Алчные, только одним женщинам вольным
подстать.
Ты же из женщин одна победила неистовство
страсти,
Лишь с белокурым своим мужем сойдясь
навсегда.
Не уступала ты ей ни в чем, иль разве
в немногом,—
Свет мой!— когда, приспешив, пала в объятья
мои.
А между тем Купидон, вокруг вьясь и порхая,
Реял и ярко сиял в тунике желтой своей.
135 Если ж подруге моей одного не хватало Катутла,—
Скромной прощу госпоже ряд ее редких измен,
Чтоб по примеру глупцов не стать уже слишком
несносным:
Часто Юнона сама, первая между богов,
Свой полыхающий гнев на провинности мужа
смирляла,
140 Новую весть услышав о Слостолюбце своем.

Впрочем людям ни в чем с богами равняться
не должно;
Брось отца-старика неблагодарную роль!
Ведь не отцовской рукой была введена она в дом
мой,
Где ассирийских духов брачный стоял аромат.
¹⁴⁵ Маленький дар принесла она дивною ночью,
украдкой
С лона супруга решаешь тайно похитить его.
Я же доволен и тем, что мне одному даровала
День обозначить она камнем белее других.

Вот я подарок в стихах, как мог, сочинил тебе,
Аллий.
Это ответ мой на все, чем ты способствовал мне,
С тем, чтобы имя твое не знало ржавчины едкой
Нынче и завтра, и впредь, долго и долго еще.
Боги, прибавьте даров в изобилии, какими Фемпид
Вознаграждала в былом благочестивых мужей!
¹⁵⁵ Счастья же вам — и тебе, и той, кем жив ты,
и дому,
Где мы тогда с госпожой знали утехи любви.
Будь же счастлив и тот, мне давший пристанище
первым,
Тот, которому всем был я обязан добром.
Прежде же прочего ты, что меня самого мне
дороже,
¹⁶⁰ Свет мой, чья сладкая жизнь сладость и жизни
моей!

Чудным образом слил две воедино беды.

- ⁵ Только свершат они блуд, жестоко наказаны оба:
Вонюю он душит ее, сам — от подагры чуть жив.

72

Ты говорила не раз, что любишь только Катулла,
Лесбия,— не предпочтешь даже Юпитера мне.
И полюбил я тебя не так, как обычно подружек,
Но как родитель — сынов или дочерних мужей.

- ⁵ Ныне тебя я узнал и ежели жарче пылаю,
Много ты кажешься мне хуже и ниже теперь.
Спросишь: как? почему? При таком вероломстве
любовник
Может сильнее любить, но уж не так уважать.

73

Расположенья к себе заслужить ни в ком не
надейся,
Ни от кого никогда верности прочной не жди.
Не благодарен никто. Другому оказывать благо —
Проку в том нет, наживешь только унынье
и гнет.

- ⁵ Так, ненавидит меня и яростней всех и жесточе
Тот, у кого я досель другом единственным слыл.

74

Геллий слушал не раз, как дядя бранил постоянно
Тех, кто играет в любовь или болтает о ней.
Чтобы того ж избежать, он смело супружницу дяди
Взял в обработку, и тот стал Гарпократом самим.

- ⁵ Малый достиг своего: теперь он может и дядю
В дело пустить самого — тот и на это смолчит.

75

Вот до чего довела ты, Лесбия, душу Катулла,
Как я себя погубил преданной службой своей!
Впредь не смогу я тебя уважать, будь ты
безупречна,
И не могу разлюбить, что бы ня делала ты.

76

Если о добрых делах вспоминать человеку отрадно
В том убеждены, что жизнь он благочестно
провел,
Верности не нарушал священной, в любом
договоре
Все к богам не зывал ради обмана людей,—
То ожидают тебя на долгие годы от этой
Неблагодарной любви много веселий, Катулл.
Все, что сказать человек хорошего может другому
Или же сделать ему, сделал и высказал я.
Сгнуло все, что душе недостойной доверено
было,—
Так для чего же еще крестные муки терпеть?
Что не окрепнешь душой, себе не найдешь ты
исхода,
Гневом гонимый богов не перестанешь страдать?
Долгую трудно любовь покончить внезапным
разрывом,
Трудно, поистине,— все превозмоги и решишь.
15 В этом спасенье твое, лишь в этом добейся победы,
Все соверши до конца, станет, не станет ли сил.
Боги! О, если в вас есть сострадание, и вы подавали
Помощь последнюю нам даже и в смерти
самой,—

Кипьте взор на меня, несчастливца! и ежели чисто
Прожил я жизнь, из меня вырвите злую чуму!
Оцепененьем она проникает мне в жилы глубоко,
Лучшие радости прочь гонит из груди моей,—
Я уж о том не молю, чтоб меня она вновь
полюбила,

Или чтоб скромной была, что уж немислимо ей,
²⁵ Лишь исцелиться бы мне, лишь бы черную хворь
мою сбросить,
Боги, о том лишь молю — за благочестье мое.

77

Руф, кого я считал бескорыстным и преданным
другом
(Так ли? Доверье мое дорого мне обошлось!),—
Ловко ко мне ты подполз и нутро мне пламенем
выжег.
Как у несчастного смог все ты похитить добро?
⁵ Все же похитил, увы, ты, всей моей жизни отравя,
Жестокосердный, увы, ты, нашей дружбы чума!

78

С Галлом два брата живут. Один женат на
красотке,
А у другого подросток премоливидный сынок.
Галл со всеми хорош,— он и этих двоих
поощряет —
Пусть, мол, с красавцем юнцом тетка красотка
поспит.
⁵ Галл, однако же, глуп: давно и женатый и дядя,
Учит племянника сам дяде рога наставлять.

Квинтий, или того, что драгоценней и глаз,
Не отнимай у него, что глаз ему драгоценней,
Ежели есть что-нибудь, что драгоценнее гла:

83

Лесбия часто меня в присутствии мужа порочит,
А для него, дурака, радость немалая в том.
Не понимает осел: молчала бы, если б забыла,—
Значит, в здравом уме. Если ж браунт
и клянет,—
Стало быть, помнит, притом — и это гораздо
важнее —
Раздражена,— потому так и горит, и кипит.

84

«Хоммода» стал говорить вместо общего «коммода»
Аррий,
Вместо «инсидиас» — «хинсидиас» говорит.
Воображает, что он образчик тончайшего вкуса,
Если, хотя бы с трудом, «хинсидиас» произнес.
⁵ Мать, вероятно, его и вольноотпущенник дядя
Так говорят, а до них — матери мать и отец.
В Сирию послац он был,— и тогда отдохнули все
уши,
Стали все те же слова чисто звучать и легко.
Мы перестали дрожать, что привьются такие
словечки,—
Но неожиданно весть страшная к нам
донеслась:
Только лишь Аррий успел переплыть Ионийское
море,—
Как Хпонийским уже стали его называть.

85

Ненависть — и любовь. Как можно их чувствовать
вместе?
Как — не знаю, а сам крестную муку терплю.

86

Квинтия славят красу. По мне же она
белоснежна,
И высока, и пряма — всем хороша по частям,
Только не в целом. Она не пленит обаяньем
Венеры,
В пышных ее телесах соли ни малости нет.
Лесбия — вот красота: она вся в целом прекрасна,
Лесбия всю и у всех переяла красоту.

87

Женщина так ни одна не может назваться
любимой,
Как ты любима была искренно, Лесбия, мной.
Верности столько досель ни в одном не бывало
союзе,
Сколько в нашей любви было с моей стороны.

88

Что же он, Геллий, творит? — известно, что мать
и сестрица
Зуд облегчают ему ночью, рубахи спустив.
Разве же ты не слышал, что тот, кто препятствует
дяде
Мужем доподлинно быть, занят преступной
игрой?
И преступленья не смыть, о Геллий, ни крайней
Тефни,

Ни Океану не смуть, легких родителю нимф.
Если бы даже, свершить не успев преступлений
тягчайших,
Голову низко пагнув, стал он казнить сам себя.

89

Худ стал Геллий. А что? Живет при матери
добрый,
Да и здоровой вполне, и с миловидной сестрой,
Сколько в родне у него прелестных девушек
разных,
Кстати и дядя добряк — как же ему не худеть?
5 Пусть он не трогал того, что ему не положено
трогать,
Ясно и так, что ему не исхудать мудрено.

90

Да народится же маг от неслыханной связи
любовной
Геллия с матерью; пусть персов изучит волшебю!
Матери с сыном родным породить полагается мага,
Ежели только не лжет их печестивый закон.
5 Пусть же будут богам его заклинанья угодны
В час, когда жертвенный тук в пламени таять
начист.

91

Геллий, не потому тебе доверял я всецело
В этой несчастной моей и безнадежной любви,
Не потому, что тебя я считал человеком надежным
И неспособным ко мне гнусные чувства питать,—
5 Нет: потому что тебе не матушка и не сестрица
Та, к которой меня злая снедала любовь.

И не настолько с тобой, я думал, мы были
друзьями,

Чтобы за это одно мог ты мне яму копать.
Ты по-иному судил. Тебя привлекает любое
¹⁰ Дело, если ты в нем чуешь преступный душок.

92

Лесбия дурно всегда, но твердит обо мне
постоянно.

Нет, пропади я совсем, если не любит меня.
Признаки те же у нас: постоянно ее проклинаю,
Но пропади я совсем, если ее не люблю.

93

Меньше всего я стремлюсь тебе быть по сердцу,
Цезарь:
Что мне, белый ли ты, черный ли ты человек?

94

Хрен пустился блудить. Пустился блудить? что ж
такого?
Как говорят у людей: овощу нужен горшок.

95

«Смирну», поэму свою, наконец мой выпустил
Цянна
Девять посевов и жатв он протрудился над ней
Триста тысяч стихов успел в то же время
Горгензий..

⁵ «Смирну» везде разошлют, до вод глубоких
Сатраха
Свиток ее развивать будут седые века.

А в Падуанском краю Анналы Волузия сгинут
И на рубахи пойдут тамошним карпам речным.
Будь же в сердце моем необъемистый подвиг

поэта,—
10 Чернь же радует пусть дутый болтун Антимах.

96

Если к могилам немым долетев, от нашего горя
Может повеять на них миром и радостью, Кальв,
Страстно желаем ли мы возврата любви не
забытой

Или же плачем о днях дружбы, когда-то
живой,—

5 Верно Квинтилия так не горюет о ранней кончине,
Сколь веселится, твою верную видя любовь.

97

Нет, я сказать не смогу, что хуже (простите мне,
боги!)

Пахнет — Эмилиев рот или Эмилиев зад.

Рот ли грязней у него, или зад у него неопрятней,

Чище все-таки рта и приспособленной зад.

5 Главное: он без зубов. А зубы Эмилия — с локоть,
Кажет он десны — точь-в-точь старый дорожный
сундук,

А между ними провал — как отверстие потной
мулицы,

Ставшей пузырь облегчить в жаркий
полуденный час.

Многих он жещцин имел, из себя он корчит
красавца,—

10 А не послать ли осла в мельне вертеть жернова?

Что же о тех я скажу, кто его обнимать
не стыдится?
Больше им было б к лицу гузно лизать палача!

98

Лучше подходит тебе, чем кому-либо, пакостный
Вектий,
То, что народ говорит про болтунов и шутов:
Славно таким языком, лишь только представится
случай,

Задницы можешь лизать и сапоги мужичья.
⁵ Ежели нас погубить всех сразу желаешь ты,
Вектий,
Рот лишь открой — и уже сделал ты дело свое.

99

Я у тебя за игрой похитил, мой нежный Ювенций,
Сладостный с губ поцелуй — сладостней пищи
богов.

Не безнаказан был вор. О, помню, более часа
Думалось мне, что повис я в высоте на кресте.
⁵ Стал я прощенья просить, но не мог никакими
мольбами
Хоть бы на йоту смягчить твой расходившийся
гнев.

Лишь сотворил я беду, ты тотчас следы поцелуя
Истово начал с лица всей пятерней обтирать.
Словно затем, чтоб моей на лице не осталось
заразы,

Будто пристала к нему уличной суки слюна!
Кроме того, не скупясь, предавал ты меня,
несчастливца,
Гневу Амура, меня всячески ты распинал.

Так что тот поцелуй мимолетный, амбросии слаще,
Стал мне казаться теперь горше полныи самой.
¹⁵ Если проступок любви караешь ты столь
беспощадно,
То я могу обойтись без поцелуев твоих.

100

Целию мил Авфилен, а Квинтий пленен
Авфиленой,—
Сходят с ума от любви, юных веронцев краса,
Этот сестру полюбил, тот брата,— как говорится:
Вот он, сладостный всем, истинно братский союз.
⁵ Счастья кому ж пожелать? Мой Целий, тебе,
несомненно,—
Редкую дружбу свою ты доказал мне, когда
Неудержимая страсть у меня все нутро
прожигала,
Будь же, мой Целий, счастлив, знай лишь
победы в любви.

101

Брат, через много племен, через много морей
переехав,
Прибыл я скорбный свершить поминовенья
обряд,
Этим последним тебя одарить приношением
смерти
И безответно, увы, к праху немому воззвать,
⁵ Раз уж тебя самого судьба похитила злая,—
Бедный, коль на беду отнят ты был у меня!
Ныне же, как нам отцов завещан древний обычай,
Скорбный обряд совершу,— вот на могилу дары;
Пали рососою на них избыльные братнины слезы.

Их ты прими — и навек, брат мой, привет
и прости!

102

Ежели есть человек, хранить умеющий тайны
Друга, которого он честную душу познал,
Я, мой Корнелий, таков, святому закону
причастен,—
Можешь отныне меня ты Гарпократом считать.

103

Лучше отдай мне, Синоп, мои десять тысяч
сестерций
И сколько хочешь потом будь и заносчив и груб,
Если же любишь деньгу, тогда перестань,
умоляю,
Сводником быть и притом груб и заносчив
не будь.

104

Значит, веришь и ты, что я мог оскорбленьем
унизить
Ту, что мне жизни милей и драгоценнее глаз?
Нет,— а если бы мог, не пылал бы столь губительной
страстью.
Ты же, совсем как Таппон, призракам верить
готов.

105

Тщетно пытается хрен на Пимплейскую гору
взобратся;
Вилами тотчас его музы оттуда спихнут.

113

В пору, мой Цинна, когда Помпей стал консулом,
двое
Спали с Мециллой. Теперь консулом стал он
опять.
Двое остались при ней, но выросла тысяча рядом
С каждым из них. Семена мечет обильно разврат.

114

Хрен богатеет слывет: у него близ Фирма именье.
Как не прослыть, коли в нем всякого столько
добра.
Пашни, луга и поля, и птицы, и рыбы и звери,
Только все не в прок; выше дохода расход.
Пусть же слывет богачом, но лишь бы всего
не хватало;
Будем именье хвалить, лишь бы он сам захирел.

115

Много у Хрена земель: под покосами югеров
тридцать
Сорок под пашню полей; прочее — море воды.
Как же ему не вступить в состязанье
с богатствами Креза,
Если в именье одном столько добра у него?
⁵ Нивы, луга, леса преогромные, пади, болота,
К гиперборейцам самим, до Океана дошли!
Да, это все велико, но сам он и этого больше —
Не человек, а большой, всем угрожающий Хрен.

116

Долго я формы искал, как ищет охотник,
прилежно,

Чтоб Батнада стихи мог я тебе поднести,
С тем, чтобы мягче ты стал и свои ядовитые

стрелы
Впредь перестал бы метать, в голову целясь
мою.

⁵ Вижу теперь, что мои пропадают напрасно
усяля,
Геллий, и ты ни во что просьбы неставишь
мои.

Знай, от любых твоих стрел я укроюсь полою
накидки,
Ты же от каждой моей будешь мученье терпеть.

ДОПОЛНЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ КАТУЛЛА В ПЕРЕВОДАХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XVIII—XX вв.

В. К. Тредиаковский

12. НА НЕКОЕГО АЗИНИЯ

Азийий! Левою рукою
Не кстати за столом дуришь:
Салфетки крадешь ловко тою,
Оставлены когда те зришь...
Так триста сам, в позор для предку,
Иль от меня стихов смотри ж,
Иль мне отдай мою салфетку.

А. И. Бузарский

3. ПОДРАЖАНИЕ КАТУЛЛОВОЙ ЭЛЕГИИ

LUGETE O VENERES

С французского перевода

Восплачьте, Грации, Амуры;
Лезбинн милый воробей
Исполнил смертью долг природы
И прервал цепь счастливых дней.

Она любовь к нему питала,
А он был верен ей и мил:

Всегда она его лобзала;
Всегда он вокруг ее шалил.

Хоть улетит в иную пору,
Но знак от ней приметит чуть,
К ее назад порхнет он взору
И сядет к ней на нежну грудь.

Но в нем исчезла жизни сила.
Ты, Парка, к нам была люта,
Сразив то, что любовь творила
И что любила красота.

Свирепым дышущая жаром
О непреклонна адска дочь!
Твоим повержена ударом
Краса стремится в вечну ночь.

О ты, что жизнь моей любезной
Всегда старался веселить,
Ты умер!.. стон ее, ток слезный
Тебя не может оживить.

Предмет любви и обожаем,
Достойный нежности венка;
Вот сколько слез мы проливаем!
Суди ж, как смерть твоя жалка!

П. Ю. Львов

62. ЭПИТАЛАМ МАНЛИЮ И ЮНИИ

Л и к ю н о ш е й. Вечерняя звезда является! Юноши,
восстаньте из-за трапезы! Геспер, толь долговременно
ожидаемый, мечет с высот Олимпа трепещущий луч
свой; время оставить пированье. Скоро предстанет по-

вобрачная красота, скоро начнется торжество Гименей.— Гимен! о Гименей! се грядет Гимен, се Гименей.

Л и к м л а д ы х д е в. Младые девы! оставим трапезу, подобно сим юношам. Уже блещут лучи звезды, ночь предвещающей; не для чего медлить. Воззрите на юнош: они уж удалились. И не напрасно; им начинать пение.

Л и к ю н о ш е й. Други! победа будет не малотрудна. Посмотрите внимательно на сих младых красавиц: с каким размышлением совещаются они о пении! И не тщетно. Но мы, развлеченные иными заботами, несомненно побеждены будем. Превосходство требует большего рачения. По крайности хотя на сей раз совокупите мысли ваши; пусть начнут оне пение: мы должны будем ответствовать им.— Гимен! о Гименей! се грядет Гимен, се Гименей.

Л и к д е в. О Геспер! есть ли какая иная звезда в небесах, которая бы ужаснее тебя сияла? Ты безжалостно исторгаешь юную деву из объятий матери ес. Не взирая на все ее сопротивления, ты изъемишь ее из рук родительницы, чтобы предать ее юноше, пламенеющему любвию. Самые враги, по долгом облежании во град вступившие, свирепее сего поступить не могут.— Гимен! о Гименей! се грядет Гимен, се Гименей.

Л и к д е в. Она подобна цветку, во внутренности вертограда тщательно возвращаемому; цветку, который, не страшая ни острого рала, ни челюстей стада, приекает токмо любовные лобзания зефиров; оживленный благотворною теплою лучей солнечных, он роскошно растет, и плодотворные дожди орошают его; он прель-

щает и молодых дев и юных отроков; но когда бывает сорван и лишится прелести своей, тогда он не имеет более для них заразы. Тако и дева мила бывает, доколе хранит свое девство; но коль скоро лишится сего драгоценного цвета, тогда юноши не обретают в ней прежней очаровательности, и подруги ее престают столь горячо любить ее.— Гимен! о Гименей! се грядет Гимен, се Гименей.

Л и к ю н о ш е й. Одинокая виноградная лоза, на пучком поле прозябшая, никогда не вьется вверх сама собою, никогда она одна не приносит сладких и благовонных ягод. Ее леторосли пресмыкаются вокруг ее корня, ни единый виноградарь о ней не печется... Но если она хотя нечаянно сочетается с молодым вязом: тогда бывает цветна и плодоносна. Так престаривается в одиночестве дева, брака чуждая, и на что же дни ее гаснут? Но если она вступает в счастливый союз, да и в лета, природою ей для того определенные, тогда соделывается она дражайшим предметом супруга ее и менее равнодушною к сродникам.

С. Е. Раич

5. К ЛЕСБИИ

Лесбия! время летит!
Пламенем нашей любви
Крылья ему подожжем!..
Пусть старики, с охладевшею кровью,
Морщатся, брезгают нашей любовью;
Что нам за дело до них!

И. П. Крешев

11. ДРУЗЬЯМ

Товарищи — Аврелий, Фурий!
Поги я в глубь индийских стран,
Где в берега восточной бурей
Так звучно плещет океан;
К арабам ли, размякшим в неге,
К парфиянам ли стрельцам, туда ль,
Где семирукий Нил в разбеге
Окрашивает моря даль;
Через дикие ли Альпов кручи,
Трофеи цесаревых дел,
Туда ль, где галльский Рейн кипучий,
Где бритты... и земле предел,—
За мною вы готовы всюду,
Куда б меня ни кинул рок...
Нет, об одном просить вас буду:
Снесите милой мой упрек.
Пускай блестит она средь новых
Друзей; для сердца не избрав
Ни одного, пускай в оковах
Растлит их сладостью отрав,,
Но пусть моей любви воспетой
Не ждет, сразив ее виной...
Так блекнет в поле цвет, задетый
Неосторожной бороной.

Н. В. Гербель

2. НА СМЕРТЬ ВОРОБЬЯ

Плачьте, Грации, со мною,
С поколением людей,
Одаренных красотою:
Умер бедный воробей
Милой девушки моей,
Воробей, утеха милой,
Радость друга моего,
Тот, кого она хранила
Пуще глаза своего!
Как он ласков был с тобою!
Как младенец мать свою,
Знал он милую мою.
Неразлучен с госпожою,
Он попрыгивал вокруг
И чириканьем, порою,
Веселил и нежил слух.
А теперь — увы! — он бродит
По печальным берегам
Той реки, с которой к нам
Вновь никто уж не приходит.
Прочь из глаз, скорее прочь,
Смерти сумрачная ночь,
Ты, что мчишь в Аид с собою
Все, что блещет красотою!
А он был так дорог ей,
Этот ласковый, тобою
Похищенный воробей!..
О судьба! О мой несчастный!

Через тебя глаза прекрасной
Милой девушки моей
От горячих слез распухли,
Покраснели и потухли.

А. А. Фет

5. К ЛЕСБИИ

Жить и любить давай, о Лесбия, со мной!
За толки стариков угрюмых мы с тобой
За все их не дадим одной монеты медной.
Пусть восходит день и меркнет тенью бледной.
Для нас, как краткий день зайдет за небосклон,
Настанет ночь одна и бесконечный сон.
Сто раз целуй меня, и тысячу, и снова
Еще до тысячи, опять до ста другого,
До новой тысячи, до новых сот опять.
Когда же много их придется насчитать,
Смешаем счет тогда, чтоб мы его не знали,
Чтоб злые нам с тобой завидовать не стали,
Узнав, как много раз тебя я целовал.

27. К МАЛЬЧИКУ-ПРИСЛУЖНИКУ

Фалерна старого, служитель-мальчик, нам
Лей в чаши горечи хмельной и беспощадной,
Такой закон дала Постумия пирам,
Пьянее ягоды налившись виноградной.
Прочь, вы, струи воды, куда угодно вам,
Губителям вина; вы к строгим ворчунам
Ступайте: чистого здесь царство Тионейца.

34. К ДИАНЕ

Мы под защитой Дианиной,
Чистые девы и мальчики,
Встретим Диану, мы чистые,
Песню благочестивой.

О, Латония, высшего
Дочь Громовержца великая,
Ты, породила которую
Мать под Делосской оливой,

Чтобы была ты владычицей
Гор и лесов зеленеющих
И по сокрытым ущелиям
Рек с громозвучной волною.

Ты и Люцина томящимся,
Ты и Юнона родильницам,
Тривия тоже, с заемным ты
Светом зовешься Луною.

Ты, в обращении месячном
Меря теченье годичное,
В закромы сельского пахаря
Сыплешь и сбор нарочитый.

Будь, под каким бы ты именем
Ни пожелала, священной,
И как издревле, будь правнукам
Ромула вечной защитой.

50. К ЛИЦИНИЮ

Мы вчерашний день с тобой, Лициний,
Все играли на моих табличках,
Наперед решивши забавляться.
Мы стишки с тобой писали оба,
То в одном, а то в другом размере,
Отвечая на вино и шутки.
Я ушел, твоей красой, Лициний,
И твоим плененный остроумьем,
Так, что, бедный, я лишился пищи,
И очей не свел мне сон покоем,
А по всей постели, как безумный,
Я кидался в ожиданьи света,
Чтоб с тобой, беседуя, быть вместе.
Но когда измученное тело
Улеглось в кровати полумертвым,
Сочинил стихи тебе я эти,
Чтоб ты, милый, грусть мою увидел.
Берегись теперь ты быть надменным
И, прошу, не презирай молений.
Попадешь в ответ пред Немезидой.
Вспыльчива богиня; не прогневай.

96. КАЛЬВУ О КВИНТИЛИИ

Если в немые могилы отрадно и сладостно может,
Кальв, проникнуть хотя нечто и вашей тоски,
Как давнишнюю мы любовь обновляем стремленьем
Или о дружбе, давно скрывшейся, слезы мы льем,
Верно, не столько скорбит о ранней Квинтилия смерти,
Сколько твоя принесет ей утешенья любовь.

72. К ЛЕСБИИ

Ты говорила когда-то, что знаешь ты только Катулла,
Лесбия, что предпочтешь ты и Зевесу меня.
И тебя я любил не как чернь свою любит подругу,
А как отец сыновей любит своих иль зятьев.
Ныне тебя я узнал; и теперь хоть страстней я пылаю,
Но для меня уж не так ты и близка и ценна.
Ты говоришь: почему! Потому, что такая обида
Больше внушает любви с меньшим желаньем добра.

85. О СВОЕЙ ЛЮБВИ

Хоть ненавижу, люблю. Зачем же?— пожалуй,
ты спросишь.
И не пойму, но в себе чувствуя это, крушусь.

Ф. Е. Корш

5

Будем, Лесбия, жить, пока живы,
И любить, пока любит душа;
Старых сплетников ропот брызгливый
Пусть не стоит для нас ни гроша.

Солнце сядет чредой неизменной
И вернется, как было, точь-в-точь;
Нас, лишь свет наш померкнет мгновенный,
Ждет одна непробудная ночь.

Дай лобзаний мне тысячу сразу
И к ним сотню и тысячу вновь,
Сто еще, и к другому заказу
Вновь на столько же губки готовь.

А как тысяч накопится много,
Счет собьем, чтоб забыть нам итог,
Чтоб завистник не вычислил строго
Всех лобзаний и сглазить не мог.

43

Деве-красотке поклон мой покорный,
Нос у которой не мал, не казист,
Ножки не стройны, а глазки не черны,
Пальцы не длинные, а ротик не чист,

Речь, если правду сказать, не робея,
Тоже не самая прелесть и сласть.
Здравствовать, дева, желаю тебе я,
Мота Формийского нежная страсть!

Ты ль красота, о которой так ложно
Голос провинции суд свой изрек?
С Лесбией спорить тебе ли возможно?
Что за безвкуспный, бессмысленный век!

92

Меня порочит Лесбия всечасно
И речи все ее мной заняты сполна;
Так пусть я пропаду напрасно,
Когда в меня она не влюблена.

Как это знать? Да по себе мне ясно:
Своими узами я вечно возмущен,
Но пусть я пропаду напрасно,
Когда в нее и сам я не влюблен.

85

Любовь и ненависть кипят в душе моей.
Быть может, «почему»? ты спросишь. Я не знаю,

Но силу этих двух страстей
В себе я чувствую и сердцем всем страдаю.

76

О, если радость есть какая
В вспоминаньях добрых дел,
Когда, бывшее воскрешая,
Ты мыслью строгой усмотрел,

Что чтил ты все, что людям свято,
Что в дружбе не был ты лукав,
Что не обманывал ты брата,
Себя с ним клятвою связав,—

Катулл, какой запас утехи
Хоть в долгой жизни вновь и вновь
Тебе готовит без помехи
Твоя бесплодная любовь!

О, да: чем дело или слово
Служить в пределах наших сил
Способно счастью другого,
Ты все сказал и совершил.

Но все добро пропало тщетно
С неблагодарностью в борьбе.
К чему же мукой безответной
Терзаться долее тебе?

Зачем не ищешь ты свободы,
С собой вступив отважно в спор,
И не стяхнешь с себя невзгоды
Самих богам наперекор?

Как трудно страсти застарелой
В единый миг сказать «прости»!

Хоть трудно, но смелей за дело,
Не размышляя о пути!

Вот в чем одном твое спасенье,
Вот где яви над сердцем власть;
Туда направь свое стремленье,
Хоть победишь, хоть должен пасть.

О боги, если стон унылый
От смертных к вам находит путь,
И если на краю могилы
Спасали вы кого-нибудь,

На горький мой удел призрите,
И если был я не злодей,
Отраву эту удалите
Из груди страждущей моей,—

Недуг мертвящий, охвативший
Все существо мое до дна
И навсегда меня лишивший
Того, чем жизнь была красна.

Уж не о том мое моление,
Чтоб ей взаимно стал я мил,
Иль чтобы всем на удивленье
В ней женский стыд заговорил:

Об исцеленье лишь молю я,
Чтоб сбросить мерзостный недуг,
О боги, это лишь даруя,
Воздайте цену мне заслуг!

Згадай Северский

85

Я ненавижу и люблю.
Как это случилось, я не знаю.
Но это так: я сознаю,
И мучусь этим и страдаю.

11

Авреллий с Фурием, вы — всюду за Катуллом,—
Хотя б меня влекла далекая страпа,
Тот берег Индии, где бьет с немолчным гулом
Восточная волна,

Хотя б к изнеженным арабам направляясь,
Воителей парфян я землю посетил,
Иль край тот, где, семью потоками вливаясь,
Окрасил море Нил,

Хотя б я перешел громады Альп высоких
Туда, где Цезарь был среди полночных стран,
Туда, где галльский Рейн, Британцев край
далеких

И грозный Океан.

Все, что мне ни пошлет богов соизволенье,
Со мною оба вы готовы испытать,—
И я красавице в ответ мое презренье
Прошу вас передать.

Пускай себя толпой влюбленных окружает,
Пускай, их молодость в огне страстей губя,
Навстречу каждому объятья раскрывает,
Любя одну себя.

Скажите, что она уж не дождется боле —
Тому сама виной — любви моей былой,
Увидшей, как цветок, подрезанный на поле
Безжалостной косой.

8

Несчастный! Пора прекратить этот бред!
Ты все потерял невозвратно.
В сиянии солнечном был ты согрет
Его теплотой благодатной,
Когда на условленном месте тайком
Встречал ты свою дорогую.
Ее ты глубоко любил, как потом
Уже не полюбишь другую.
Ты много смеялся, шутил вместе с ней,
Желаньям она уступала.
Да, солнце тебя теплотою своей,
Сияньем своим согревало!
Она уж не хочет, она холодна...
Смири же, бессильный, желанья.
За ней не иди, пусть уходит она!
Несчастье сноси без роптанья.
Прощай. Ты ушла и забыла меня,
Я также тебя позабуду.
Но будет печальною участь твоя:
Тебя умолять я не буду.
О, горе презренной! Как станешь ты жить?
Кого увлечешь красотою?
К кому приласкаться? Кого полюбить?
Катулл, ты обязан ее позабыть:
Будь тверд и не падай душою.

К. А. Котельников

1. ПОСВЯЩЕНИЕ

Книжку мне подарить свою кому бы,
Книжку новенькую, красу-вещицу,
Что блестит полировки свежим лоском?—
Без сомненья, тебе, конечно, Непот:
Ты ведь только один мой безделки,
Ты признал не совсем ничтожной вещью,
Ты, который, один из италийцев,
Все века описать дерзнул и в трех лишь
Свитках, правда, ученых, кропотливых.
Оттого-то бери из этой книжки
То лишь, впрочем, что есть в ней такого,
Что одно проживет хотя столетье
Или более,— если ты захочешь,
Муза, девственная моя богиня!

Б. В. Никольский

2+2b [ИЗ КАТУЛЛА].

Воробей, моей девы утешенье,
С кем играет она, кого у сердца
Часто держит иль, самый кончик пальца
Острым клюва щипкам подставляя, дразнит:
Как погибельной деве, по преданью,
Мило яблочко было золотое,—
Утешенье в досаде, что развязан
Долго стянутый пояс,— мне отраднo,
Коль прекрасной моей, моей желанной

С милым чем-нибудь пошутить угодно.
Верь: чтоб только унять столь жгучий пламень,—
Я бы рад был играть с тобой, как дева,
И заботы смягчать души печальной.

В. Я. Брюсов

3

Плачьте, Вёнеры все и все Эроты,
Плачьте, сколько ни есть людей достойных!
Ах, воробушка нет моей любезной,
Птички, радости нет моей любезной,
Что она больше глаз своих любила;
Ах, как сладок был он, хозяйку так он,
Так, как девочка мать родную знает;
Никогда не слезал с ее груди он,
Но туда и сюда скача по груди,
Лишь ее призывал он детским писком.
Вот теперь он идет путем туманным
В мир, откуда нельзя назад вернуться.
Ах, да будет вам зло, о злые тени
Орка,— вам бы глотать все, что прекрасно.
Птичку милую мне назад отдайте.
Бедный мой воробей! судьбина злая!
Ведь, в тоске по тебе, моей любезной
Стали красны от слез, потухши, глазки.

А. И. Пиотровский

5. К ЛЕСБИИ

Будем жить и любить, моя подруга!
Воркотню стариков ожесточенных
Будем в ломаный грош с тобою ставить!
В небе солнце зайдет и снова вспыхнет,
А для нас, чуть погаснет свет мгновенный,
Непробудная наступает полночь.
Так целуй же меня раз сто и двести,
Больше, тысячу раз и снова сотню,
Снова тысячу раз и сотню снова.
Много сотен и тысяч насчитаем,
Все смешаем потом и счет забудем,
Чтобы злобой завистников не мучить,
Подглядевших так много поцелуев!

51. ПОДРАЖАНИЕ САФО

Верю, счастьем тот божеству подобен,
Тот, грешно ль сказать, божества счастливей,
Кто с тобой сидит и в глаза глядится,
Слушая сладкий

Смех из милых уст. Он меня, беднягу,
Свел совсем с ума. Лишь тебя завяжу,
Лесбия, владеть я бессилён сердцем,
Рта не раскрою.

Бедный нем язык. А по жилам — пламень
Тонкою струею скользит. Звенящий
Гул гудит в ушах. Покрывает очи
Черная полночь...

Праздность, друг Катулл, для тебя — отравы,
Праздность чувств в тебе пробуждает буйство.
Праздность в царей и столиц счастливых
Много сгубила.

7. СКОЛЬКО ПОЦЕЛУЕВ

Спросишь, Лесбия, сколько поцелуев
Милых губ твоих страсть мою насытят?
Ты зыбучий сочти песок ливийский
В напоенной отравами Кирене,
Где оракул полуденный Аммона
И где Батта старинного могила.
В небе звезды сочти, что смотрят ночью
На людские потайные объятия.
Столько раз ненасытными губами
Поцелуй бесповатого Катулла,
Чтобы глаз не расчислил любопытный
И язык не расплетничал лукавый.

2. ПТЕНЧИКУ

Милый птешчик, любовь моей подружки!
На колени приняв, с тобой играет
И балует она, и милый пальчик
Подставляет для яростных укусов.
Когда так моя прелесть, жизнь, отрада
Забавляется бог весть как, смеется,
Чтоб найти утешеньице в заботах,
Чтобы страсть (знаю — страсть!) не так пылала,
Тут и я поиграть с тобой хотел бы,
Чтоб печаль отлегла и стихло сердце.

3. НА СМЕРТЬ ПТЕНЧИКА

Плачь, Венера, и вы, Утехи, плачьте!
Плачьте все, кто имеет в сердце нежность!
Бедный птенчик погиб моей подружки,
Бедный птенчик, любовь моей подружки.
Милых глаз ее был он ей дороже,
Слаще меда он был, и знал хозяйку,
Как родимую мать дочурка знает.
Он с колен не слетал хозяйки милой,
Для нее лишь одной чирикал сладко,
То туда, то сюда порхал, играя.
А теперь он идет тропой туманной
В край ужасный, откуда нет возврата.
Будь же проклята ты, обитель ночи,
Орк, прекрасное все губящий жадно!
Ты воробушка чудного похитил!
О, злодейство! Увы! Несчастный птенчик!
Ты виной, что от слез соленых, горьких
Покраснели и вспухли милой глазки.

45. СЧАСТЛИВАЯ ПРИМЕТА

Обнял Акму, любовь свою, Септимий.
Нежно к сердцу прижал. Сказал ей: «Акма!
Если крепко в тебя я не влюбился,
Если вечно любить тебя не буду,
Как пропащие любят и безумцы,
Пусть в пустыне ливийской иль индийской
Кровожадного льва я повстречаю!»
Так сказал. И Амур ему ответил,
Тотчас справа чихнул ему на счастье.
Акма голову тихо наклонила
И коснулась пурпурными губами

Глаз любимца, желаньем опьяненных.
И сказала: «О жизнь моя, Септимий!
Пусть любовь нами правит безраздельно!
Знай, двойное во мне пылает пламя,
Знай, двойная меня сжигает ласка!»
Так сказала. Амур и ей ответил.
Тотчас справа чихнул на счастье Акме.
И сбылись на диковинку приметы.
И любовники связаны любовью.
Все сокровища Сирии и бриттов
Не возьмет за свою Септимий Акму.
Акма, верная одному лишь другу,
Лишь Септимию дарит страсть и нежность.
Кто же видел счастливее влюбленных?
Кто Венеру видал такую вещей?

86. ЛЕСБИЯ ВСЕХ КРАСИВЕЙ

Квинтию славят красивой. А я назову ее стройной,
Белой и станом прямой. Все похвалю по частям.
Не назову лишь красавицей. В Квинтии нет обаянья.
В теле роскошном таком искорки нету огня.
Лесбия — вот кто красива! Она обездолила женщин,
Женские все волшебства соединила в себе.

43. ДЕРЕВЕНСКАЯ КРАСАВИЦА

Добрый день, долгоносая девчонка,
Колченогая, с хрипотой в глотке,
Большерукая, с глазом, как у жабы,
С деревенским нескладным разговором,

Казнокрада формийского подружка!
И тебя-то расславили красивой?
И тебя с нашей Лесбией сравнили?
О, бессмысленный век и бестолковый!

40. СОПЕРНИКУ

Что за черная желчь, злосчастный Равид,
В сети ямбов моих тебя погнала?
Что за мстительный бог тебя подвинул
На губительный этот спор и страшный?
Или хочешь ты стать молвы игрушкой?
Иль какой ни на есть ты славы жаждешь?
Что ж, бессмертным ты будешь! У Катулла
Отбивать ты осмелился подружку.

56. КАК ЗАБАВНО

Как забавно, Катон мой, как занятно!
Стоит, право, послушать! Смейся громче!
Чрезвычайно забавно и занятно!
Я мальчишку в углу накрыл с девчонкой,
Я ремненным хлыстом его ударил.
Да простит мне Венера прегрешенье!

79. ЛЕСБИЙ КРАСИВ

Лесбий красив? Ну еще бы! Оп Лесбии нравится
больше,
Горький Катулл мой, чем ты с домом и родом своим.
Пусть он красив! Но пускай пропаду со всем домом
и родом,
Если хоть трое друзей в рот поцелуют его.

58. К ЦЕЛИЮ

Целий! Лесбия, Лесбия (ты слышишь,
Чуешь?), Лесбия, та, что самой жизни,
Милых всех для меня была дороже,
В переулках теперь и в подворотнях
Эта Лесбия тешит внуков Рема.

42. ССОРА

Все сюда, моп ямбы, поспешите!
Все сюда! Соберитесь отовсюду!
Девка подлая смеет нас дурачить.
И не хочет стихов моих тетрадку
Возвратить. Это слышите вы, ямбы?
Побегите за ней и отнимите!
Как узнать ее, спросите? — По смеху
Балаганному, по улыбке сучьей,
По бесстыдной, разнузданной походке.
Окружите ее, кричите в уши:
«Эй, распутница! Возврати тетрадки!
Возврати нам, распутница, тетрадки!»
В грош не ставит? Поганая подстилка!
Порожденье подлейшего разврата!
Только мало ей этого, наверно!
Если краски стыдливого румянца
На собачьей не выдавите морде,
Закричите еще раз, втрое громче:
«Эй, распутница! Возврати тетрадки!
Возврати нам, распутница, тетрадки!»
Все напрасно! Ничем ее не тронуть!
Изменить вам придется обращение,
Испытать, не подействует ли этак:
«Дева чистая, возврати тетрадки!»

85. НЕНАВИЖУ — ЛЮБЛЮ

Да! Ненавижу и все же люблю. Как возможно, ты
спросишь?
Не объясню я. Но так чувствую, смертно томись.

104. РАСКАЯНИЕ

Как, неужели ты веришь, чтоб мог я позорящим
словом
Ту оскорбить, что милей жизни и глаз для меня?
Нет, не могу! Если б мог, не любил так проклято и
страшно.
Вам же с Таппоном во всем чудится бог знает что!

82. МОЛЬБА

Если желаешь ты глаз моих свет подарить мне, мой
Квинтий,
Иль даже то, что милей света чудесного глаз,
Не отнимай же того у меня, что намного дороже
Глаз и всего, что милей света чудесного глаз!

107. ПРИМИРЕНИЕ

Если желанье сбывается, свыше надежды и меры,
Счастья нечаяно день благословляет душа.
Благословен же будь, день золотой, драгоценный,
чудесный,
Лесбии милой моей мне возвративший любовь!
Лесбии снова со мною! На что я надеялся, сбылось!
О, как сверкает опять великолепная жизнь!
Кто из живущих счастливей меня? И чего еще мог бы
Я пожелать на земле? Сердце полно до краев!

109. ЛЕСБИЯ ОБЕЩАЕТ

Жизнь моя! Будет счастливой любовь наша, так ты
сказала.

Будем друг другу верны и не узнаем разлук!
Боги великие! Сделайте так, чтоб она не солгала!
Пусть ее слово идет чистым от чистой души!
Пусть проживем мы в весельи спокойные, долгие годы,
Дружбы взаимной союз ненарушимо храня.

36. ВЕСЕЛАЯ ЖЕРТВА

Хлам негодный, Волюзия анналы!
Вы сгорите, обет моей подружки
Выполняя. Утехам и Венере
Обещалась она, когда вернусь я
И метать перестану злые ямбы,
Худший вздор из дряннейшего поэта
Подарить хромоногому Гефесту
И спалить на безжалостных поленьях.
И решила негодная девчонка,
Что обет ее мил и остроумен!
Ты, рожденная морем темно-синим,
Ты, царица Идалия и Урий,
Ты, Анкону хранящая и Голги,
Амафунт, и песчаный берег Книда,
И базар Адриатики, Диррахий,—
Благосклонно прими обет, Венера!
Вы ж не ждите! Живей в огонь ступайте,
Вздор нескладный, нелепица и бредни,
Хлам негодный, Волюзия анналы!

92. УЛИКА

Лесбия вечно ругает меня. Не молчит ни мгновенья.
Я поручиться готов — Лесбия любит меня!
Ведь и со мной не иначе. Ее и кляню и браню я,
А поручиться готов — Лесбию очень люблю!

70. ЖЕНСКИЕ КЛЯТВЫ

Милая мне говорит: лишь твою хочу быть женою,
Даже Юпитер желать стал бы напрасно меня.
Так говорит. Но что женщина в страсти любовнику
шепчет,
В воздухе и на воде быстротекущей пиши!

83. ЛЕСБИЯ ВСЕ-ТАКИ ЛЮБИТ

Лесбия вечно поносит меня и бранит при супруге.
Это осла и глупца радует чуть не до слез.
Вовсе ослеп ты, безмозглый! Ведь будь я забыт и
погнут,
Так замолчала б она. Если ж шумит и кричит,
Значит, наверное, помнит. Нет, больше, во много раз
больше!
Лесбия сердится. Что ж?— Лесбия любит меня!

72. ЛЮБОВЬ И ЖЕЛАНИЕ

Лесбия, ты говорила когда-то, что любишь и хочешь
Только меня. Что тебе самый Юпитер не мил.
Что ж, и тебя я любил. И не так, как подружку
желают,
Нет же, как добрый отец любит родимых детей.

Знаю тебя я теперь. И хоть страсть меня мучает
жарче,
Много дешевле ты все ж, много пошлей для меня.
Что же случилось? Твое безрассудство виной, что
любовник
Жаждет тебя все сильней, но уж не может любить.

75. НЕ РАЗЛЮБИТЬ

Нет, ни одна среди женщин такой похвалиться не
может
Преданной дружбой, как я, Лесбия, был тебе друг.
Крепче, чем узы любви, что когда-то двоих нас
вязали,
Не было в мире еще крепких и вяжущих уз.
Ныне ж расколото сердце. Шутя, ты его расколола,
Лесбия! Страсть и печаль сердце разбили мое.
Другом тебе я не буду, хоть стала б ты скромною
снова,
Но разлюбить не могу, будь хоть преступницей ты!

38. ДРУГУ КОРНИФИЦИЮ

Горько мне, Корнифиций, видят боги!
Горько мне, твоему Катулле, тяжело,
С каждым днем тяжелей и с каждым часом!
Ты же, друг, ведь прошу я не о многом,
Мне сказал хоть словечко в утешенье?
Я сердит. За любовь ты плохо платишь.
А ведь друга коротенькое слово
Симонидовых жалоб мне дороже.

8. К СЕБЕ САМОМУ

Катулл бедняга, перестань чудить праздно,
И что давно минуло, то считай прошлым!
Блестали некогда и для тебя звезды.
Летал ты радостно на сладкий зов милой.
(Любимой так не быть уж ни одной в мире).
Забав и нежностей бывало там много,
Тебе желанных и приятных ей, милой.
Блестали в те поры и для тебя звезды.
Теперь она не любит, не люби также!
Не рвись за уходящим, не живи в горе.
Терпи и твердым будь! В беде скрепи сердце!
Прощай, красавица! Катулл скрепил сердце.
Твоих не просит ласк, тебя желать бросил.
Но нежеланной ты наплачешься, помни!
Преступная! Какой грозит тебе жребий!
Кто подойдет к тебе? Кто назовет розой?
Кого полюбишь ты и чьей теперь будешь?
Чьи будешь целовать, кого кусать в губы?
Но ты будь тверд, Катулл! Терпи, скрепив
сердце.

76. ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ЛЮБВИ

Если о детстве, о юности память, о радостях чистых
Смертному сладка,— когда ясною видит он жизнь,
Знает, что не был неверным, что клятвою лживой не
клялся,

Имя святое богов не призывал на обман,
Знай, если так, то наврное в жизни счастливой и
долгой
Ждет еще радость тебя, проданный подло Катулл!

Все, чем влюбленное сердце любимого словом и делом
Может обрадовать, все сделал ты, все ты сказал.
Все, что доверчиво отдал, поругано, попрано, сгибло!
Что же ты любишь еще? Что же болит твоя грудь?
Тратишься в чувстве напрасном, не можешь уйти и
забыться.

Или назло божееству хочешь несчастным ты быть?
Трудно оставить любовь, долголетней вскормленную
страстью.

Трудно, и все же оставь, надо оставить, оставь!
В этом одном лишь спасенье. Себя победи!

Перемучай!

Надо! Так делай скорей! Можно ль, нельзя ли, живи!
Боги великие! Если доступна вам жалость, и если

Даже и в смерти самой помощь вы людям несли,
Сжальтесь теперь надо мною за то, что я жил
непорочно,

Вырвите эту напасть, ужас и яд из груди!
Вот уже смертная дрожь к утомленному крадется
сердцу,

Радость, веселье и жизнь — все позабыто давно.
Я не о том уже ныне молюсь, чтоб она полюбила,
И не о том, чтоб была скромной, не может ведь, да!
Нет, о себе лишь прошу, чтоб здоровым мне стать и
свободным!

Боги, спасите меня, вознаградите за все!

37. КАБАЦКАЯ СВОРА

Кабак презренный, вы, кабацкая свора
У пятого столба от «Близнецов в шапке»,
Мужчинами считаете себя только?
Иль девушки родятся вам одним в радость?
Вам пить и веселиться, мы ж ослов стадо?
Расселась сотня дурней или две сотни,
И думаете нагло, с вами нет сладу?
Не растянуть мне разве дураков двести?
Ошиблись. Будет жечь над кабаком надпись,
Из яда скорпионов и моей злости.
Подружка милая из рук моих скрылась,
Любимой так другой уж не бывать в мире.
Великие я вел из-за нее битвы.
Теперь средь вас она, она лежит с вами,
Вы все с ней тешитесь (постыдная правда!),
Вы, шелопаи, гниль, озорники, ферты.
Эй, слышишь, волосатый, коновод шайки,
Ты, кроличье отродье, кельтибер мерзкий,
Эгнатий! Чем гордишься? — бородой кливом?
Оскалом челюстей, что ты мочой моешь?

60. ОТЧАЯНЬЕ

Как! Иль страшилище ливийских скал, львица,
Иль Сциллы лающей поганое брюхо
Тебя родило с каменным и злым сердцем?
В тоске последней, смертной я тебе крикну.,
И рассмеялась ты, жестокая слишком!

11. ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА

Фурий ласковый и Аврелий верный!
Вы — друзья Катуллу, хотя бы к Инду
Я ушел, где море бросает волны
На берег гулкий.

Иль в страну гиркан и арабов пышных,
К сакам и парфянам, стрелкам из лука,
Иль туда, где Нил семиустый мутью
Хляби пятнает.

Переиду ли Альп ледяные кручи,
Где поставил знак знаменитый Цезарь,
Гальский Рейн увижу, иль дальних бриттов
Страшное море.

Все, что рок пошлет, пережить со мною
Вы готовы. Что ж, передайте милой
На прощанье слов от меня немного,
Злых и последних.

Со своими пусть кобелями дружат!
По три сотни их обнимает сразу,
Никого душой не любя, но печень
Каждому руша.

Только о моей пусть любви забудет!
По ее вине иссушилось сердце,
Как степной цветок, проходящим плугом
Тронутой на смерть.

63. АТТИС

По морям промчался Аттис на летучем, легком челне,
Поспешил проворным бегом в ту ли глушь фригийских
лесов,

Дополнения

В те ли дебри рощ дремучих, ко святым богини местам.
Подстрекаем буйной страстью, накатившей яростью

пьян,

Убелил он острым камнем молодое тело свое.
И себя почувяв легким, ощутив безмужнюю плоть,
Окропля теплой кровью кременистый выжженный луг,
Он взмахнул в руке девичьей томнозвучный, гулкой
тимпан.

Это — твой тимпан, Кивева, твой святой, о мать,
тимпан!

В кожу бычью впились пальцы. Под ладонью бубен
запел.

Завопив, к друзьям послушным иступленный голос
воззвал:

«В горы, галлы! В лес Кивевы! В дебри рощ спешите
толпой!

В горы, галлы! Дяндимены-госпожи покорная тварь!
Рой изгнанных, за мною понеслись вы к чуждым
краям,

По следам моим промчавшись, повинясь речи моей.
Не страшил вас вал соленый, не смутила зыбкая
хлябь.

Презирая дар Венеры, убелили вы свою плоть.

Веселитесь, быстро мчитесь, пусть разыграет сердце
в груди.

Порадейте в честь богини! Поспешите, галлы, за мной!
В лес фригийский! В дом Кивевы! Ко святым
фригийским местам!

Там рокошет гулко бубен, там кимвалы звонко звенят.
Там менад, плющом увятых, хороводы топчут траву.
Восклицают там менады, в иступленной пляске
кружась!

Там безумствует богини вдохновенно-буйная рать!

Нам туда помчаться надо! Нас туда желанья зовут!»
Дева телом, бледный Аттис так вопил, сзывая друзей.
Отвечал мгновенным воплем одержимый, бешеный

сонм.

Зазвенела медь кимвалов. Загудел протяжно тимпан.
По хребтам зеленой Иды полетел, спеша, хоровод.
Ударяет в бубен Аттис, задыхаясь, хрипло кричит.
Обезумев, мчится Аттис, через дебри яростный вождь.
Так, упряжки избегая, мчится телка, скинув ярмо.
За вождем, за буйной девой, в исступленьи галлы
летят.

И к святилищу Кивевы добежал измученный рой.
И уснул в изнеможеньи, не вкусив Цереры даров.
Долгий сон тяжелой дремой утомленным веки смежил.
Под покровом тихой лени угасает ярости пыл.
Но когда на утро солнца воссиял сверкающий глаз,
Сквозь эфир, над морем страшным, над пустынным
ужасом гор,

И прогнал ночные тени огненосных коней полет,
Тут покинул, в даль умчавшись, быстролетный Аттиса
сон,

В мощном лоне Пасяфея приняла крылатого вновь.
Исчезает в сердце ярость, легковейный входит покой.
Все, что сделал, все, что было, вспоминает Аттис
дрожа.

Понимает ясным взором, чем он стал, куда залетел.
С потрясенным сердцем снова он идет на берег
морской.

Видит волн разбег широкий. Покатилась слезы из глаз.
И свою родную землю он призвал с рыданьем в груди.
«Мать моя, страна родная, о моя родная страна!
Я, бедняк, тебя покинул, словно раб и жалкий беглец.
На погибельную Иду, ослепленный, я убежал.

Здесь хребты сияют снегом, Здесь гнездятся звери во
льдах.

В их чудовищные норы я забрел в потайной щели.
Где же ты, страна родная? Как найду далекий мой
край?

По тебе душа изныла, по тебе тоскуют глаза.
В этот миг короткий ярость ослабела в сердце моем.
Или мне в лесах скитаться, от друзей и дома вдали?
От тебя вдали, отчизна, вдалеке от милых родных?
Не увижу я гимнасий, площадей и шумных палестр.
Я, несчастный, их покинул. Буду снова, снова рыдать!
О, как был я горд и счастлив, о, как много я пережил!
Вот я дева, был мужчиной, был подростком, юношей
был.

Был палестры лучшим цветом, первым был на поле
борьбы.

От гостей гудели двери, от шагов был теплым порог.
Благовонными венками был украшен милый мой дом.
От постели, вечно весел, подымался я поутру.

И теперь мне стать служанкой, стать Кивевы верной
рабой!

Стать менадой, стать калекой, стать бесплодным,
бедным скопцом!

Стать бродягой в дебрях Иды на хребтах, закованных
в лед.

По лесным влачиться щелям, во фригийских страшных
горах!

Здесь козел живет скакучий, здесь клыкастый бродит
кабан.

Ой-ой-ой! Себя сгубил я! Ой-ой-ой! Что сделать я мог!»
Чуть сорвался вопль плачевный с утомленных,

розовых губ,
Чуть до слуха гор богини долетел раскаянья стоц,

Тотчас львов своих Кивева отпрягает, снявши ярмо.
Бычьих стад грозу и гибель, подстрекает левого так:
«Поспеши, мой друг свирепый, в богохульца ужас
всели!

Пусть охвачен темным страхом возвратится в дебри
лесов
Тот безумец, тот несчастный, кто бежал от власти
моей.

Выгибай округло спину, ударь ужасным хвостом.
Дебри гор наполни ревом, пусть рычанью вторит
земля!

Потрясай жесткой гривой, пусть дыбятся рыжая
шерсть!»

Так велит Кивева зверю, и снимает с шеи ярмо.
Стервенеет лев. Как пламя, входит в сердце яростный
гнев.

Он идет, рычит, ломает под когтем кустарник сухой.
На гремучий вышел берег, убитый пеной морской.
Видит Аттиса: у моря, у надбрежных, мраморных скал.
Лев прыгнул, и мчится Аттис, оробев, в дремучую
дебрь.

Там служанкой прожил Аттис до конца безрадостных
дней.

О, богиня! О, Кивева, диндименских гор госпожа!
Пусть пребуду в отдалении от твоих чудовищных
тайн!

Пусть других пьянит твой ужас! Твой соблазн
безумит других!

Милые браком, и градам дала основанье
великим...

12(7). И Венера, властительный бог...

13(8). ...такого достойная дара.

«ИО»

14(9). Ах, несчастная дева! пастись тебе горькой
травкою...

15(10). Дух мой суровый, себе предвещающий всё
в исступленьи...

16(11). Строгий, безмерным когда был сном зрачок
покоряем...

17(12). Хладный бистонский край уже минуетея
быстро...

18(13). Не забывает и Солнце в пути отдохнуть
непрерывном..

19(14). ...в тяжелом носила рождение
чреве...

РАЗНОЕ:

20. Почва все рождает сама...

21. Запелело язык и ноги
Вино...

Гельвий Цинна

«БЕЗДЕЛКИ»:

1. А меня мимо ветел ценоманских
Мчит повозка на карликовых мулах...
2. Пунийские так сонную змею псиллы...

ЭПИГРАММЫ:

- 3(11). Эти песни в бессонных ночах при лампаде
Арата
Сочинены, чтобы знать тайны небесных
огней;
Их, как в книжку, вписав на листья
подсушенной мальвы,
Я на прусейской ладье вез в подношенье
тебе.
- 4(14). Пусть же в долгих веках живет «Диктинна»
Катона!
- 5(12). Шлемом отважился он снабдить несчастных
девчонок...
- 6(13). ...Альпийская камедь...

«НАПУТСТВИЕ ПОЛЛИОНУ»:

- 7(3) Не подившись на те даренья, груды которых
В неписчисляемые скопились старинные веки
С тех времен, когда рождался город Белидов,
И кекропический град, и тирийским
ставленный Кадмом..

- 8(4). Ярко сияет когда верхушка мачтовой
щеблы...
- 9(5). Крепкий рейный канат пусть твердо
блюдет направленье...
- 10(6). И собирает блестящий кристалл, подобие
снега...

«СМИРНА»:

- 12(8). Видел тебя в слезах Эой, светило рассвета,
Видел тебя по свершении дня
тождественный Геспер...
- 13(9). А преступленье росло в нечистом чреве у
Смирны...

Квинт Корнифиций

1. Я, пронзительным голосом болтая...
2. ...усмирять двухчленных кентавров...
3. ...как сени листья,
Деревьями рождаемые плодными...

Тицида

1. О, постель, ты единая,
Столько страстью блаженная...
- Кто понимает, для тех «Лидия» — трудная
вещь!

- Он выпускает из рук, и рушится наземь,
и латы
Медный звук издают...
- 9(10). ...и смягчительный сон по сердцам
расточает.
- 10(11). Меч на меч, ступня на ступню, на война
вопи...
- 11(12). Что сей за род людской, о святейшее чадо
Сатурна?..
- 12(13). Сеют за слухами слухи, чинят расспросы
о многом...
- 13(14). Каждого он зовет по имени, напоминает:
Срок пришел исполнению слов..
- 14(15). И укрепляя, речами, бодрит горячие души
Встать достойно на брань и умы возбуждает
к сраженью...
- 15(16). Снегом Юпитер седым плюет на зимние
Альпы...
- 16(17). Здесь, где широкие рвы вели черту
межевую...

Публий Теренций Варрон Атацинский

«ЗЕМЛЕОПИСАНИЕ»:

12. Видел он мир, на эфирной оси кружимый
вращеньем,
Семь кругов, один другому надежной опорой,
Каждый свой звук издает, и нет
небожителям лучше

- Радости. Им же вослед стократ сладчайшей
десницей
Феб, измыслив, выводит на свет подобные
звуки...
13. Так меж обителью Солнца и тем семп-
звездьем полярным
Распростираясь, лежит земля, а ей омывает
Внешний брег — Океан, а внутренний —
волны Нептуна...
14. Пять эфирных легли поясов на всемирную
сферу,
Опустошает края — мороз, и жар — середину,
А между теми и той простираются людные
земли,
Где никогда не чрезмерен огонь могучего
солнца...
- 15(16). ...безопасен на собственном месте...
- 16(17). И укрепленный поселок Карал...
- 17(18). Окружена Океаном, и Нилом, и морем
Ливийским...
- 18(20). В Индии есть тростник, он не ниже
высокого древа,
В гибких его корнях выжпмается сладкая
влага —
Сок, с которым и мед не мог бы поспорить,
тягась...

«ЭФЕМЕРИДА»:

- 19(21) ...облака, словно шерсти волокна,
Встанут...
- 20(22). Можно видеть птиц морских и даже
болотных,
Как они вновь и вновь неумно тянутся в
воду
И обливают себя, как с отвычки,
разбрызганной влагой;
Или же звонкая вокруг озерков облетает
касатка;
Или же бык, возрев в небеса (нечасто
увидишь!),
Ноздри раздует и тянет в себя полный
запах ветер;
Или из полых тесниц муравей выносит
яички...

«СЕКВАНСКАЯ ВОЙНА»:

Легкой они соблазнясь волною сладкого
вкуса...

«ЭЛЕГИИ»:

24. Схожий заботами с ним, стенает из твердого
камня...

Гай Меммий

1. В блеске Фортуна своем да не сходит с
крутого уклона...

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

1. Известный Руф, прекраснейший из двух
Планков,
Который так отменно лебедей жарит,
На выборах не смог добрать семи пунктов;
Так за лебяжьи отплатил народ души!
2. Где, ослабивши огненные вожжи.
Над землю все ниже рыщет солнце...
3. Жив, резвишься и рад, любим и любишь...
4. Ну, что, легка ль любовь тебе, Эпидия?..
5. Та, что была рождена Ликаоновым семенем,
нимфа,
И вознеслась в небеса с холодных вершин
Нонакрійских,
Ты, кого к океанской волне не пускает
Тефида,
Ибо осмелилась ты с ее питомицей
спорить...
- ...Каллисто сияет в светилах
И обновляет свои пламена, не касаясь
пучины...
7. Ты, Луна, ночных грехов единственный
зритель,
Будь твое имя Кретея пль будь твое имя
Диктивна...
8. Канописческие струны итальяским правит
смычком...
9. Шли, куда под силу, не шли, куда не под
силу...

10. Крепкую шею его покрывали небрежные
кудри —
Крепкая шея была светла сквозь небрежные
кудри...
11. Сколько раз простирал я руки к движимой
тени!
Сколько раз отводил я руки от движимой
тени!..
12. Ибо соленый пот в трудах проступает на
теле...
13. Сколько, Луцилий, в тебе недостатков,—
готов доказать я,
Даже Катона в свидетели взяв,— ведь
Катон, твой поклонник,
Сам принужден у тебя исправлять
неудачные строки.
Тонко работает он — понятно, что вкус его
лучше,
Чем у иного, в которого смолоду палкой и
плеткой
Вбили готовность прийти во всеоружье
науки,
Чтобы почет поддержать писателей древних,
на коих
Мы, молодые, глядим свысока...
14. ...кто не знает стыда, а краснеет,—
Знать, у того под полой красная рыба
зудит.
15. ...И похититель немалых словес седого
Катона —

Дополнения

Тот Саллюстий Крисп, что про Югурту
писал

16. Ежели в этом саду ты поставишь ведро из
колодца
Наземь, то негде стоять будет тебе самому.
17. В консульство Цезаря то, а не в
консульство Бибула было:
В консульство Бибула, друг, не было
впрямь ничего,

ПРИЛОЖЕНИЯ

М. Л. Гаспаров
ПОЭЗИЯ КАТУЛЛА

1

Катулл — любимец читателей нового времени; на это звание он может претендовать больше, чем любой другой античный лирик. Время его славы началось лет двести назад: до этого ему приходилось делиться читательской любовью с более именитыми классиками, но после того, как предромантики и романтики объявили, что истинная поэзия — там, где непосредственность и страсть, Катулл оказался ближе всего к этому идеалу. Рядом с ним Гораций кажется холоден, Овидий — легкомыслен, Тибулл — вял, Проперций — многословен, а из их греческих образцов Алкей и Сапфо — отрывочны, а александрийские эпиграмматисты — мелки. Конечно, ученые историки античной литературы, привыкшие равно уважать каждое поэтическое слово, сохранившееся от древности, находили одинаково почтительные выражения для любого из этих поэтов; но и у них, когда заходила речь о Катулле, в этих словах обычно звучало больше теплоты и живости. А о рядовых читателях, не стесненных научным этикетом, не приходится и говорить: Катулла и переводили больше, и читали шире. Так было в XIX в., так осталось и в наши дни.

Но за популярность есть расплата: упрощенность. Чем общедоступнее образ поэта, тем он беднее и схематичнее, тем меньше он похож на сложную и противоречивую полноту исторического подлинника. Катулл вошел в сознание нового времени как открыватель романтической, духовной любви, впервые нашедший

слова для этой, казалось бы, врожденной человеческой потребности. Только этим он и был интересен. Его любовный роман с вероломной светской красавицей Лесбией восстанавливался из стихотворных осколков и обсуждался до мельчайших психологических подробностей. Его двустишие о любви-ненависти (№ 85) знали даже те, кто не знал больше ничего из всей латинской поэзии:

Ненависть — и любовь. Как можно их чувствовать вместе?

Как — не знаю, а сам крестную муку терплю.

Но что не относилось у Катулла к этой теме, что не укладывалось в образ Катулла-влюбленного, то оставляло читателя нового времени равнодушным. Для массовых изданий во всех переводах всегда предпочитался не полный, а избранный Катулл — т. е. его любовные стихотворения (обычно расположенные в искусственной последовательности стадий реконструированного любовного романа), и лишь для оттенения их — стихи о друзьях и недругах, о брате и быте. Таким его знает и помнит большинство читателей и в наши дни.

Если же от такого сокращенного Катулла обратиться к Катуллу полному — в том виде, в каком он лежит перед читателем настоящего издания, — то первым естественным ощущением будет растерянность. Во-первых, неожиданным будет то, какую малую часть занимают любовные стихи в общем корпусе (и без того небольшой) «книги Катулла Веронского» — не более четверти всех стихотворений, не более десятой части всех строк! — а во-вторых, то, как прихотливо они разбросаны по этой книге. Тому есть своя причина. Мы

не знаем, кто был составителем дошедшего до нас катуллового сборника — сам Катул или (что вероятнее) неизвестный посмертный издатель его стихов. Но принцип, которым он руководствовался в расположении стихотворений, очевиден: он назывался «пестрота», или «разнообразие» (poikilia), он был во времена Катутла живой литературной модой, он требовал перемежать и перемешивать стихи разных размеров и разных тем, чтобы читателю доставляло удовольствие самому нащупывать и ощущать переключку схожих стихотворений из разных мест книги. Античный читатель к такому чтению привык; но у современного читателя от него рябит в глазах. Попробуем же разобраться в этой пестроте; попробуем рассмотреть стихи Катутла не в порядке их расположения в сборнике, а в порядке сходства их тем и настроений.

Больше всего стихотворений в сборнике оказывается таких, которые деликатнее всего можно было бы назвать ругательными. Современному читателю они мало приятны, и начинать с них наш обзор не хотелось бы. Но не замечать их нельзя: сам Катул выдвинул их на слишком видное место. В общей сложности они составляют половину катуллового корпуса. Это — тот фон, на котором выступают все остальные, гораздо менее многочисленные группы Катутловых стихотворений.

Самое замечательное — это насколько немотивирована эта ругань. Мы видим, что Катул разъярен — или притворяется разъяренным, — но с трудом понимаем, почему. «Чтоб тебя, Коминий, мертвого, растерзали все звери сразу!» — вот все содержание стихотворения № 108; за что — неизвестно. «Дикие звери тебя породили, бесчувственную (или: бесчувственного) к моль-

бам!» (№ 60) — за таким стихотворением можно, конечно, вообразить, например, любовную ситуацию, однако в самом стихотворении ее нет. Зато сами бранные выражения, которыми Катулл поносит своих жертв, хоть и не очень разнообразны, но всегда очень круты. «У Эмилия рот и зад друг друга стоят!» «У Вектия тоже!» «У Руфы — тоже, да еще она и побирושка!» «Эгнаций зубы мочой чистит!» «Азиний, ты воруеть полотенца — берегись стихов!». «Талл, ты воруеть в банях — берегись плетей!». «Вибенний — тоже банный вор, а сын его — продажный мальчишка!» (№ 97; 98; 59; 39; 12; 25; 33, ср. 106). «Галл сводит племянника с теткой!». «У Мециллы за 15 лет вместо двух любовников стало две тысячи!». «Я накрыл раба над рабыней и то-то с ним расправился!». «Девка просит за себя десять тысяч — с ума она что ли сошла?» (№ 78; 113; 56; 41, ср. 103). «Вот бестолковый муж, который не умеет следить за женою, — сбросить бы его с моста в грязь». «Вот другой бестолковый муж, чья жена водила любовников!» (№ 17; 67). О Назоне у Катулла наготове каламбур — не совсем понятный, но заведомо непростойный (№ 112). Если вдруг меняет гнев на милость — то в том же стиле: «Ипсифила, я о тебе соскучился, приходи немедленно!» (№ 32).

Когда Катулл снисходит до того, чтобы мотивировать свой гнев, то причина обычно бывает простейшая — любовное соперничество. «Ты, Равид, лезешь отбивать, кого я люблю, — берегись!». «Вы, кабацкие, отбили у меня девчонку — берегитесь!» (№ 40; 37). Руф отбил у Катулла любовницу — и Катулл сразу пускает в ход привычные выражения: «у тебя козлом пахнет из-под мышек!», «и еще у тебя подагра!» (№ 77; 69; 71). Геллию Катулл доверил свою любовь, но тот злоупот-

ребил этим и стал Катутллу соперником (№ 91) — и Катутлл забирает еще круче: «Ты кровосмеситель, ты путаешься и с матерью и с сестрою», «и с теткою и с дядею», «и еще того хуже», «так только персидским волхвам впору»; Геллий пытается отбиваться ответными колкостями, но Катутлл отвечает: «не боюсь!» (№ 91; 88; 89; 74; 80; 90; 116).

Иногда одна издевка цепляется за другую, и мы даже можем уследить их последовательность. Вот Катутлл обращается к некоему Квинтию: «если хочешь быть мне дорог — не отнимай того, что мне дорого!» (№ 82). Это опять назревает ссора из-за женщины: «Квинтий влюблен в Авфилену, — будь ему неладно!». На Авфилену же Катутлл напускается: «берешь, а не даешь: нехорошо!», а затем, по накатанной дорожке: «и вдобавок блудишь с родным дядею!» (№ 100; 110; 111). Вот Катутлл ухаживает за юным Ювенцием: «Я хотел бы целовать тебя без конца», «а ты гнушаешься моими поцелуями» «и предпочитаешь любить какого-то приезжего» (№ 48; 99; 81). Ухаживание происходит на глазах у приятелей Катутлла — Аврелия и Фурия; они поднимают его на смех за робость, а он свирепо отвечает: «вот уж я вам докажу, какой я мужчина!». Уезжая куда-то, Катутлл оставляет мальчика под надзором Аврелия, но грозно предостерегает, чтобы тот его не трогал; и, конечно, после этого Катутллу приходится бранить Аврелия за приставания к Ювенцию и учить Ювенция отделяться от Фурия (№ 16; 15; 21; 24). А обоих соперников Катутлл по своей обычной логике, ни с того, ни с сего, попрекает бедностью; оба они живут впроголодь, особенно Фурий (№ 23), у которого и вила-то в закладе (№ 26).

Кроме любовных причин для брани иногда угадываются политические — но именно лишь угадываются. В эпиграммах Катуллы мелькает имя его знаменитого современника Юлия Цезаря, но только на втором плане. На первом плане — ничтожный Цезарев офицер по имени Мамурра, которого Катулл ненавидит гораздо более люто: «Мамурра и Цезарь — мерзавцы, друг друга стоят, с одними девками гуляют» (№ 57), «Мамурра — мот и развратник, а Цезарь и Помпей ему потворствуют» (№ 29), «другие цезарианцы тоже хороши: один безголов, другой немый, третий воняет» (№ 54); «не лучше ли помереть, коли такие идут в гору?» (№ 52). Конечно, и такие стихи мало приятны для Цезаря; но Катулл гордо заявляет: «Сердишься, Цезарь, иль нет, — а мне наплевать» (№ 93). Однако о Цезаре он больше не пишет, а сосредоточивается на Мамурре, которому приклеивает кличку «Хрен»: «Хрен блудит — потому что он и есть хрен» (№ 94), «Хрен большой человек, да все-то он лишь большой хрен» (№ 115), «Хрен тщеславится поместьем, а оно убыточно» (№ 114), «Хрен лезет в поэты, а Музы его — виллами!» (№ 105). Разгадать политическую позицию Катуллы по таким стихам нелегко. Мелькает у Катуллы имя и другого политического современника, Ципцерона (№ 49), с комплиментами самыми гиперболическими, но такими бессодержательными, что сам собой напрашивается вопрос: не издевка ли это? (ср. № 42).

Накопец, иногда для брани находятя причины более тонкие — эстетические. «От речей Сестия у меня простуда!» (№ 44). «Суффен всем изящен, да только не стихами!» (№ 22). «Аррий манерничает выговором!» (№ 84). Здесь Катулл оживает как поэт. Атмосфера

крошечной бравии редеет, мир перестает быть таким однообразно раздражающим. У Катуллы, кроме врагов, есть и друзья, стихи которых ему нравятся; и свое удовольствие он изъясняет с обычной гиперболической безудержностью. «Кальв, я спать не мог от радости после того, как мы вместе взапуски сочинили стихи!» (№ 50). «Ципна написал поэму, которая переживет века!» (№ 95). «Цеццлий, твои стихи прекрасны — приезжай скорей и послушай мои!» (№ 35). Впрочем, для оттенения и тут Катулл не обходится без колкостей: поэму Цинны он противопоставляет стихам популярных графоманов, задушевного друга Кальва обзывает «шпиш красноречивый» (№ 53) и в шутку грозит его уморить стихами дурных поэтов (№ 14).

Кроме литературных приятелей у Катуллы есть и просто приятели. С ними он застольничает («Мальчик, палей нам неразбавленного вина!» — № 27; «Фабулл, приходи ко мне в гости, только со своим угощением!» — № 13), их любовными похождениями любит («Ах, как любят друг друга Септимий и Акма!» — № 45), а когда не может любоваться, то требует, чтобы они сами о них рассказывали все подробности: «Корнелий, расскажи: не выдам!» (№ 102), «Камерий, где ты притаился?» (№ 55), «Флавий, что-то с кем-то у тебя есть, а ты молчишь — нехорошо!» (№ 6). Тон этих стихов светлый и игривый, но они на удивление немногочисленны.

Место действия всех этих стихов — столичный Рим (или загородная вилла, как в № 44), реже — родная провинциальная Верона (№ 67). Но однажды поэт с друзьями вырывается из Италии в поездку на Восток — в Вифинию, азиатскую область между Мраморным и Черным морем. К нашему удивлению, восточ-

ных впечатлений в стихах Катулла мы не видим: о Малой Азии говорится только в грустной элегии над могилой погребенного там Катуллово брата (№ 101) да в маленькой поэме о фригийском религиозном герое Атгисе, которую можно было написать и не выезжая из Рима (№ 63). Зато о возвращении на родину он пишет радостно и живо: «Пора домой, Катулл; разойдемся по домам, спутники!» (№ 46) «Кораблик мой, по каким только морям ты не нес меня из Азии в Верону!» (№ 4) «Как счастлив я вернуться на свою виллу на озерном берегу!» (№ 31). Но и этот эпизод не обходится без раздражающих неприятностей: Катулл надеялся разжиться в этой поездке, а начальник не дал ему такой возможности (№ 10); и вот, встретиться с такими же искателями удачи, своими друзьями Веранием (ср. № 9) и Фабуллом (ср. № 13), он спрашивает их: больше ли им повезло (№ 28)? или их начальник тоже предпочитал им всяких мерзавцев (№ 47)?

Таков фон поэзии Катулла, таковы его перепады от самой люттой брани (чаще) к захлебывающемуся восторгу (реже). На этом фоне и вырисовывается во всех своих разветвлениях та лирическая тема, которая позднейшему читателю представляется у Катулла главной — любовь к Лесбии.

Нет нужды считать Лесбию единственной (или «единственной настоящей») любовью Катулла и относить к ней все, какие возможно, безымянные любовные упоминания в его стихах. Лесбия упоминается по имени в 13 стихотворениях Катулла, не более того. Но и они дают гамму любовных переживаний, достаточно, чтобы ближние потомки учились по ним

писать о любви, а дальше занимались реконструкцией Катуллова романа.

Вот восторженное любованье пздаль: «Лесбия, только я тебя увижу, как весь обмираю,— верю, это от праздности!» (№ 51; концовка в высшей степени неожиданный, и мы к ней еще вернемся). Вот ликованье безмятежного сладострастия: «Лесбия, будем целоваться, не считая поцелуев,— чтоб не сглазили!» «Лесбия, будем целоваться, считая поцелуи до бесконечности,— чтоб не сглазил!» (№ 5 и 7). Вот чувства дополняются рассуждениями: «Квинтия — и та хороша лишь по частям, а моя Лесбия — вся» (№ 86); «как, какую-то девку кто-то сравнивает красотой с моей Лесбией?» (№ 43). Вот любовное притворство: «Лесбия меня бранит — значит, любит; провалиться мне, я ведь тоже!» (№ 92); «Лесбия бранит меня при муже — тем хуже, если ему невдомек, что это значит!» (№ 83). Вот ревность: «Лесбия предпочитает мне другого, а у него вопяет изо рта!» (№ 79). Вот жалобы: «Лесбия, я тебя любил и был верен, как никто!» (№ 87). Вот счастливая передышка: «Лесбия снова уступила моим желаниям — о, блаженство!» (№ 107). Вот страдания отвергнутого, который не может подавить любви: «Я тебя любил, Лесбия, не как любовницу, а как родную; по теперь я знаю тебя, и хоть люблю, но уже не так по-доброму» (№ 72); «До того ты меня довела, что уже не могу по-доброму, но не могу и не любить» (№ 75). И наконец: «Лесбия, так когда-то мной любимая, блудит теперь по подворотням!» (№ 58).

К этому ряду примыкает еще десяток стихотворений; имя красавицы в них не упомянуто, но переключка мотивов привязывает их к предыдущим. Безмятежность: «Ах, милый воробышек, над которым милая

развлекает свое томление!» (№ 2); «Бедный воробышек, ты умер, и глазки милой теперь заплаканы!» (№ 3). Разочарование: «Милая клянется мне в верности — по такие клятвы писаны на воде» (№ 70); «Милая предлагает мне любовь на всю жизнь — о, если бы она могла исполнить обещание!» (№ 109). «Не могу сказать дурного слова о милой: если б мог, мне было бы легче» (№ 104). Передышка: «Мы примирились — сожжем по обету кучу дрянных стихов, только не моих, а чужих!» (№ 36; Катулл в духе и шутит). Душевные страдания: «И ненавижу и люблю одновременно — какая мука!» (№ 85); «Я был честен в любви — воздайте же мне, боги, помогите исцелиться!» (№ 76); «Кренись, Катулл: она не любит — не люби и ты, ей же хуже!» (№ 8). И наконец: «Передайте ей, друзья: пусть надрывает всех своих любовников, но обо мне забудет: она подкосила меня, как цветок» (№ 11).

Так круг чувств, знакомый нам по прежним стихам Катуллы — ликующий восторг и яростный гнев, — расширяется двумя повymi: это трудное размышление и изнуряющая тоска. Они подхватываются в еще немногих стихотворениях (романтические филологи охотно представляли их «последними строками» Катуллы): «Тяжко жить! лучший друг мучит больше всех» (№ 73); «Корнифиций, плохо твоему Катуллу, а ты и не утешись!» (№ 38); «Альфец, не ты ли побуждал меня к любви, а теперь покинул в беде?» (№ 30). Они перекликаются с двумя стихотворениями памяти мертвых: одно — памяти брата над его могилою на чужбине (№ 101), другое — на смерть жены Кальва с утешением другу (№ 96). А на скрещении этих двух тем, любовной и погребальной, вырастает самое боль-

шое из лирических стихотворений Катутлла — элегия к Аллию (№ 68), которая начинается горем о брате, а потом вклинивает горе о брате в середину воспоминаний о минувшей любви и перемежает их — к большому удивлению современного читателя — совершенно, казалось бы, необязательным мифом о Лаодамии.

С этим мифом мы переходим к последней части катутлловского творчества — к «большим стихотворениям», или «ученым стихотворениям», занимающим середину «книги Катутлла Вероцкого». Это, прежде всего, два эпитафия, свадебные песни, одна — в римских декорациях (№ 61), другая — в греческих (№ 62); с ними перекликается короткий гимн Диане (№ 34), тоже стилизованный под обрядовую песню. Это покамест все же произведения лирические. Далее следует уже упоминавшаяся маленькая поэма о фригийском Аттисе (№ 63) — уже эпическая, хотя с лирическими монологами в середине и с молитвою от автора в конце. Далее — самое большое произведение Катутлла, мифологическая поэма о свадьбе Пелея и Фетиды, половину которой, впрочем, занимает вставка с пересказом совсем другого мифа — об Ариадне, брошенной Тесеем (№ 64). Это уже произведение чисто эпическое, безличное, естественно вызывающее у большинства читателей вопрос: «зачем лирик Катутлл это писал?» И, наконец, произведение не личное и даже не безличное, а написанное как бы дважды от чужого лица: переведенная из греческого поэта Каллимаха элегия, написанная от лица волос александрийской царицы Береники, обращенных в одноименное созвездие (№ 66, с сопроводительным стихотворением № 65). По объему эти большие вещи составляют почти поло-

вину всего катулловского корпуса. Но в традиционные представления о Катулле-лирике они решительно не укладывались, и филологи прошлого века от них отворачивались: считалось, что это досадная дань великого поэта мелким модам своего века, только и всего.

Мы видим: то, что называется творчеством Катулла, в высшей степени неоднородно. Перед нами как бы не один, а три Катулла: Катулл бранный, Катулл ученый и Катулл влюбленный. Читатели нового времени привыкли замечать из них только одного: последнего. Нам же предстоит всмотреться, как связываются эти три лика между собой и как складывается из них, если можно так выразиться, Катулл настоящий?

2

Наименее понятен для нынешнего читателя первый Катулл — бранный и ругательный. Обилие в том таких стихов пытались объяснить по-разному. Говорили, что это проявление юношеской несдержанности; говорили, что это избыток южного темперамента; говорили (и говорят), что это выражение общественного кризиса, сопутствуемого жестоким разочарованием во всех традиционных ценностях. Все эти объяснения недостаточны. Для того чтобы такие стихи могли писаться, читаться и цениться, необходима совсем особенная социально-культурная ситуация, для XIX в. с трудом представляемая (для XX в. — легче). Ключевое слово для понимания этой ситуации подсказывает сам Катулл: это «праздность», «досуг» (по-латыни «otium») в той самой концовке стихотворения № 51, которая кажется современному читателю неожиданной и расхолаживающей:

Праздность, мой Катюлл, для тебя зловредна,
Праздности ты рад, от восторга бредишь,
Праздность в прошлом много царей и славных
Градов сгубила.

«Проблема досуга» — словосочетание, которое в наши дни вновь стало ходовым. Проблема досуга возникает, когда в обществе повышается благосостояние, и человеку больше не нужно прилагать столько усилий, сколько прежде, для борьбы за жизнь. Уже удовлетворены физические потребности и еще не развились душевные потребности; образуется духовный вакуум, и он ощущается как тяжелая тоска — «одни страдания, плоды сердечной пустоты». Такие переломы бывают в жизни каждого общества по нескольку раз — по мере того, как достаток распространяется с узкой верхушки общества во все более широкие средние слои. Не миновал такого перелома и Рим.

Катюлл жил в I в. до н. э. Рим всего лишь сто лет как стал великой державой, практическим хозяином всего Средиземноморья. В Рим стекалось богатство, за богатством следовал досуг, за досугом — тоска. У дедов катюлловского поколения на тоску не оставалось времени: оно шло на военные походы, на возделывание полей, на управление делами общины — три занятия, которые только и считались достойными свободного гражданина. Теперь войну вели профессиональные солдаты, поля обрабатывали пленные рабы, а политика превращалась в борьбу за власть, в которой каждый чувствовал себя обиженным. Досуг приглашал задуматься: для чего все это? — а задумываться римлянин не привык, и мысль его заносило на каждом повороте. Привычки отцов не годились, а новых привычек не было. Кто пытался думать, тот приходил к выводу об

обрядов культа плодородия, было в этой программе непременною частью. Вот таким же разгулом и сквернословием стал заполняться досуг имущих сословий и тогда, когда он стал повседневным. Даже краса римского сената, Сципион Эмилиан и его друг Лелий (за два поколения до Катутлла), на досуге «невероятно ребячились, вырываясь в деревню из Рима, точно из тюрьмы. и развлекались, собирая ракушки и камушки» (Цицерон, «Об ораторе», II, 22); и это были самые просвещенные люди тогдашнего Рима, а времяпровождение остальных было, видимо, гораздо менее невинным. Вот тот эмоциональный фон, на котором выступает для нас разгул катутлловых чувств и слов.

Это дальний фон; есть и ближний. Все особенности досужего римского быта становились еще заметнее в молодежном римском быту. Взрослые люди развлекались по своим домам; молодые и холостые — гуляли компаниями. Их мало стесняли: считалось, что молодой человек должен перебеситься, а потом жениться и вести хозяйство. Разумеется, в таких компаниях дружеские счеты, вино и женщины составляли главное содержание жизни. При этом компании были часто мужские: пили вместе, гуляли порознь, зато обо всех своих любовных похождениях прежде всего рассказывали приятелям; кто уклонялся, тому жестоко пеняли, как у Катутлла в стихотворениях № 6, 55, 102. Картинку такой пирушки — с пьяной гетерой вместо председателя — мы находим в восьми строчках стихотворения № 27 (переведенного когда-то Пушкиным). Разумеется, в таком тесном кругу каждая размолвка и каждое примирение переживалось всеми, раздувалось в великое событие и порождало целые водопады восторгов и понощений. Это была игра, нарочитая бра-

вада юношеского буйства, такое же сознательное выворачивание наизнанку правил повседневного быта, как и на сатурнальных празднествах. Тип юноши-гуляки уже существовал в литературе — в греческой «новой комедии», пересаженной на римскую сцену Плавтом и Теренцием за сто с лишним лет до Катулла; молодые приятели Катулла брали его за пример поведения, как нынешние молодые люди берут модных героев кино. Что это была игра, участниками вполне осознавалось; Катулл пишет (№ 16):

Целомудренным быть благочестивый
Сам лишь должен поэт, стихи — нимало.
У стихов лишь тогда и соль и прелесть,
Коль щекочут они, бесстыдны в меру.

В этой заботе о демонстративной разнуздапности и складывается поэтика катулловых неустово бранных и восторженно ликующих стихов.

Гай Валерий Катулл жил в Риме и упивался модной прелестью этого молодежного быта. Это особенно пленяло его, потому что сам он не был римлянином по рождению — он приехал в Рим из Вероны в долине По. Эта область считалась еще не Италией, а провинцией (Предальпийской Галлией), и жители Вероны не обладали правами римского гражданства. Но борьба за распространение гражданства на Предальпийскую Галлию уже велась (в частности, этого добивался и впоследствии добился Юлий Цезарь), и для богатых и знатных уроженцев таких городов, как Верона, доступ к римскому гражданству уже был вполне возможен. Отец Катулла, несомненно, был в Вероне человеком богатым и знатным: у него была вилла на озере Гарда (№ 31), он был знаком с Цезарем, и Цезарь жил у него (Светоний, «Цезарь», 73). Посылая

Катулла в Рим, отец хотел, по-видимому, дать ему образование, ввести его в хорошие дома, а может быть, и присмотреть жену: тогда дети Катутлла считались бы уже римскими гражданами и имели бы доступ к политической карьере. Он даже купил для сына загородную виллу недалеко от аристократического Тибура (№ 44): ясно, что Катутлл жил в Риме привольно, и его жалоба, что «в кошельке его только паутина» (№ 13) — лишь шутка в знакомом нам гиперболическом его стиле.

Когда Катутлл появился в Риме, мы не знаем. Даты его жизни недостоверны. Хроника IV в. сообщает, что родился он в 87 г. до н. э., а умер в 57 г. до н. э. — тридцати лет отроду. Однако в стихах Катутлла есть заведомые упоминания о событиях 55 г. (№ 11; 29; 45; 113). Видимо, или «тридцать лет» — округленная цифра, или Катутлл родился позже, около 84 г. Молодость он провел в Вероне. Вскоре после совершеннолетия он лишился брата, скончавшегося в поездке на Восток по делам, нам не известным (№ 68, 19). Видимо, после этого отец и перенес свои надежды на Катутлла, послав его в Рим. В 62—61 гг. наместником Предальпийской Галлии был Квипт Метелл Целер, знатный, но бесцветный сенатор; может быть, именно ему отец Катутлла порекомендовал сына. Во всяком случае, в Риме мы сразу видим Катутлла посетителем дома Метелла и даже любовником его жены Клодии (№ 83) — потому что, как мы увидим, именно Клодию воспевал Катутлл под именем знаменитой Лесбии. Метелл вскоре умер; тогда Катутлл переходит в свиту другого сенатора, Гая Меммия — это при нем он совершает в 57 г. поездку в Вифинию и это на него он брашится, не сумев разбогатеть (№ 10; 28).

Но своим человеком чувствовал себя Катулл в другой компании. Это был кружок Гая Лициния Кальва, молодого оратора и поэта, дружбою с которым Катулл так гордился (№ 14; 50; 96). Потомки упоминали их рядом, до нас сохранились только стихи Катулла, но при жизни ведущей фигурой был, несомненно, Кальв, хоть и младший из двоих. По-видимому, к этому же кружку принадлежали несколько других молодых поэтов: Гельвий Цинна, вместе с Катуллом ездивший искать счастья в Вифинию (№ 10); Корнелий Непот, адресат Катуллова посвящения (№ 1), более известный как историк; может быть — тот Цецилий, которого Катулл приглашал в гости к себе в Верону (№ 35); все они были тоже из Предальпийской Галлии и образовывали как бы маленькое землячество. Это одна сторона интересов кальвовского кружка. Другая сторона была политическая. Кальв был потомком древнего рода, гордившегося традициями «борьбы за народ», его отец Лициний Макр (трибун 73 г.) был видный оратор и историк-пропагандист, которому Саллюстий приписывает патетическую речь за возрождение древней народной свободы. Кальв не сделал ораторской и политической карьеры, потому что был мал ростом и слаб здоровьем, но выступал он часто, репутацию имел хорошую, а Катулл сопровождал его на форум и писал ему шуточные комплименты (№ 53).

Таким образом, не нужно преувеличивать разочарование и отвращение Катулла к политике. Вино, женщины и песни поглощали его вечер, но не день; по утрам он, как все, ходил с визитами, сопровождал покровителей, толпился и шумел в публике на судебных процессах и народных сходках, а при случае участвовал в уличных политических драках, которые

в эти годы были в Риме делом повседневным. Но, конечно, это не значит, что он имел за душой какую-то политическую программу. Политических партий в Риме не было, а были политические клики вокруг сенаторов, соперничавших в борьбе за влияние и власть. Таких клик было много, борьба их уравнивала, и политическая жизнь Рима 70—60-х годов текла бурно, но ровно. Однако в 60 г., как раз когда Катутлл появляется в Риме, положение изменилось: Юлий Цезарь (еще не полководец, а только политикан) организовал союз между вождями двух сильнейших группировок, Помпеем и Крассом («первый триумvirат»), и после этого они сразу пересилили разногласицу остальных сенаторских клик. Ненависть оттесненных соперников к Цезарю стала поголовной, в ней объединялись и старые олигархи вроде Метелла и «поборники народа» вроде Кальва; памфлеты и эпиграммы ходили во множестве. В эту травлю был быстро вовлечен и новоприехавший Катутлл, и она отложилась в его стихах против Мамурры и Цезаря. Но брань оказалась недолгой: как только выяснилось, что позиция у Цезаря прочная, мелкие враги постепенно стали переметываться к нему в друзья. Так сделал Меммий, покровитель Катутлла; так сделал Цинна, товарищ Катутлла по службе у Меммия; так сделал Кальв; и, наконец «хотя Катутлл, по собственному признанию Цезаря, заклеил его вечным клеймом в своих стихах о Мамурре, но когда поэт принес извинения, Цезарь в тот же день пригласил его к обеду, а с отцом его продолжал поддерживать дружеские отношения» (Светоний, «Цезарь», 73). Самое позднее упоминание Катутлла о Цезаре (№ 11) мимоходом, но уже комплиментарно. Не нужно удивляться, что столь краткая

вражда нашла выражение в столь непристойной брачной форме. В Риме это было привычно: даже деликатный Цицерон, когда ему приходилось обвинять Пизова (тесть Цезаря: того самого, которого не добром поминает Катулл в № 28 и 47) или Марка Антония, высыпает на их голову весь набор традиционных попреков теми же блудными пороками, без связи с делом и без правдоподобия, почти как соблюдая обряд. Так, не только частный быт, но и общественный быт питал катулловскую поэтику эмоционального разгула.

Но весь этот хаос чувств и слов, заполнявший пустоту «досуга без достоинства», был не таким уж простым и саморазумеющимся рецидивом народного праздничного «мира наизнапку», как это могло бы показаться. Досуг освобождал человека для неформального общения — не делового и не обрядового, не гражданского, а человеческого. Здесь, в этом беспорядке вседозволенности, общество постепенно отбирало и соединяло в систему элементы тех новых культурных ценностей, которых не знал старый Рим: «человечности» (*humanitas*) и «столичности» (*urbanitas*). Имеппо от этой новооткрытой «человечности» пошел последующий европейский гуманизм всех веков, а от этой «столичности» — то (еще труднее определяемое) качество, которое в средние века звали «вежеством», в новое время «светскостью», а в наши дни «культурностью». Все знают всеобъемлющую формулу гуманизма: «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо», — но не все помнят его первоначальный контекст. Это начало комедии Теренция, поставленной за сто лет до Катулла («Самолстязатель», 75—77): ворчливый старик любопытствует, почему его сосед так странно ведет себя, тот восклицает: «Неужели у тебя столько досуга, что

ты от своих дел еще и о чужих заботишься?». А любопытный важно заявляет: «Я человек.. и т. д. Что человечность начинается с досуга, древние римляне помнили хорошо.

«Человечность» была свойством внутренним, она воспитывалась раздумьями и попытками познать самого себя (и ближнего своего), она питалась чтением греческих философов; в нашу пору над всем этим торопливо трудился, например, Цицерон. А «столичность» была свойством внешним, как бы оболочкой этой человечности — этикетом общения, обходительностью, учтивостью, любезностью, изяществом, легкостью, остроумием; она воспитывалась чутьем и опытом, на пробах и ошибках, и в нашу пору над этим трудились в своих комплиментах, подшучиваниях и перебранках именно Катутл и его товарищи по молодежным кружкам. Именно эти качества для него — главный критерий в суждениях о человеке, его поступках и произведениях: «умно», «остро», «тонко», «небезвкусно», «не без лоска», «утонченно», «воспитанно» — все эти синонимы светского поведения так и мелькают в его стихах (№ 10; 12; 13; 43; 50 и т. д.), именно им он радуется в Кальве, за отсутствие их бранит Азиния, странному сочетанию «вежества» в жизни и «невежества» в стихах дивится у Суффена. Все это — свойства деликатные, главное здесь — чувство меры, отделяющее шутливость от грубого шутовства: Эгнатию кажется изящным во всех случаях жизни улыбаться до ушей (№ 39), Азиний считает милой шуткой воровать у приятелей платки в застолье (№ 12), и Катутл втолковывает им, что и то и другое не имеет ничего общего со «столичностью». А Катутлу, быть может, таким же точно образом пеняли за грубость иных его выра-

жений Цинна или Кальв. Так общими усилиями создавались и осознавались те нормы новой культуры человеческих отношений, которые в следующем поколении, на рубеже «золотого века» Августа, будут уже усваиваться смолоду и казаться врожденными, естественными и само собой разумеющимися.

Оттачиванию нового искусства человеческого общения служило и то занятие, которое так любили в кружке Катулла и Кальва: стихотворство. Легкая поэзия на мелкие случаи из жизни была в Риме не то что внове, но, во всяком случае, не в почете. Она появляется вместе с появлением «досуга»: сперва, при дедах Катулла, в хаотическом жанре стихотворной «смеси» (*satura*), потом, при отцах Катулла, в более отчетливой форме эпиграмм (перенимаемой у греков). При Катулле и Кальве сочинение таких стишков уже почти вошло в моду: их писали даже суровые блюстители древних нравов Катон Младший и Марк Брут, и они тоже были бранными и непристойными. О потомках нечего и говорить: их безымянные любительские упражнения в этом жанре сложились даже в неудобопереводимую книгу, которая дошла до нас под заглавием «Приапей». А через полтора десятка лет после Катулла кроткий Плиний Младший своими подражаниями таким стихам даже навлек на себя упреки друзей и оправдывался, напоминая, что на то и досуг, чтобы быть непристойным, что все-де так писали, и что сам Катулл сказал, как поэт должен быть сердцем чист, а стихами игрив («Письма», IV, 14, 5). Однако покамест до этого было далеко: Катулл и Кальв в своем отношении к легким стихам могли чувствовать себя новаторами. Они первыми стали эти застольные экспромты сохранять, отделявать и отглаживать —

стали относиться к ним не как к бытовым, а как к литературным фактам. Стихи эти по-прежнему назывались «безделки» (*pugae*), это было почти обозначение жанра, но «безделки» эти собирались и издавались, и Катулл писал над ними: «Пусть переживут они не одно столетие» (№ 1). Светский досуг начинает вырабатывать свой язык. Как под пером Цицерона «человечность» теренциевского любопытного старика превращается в новую для Рима философию, так у Катулла с товарищами «столичность» пьяной светской компании превращается в новую для Рима поэзию. Само собой это не давалось: нужен был труд, и немалый.

Таким образом, не нужно преувеличивать в Катулле «естественность», «непосредственность», с которой он выплескивал в стихи любой мгновенный порыв души. «Естественные натуры» стихов не пишут. Чтобы писать стихи — а особенно стихи в формах новых и непривычных, но строгих и сложных, — нужно иметь трезвый ум и творческую волю. Сочинять стихи значило: пропускать разгул буйного чувства через фильтр обдуманного слова. Здесь Катулл ругательный уступает место Катулле ученому. Посмотрим, как это происходит.

3

Одно из самых простых и, по-видимому, ранних стихотворений Катулла — это № 17, плясовая насмешка над бесполовым мужем молодой жены. В ней отчетливо чувствуется подражание народной поэзии — такие песни-издевки были в латинском фольклоре и назывались «фесценннами». Но размер, которым это

стихотворение написано, не имеет ничего общего с теми размерами, какие знал латинский фольклор. Это размер греческий, называвшийся «приапейским», ассоциировавшийся с непристойными темами, употреблявшийся в Греции редко, а в Риме едва ли не впервые. Народная шутка в таком размере звучала так же странно, как звучала бы, скажем, русская частушка, изложенная гексаметром.

Катулл не только здесь проявляет свой интерес к народным традиционным формам. Два его стихотворения — эпиграмм, свадебные песни (№ 61 и 62). Содержание их традиционно, а стих — опять-таки нет: гликоническим размером эпиграмм в Риме не пелись, а гексаметром не пелись вообще нигде: гексаметр — размер не песенный. Были и менее явные традиции согласования метрики и тематики: например, стихи обличительные и бичующие назывались и писались ямбами (у самого Катулла таковы, например, № 29 и 37). А Катулл и здесь отступает от традиции: одно обличение изменницы он облакает в лирический одиннадцатисложник (№ 58), а другое в нежную сафическую строфу (№ 11); и наоборот, разговор с самим собой, самоанализ и самоубеждение, влагает в суровые ямбы (№ 8). Любимый катулловский одиннадцатисложник — тот размер, которым открывается его сборник, — современному читателю кажется легким и естественным, а современников вводил в недоумение: это был размер без роду и племени, даже греками употреблявшийся редко и пришедший к римлянам едва ли не из низов греческой поэзии — александрийских эстрадных песен, которые слушались охотно, а уважались мало. У Катулла это — эксперимент, оказавшийся удачным; из таких экспериментов, перестав-

ших ощущаться экспериментами, состоит едва ли не весь Катулл.

Какова метрика — таков и стиль. Переводы упрощают Катулла, нивелируют его язык под современный, устоявшийся, гладкий и легкий. А на самом деле в нем соседствуют высокие архаизмы и словечки из модного разговорного языка, галльские провинциализмы и обороты, скопированные с греческого, тяжелая проза и новые слова, сочиненные самим Катуллом. Киренский край он вычурно называют «ассафетидоносным» (№ 7), буйство — на греческий лад, «вакханством» (№ 64), и в то же время в знаменитых стихах о поцелуях (№ 5 и 7) называет поцелуй не постоличному, «suavium», а по-областному, «basium», просторечными же уменьшительными словцами у него пестрят все страницы: не глаза, а глазки, не цветок, а цветик, не друг, а дружок, не Септимий, а Септимчик. Некоторые особенности просвечивают даже в переводе: когда большое стихотворение № 65 укладывает 24 длинные строки в одну-единственную фразу со множеством сочинений, подчинений и перебивков, то здесь трудно не почувствовать падастствования, а когда поэт вновь и вновь называет себя в третьем лице, не «я», а «твой Катулл» и пр. (№ 13; 14; 38; 44 и т. д.), то здесь трудно не почувствовать жеманничанья. Перед нами как бы плавильная печь, в которой выплавляется, но еще не выплавился латинский поэтический язык. Катулл знает, какова его цель: изящество, легкость и соразмерность; но какие нужны для этой цели средства, он пробует то так, то иначе.

Если языковая сторона стиля ускользает от перевода, то образная сторона стиля в переводе сохраняется; и читатель легко заметит, что и здесь не все похо-

же на поэта «естественного» и «стихийного». Так, радостное и пылкое стихотворение о несчетных поцелуях (№ 7) оказывается украшенным упоминанием о «Кирене асафетидоносной» с оракулом Аммона и могилкой Батта, т. е. намеком на родину и предка александрийского поэта Каллимаха, кумира молодых поэтов. Так, другое столь же непосредственное стихотворение, о птеничке Лесбии (№ 2), заканчивается тремя строчками сравнения с мифом об Аталанте, такого неожиданного, что издатели предпочитают отделять его в особый отрывок (№ 2b). Так, в шутовое стихотворение о Лесбии и дурных поэтах (№ 36) врезается залп мифологической учености — перечень известных и малоизвестных мест, где читается богиня Венера; так, стихотворение об удачном возвращении из Азии в Верону обрастает такими географическими названиями, которые даже римскому читателю были непонятны без пояснений; мифологией же украшается дружески непринужденное стихотворение № 55, географией же — трагически любовное № 11, а этнографией — свирепо ругательное № 90. Для нашего времени словосочетание «ученый поэт» не звучит комплиментом, а для катулловского звучало. Именно так он и запомнился потомству: позднейшие авторы чаще называют его «ученый Катулл», чем, например, «тонкий Катулл» или «сладострастный Катулл». И эта ученость, как мы видим, не ограничивается большими мифологическими стихотворениями, а распространяется и на подлинную лирику.

Насколько рассчитана у Катулла и пылкая небрежность и тяжеловатая рассудительность, легче всего увидеть, обратив внимание вслед за метрикой и стилем на композицию его стихов. В «книге Катулла Ве-

ронского» три части: сперва «полиметры», мелкие стихотворения пестрыми лирическими и ямбическими размерами (№ 1—60), потом большие вещи (№ 61—68), потом «эпиграммы», написанные традиционным размером — элегическими двустишиями (№ 69—116). Это очень формальное деление; но для Катулла оно значимо — в каждой из этих внешних форм у него особенному разворачивается и содержание.

Мелкие разноразмерные стихотворения, «безделки» — это та область, где Катулл охотнее всего играет в непринужденность и беспорядочность. Иногда он простейшим образом повторяет вновь и вновь одно и то же («как смешно, так смешно!» — № 56, «плохо мне, плохо!» — № 38, «ты велик, велик, Цицерон!» — № 49), иногда — с усилением и нагнетанием (издевательства над Амеаной — № 41 и 43, плач над Лесбийским птенчиком — № 3). Усиление подчеркивается повторением строчек (сперва Катулл кратко выругается, потом растолкует, почему, а потом повторит ругательство — № 16; 36; 52; 57); эти повторения становятся как бы ступеньками, по которым идет нарастание чувства (любви Сентимия и Акмы — № 45, гнева на подругу-похитительницу — № 42); а потом такое усиление перерастает в усложнение, и подчас очень тонкое (№ 8: первая половина — о том, каково Катуллу, потеряв любовницу; вторая половина — о том, каково будет любовнице, потеряв Катулла; а финальный повтор вдруг напоминает, что это еще когда-то будет, а пока он все не в силах о ней забыть). При всей этой игре усилений у читателя все время остается ощущение, что он кружится на одном месте, и вспоминается поэтика народных песен с припевами (которым Катулл так умело подражал в № 62 и 64). Если Катулл хочет,

чтобы такое стихотворение было комическим, то он употребляет или каламбур (№ 26), или редкое слово (№ 53 — «шпш красноречивый!») или гиперболу (№ 13: «ради моего благоволия ты захочешь весь обратиться в пос!»), или нагромождение неожиданных сравнений (№ 25) и т. п. Самое эффектное его средство — ирония, когда говорится одно, а внушается противоположное (№ 42: «грязная шляха, ворота мои стихи! Не действует? Тогда — честная и чистая, ворота мои стихи!») или даже двойная ирония (как в № 16, где так и неясно, как надо понимать слова «целомудренный» и «благочестивый» — по смыслу или по контексту, т. е. наоборот?).

Эпиграммы — напротив. Их размер, элегическое двустишие из гексаметра и пентаметра, спокойен и уравновешен: стих уравновешивает стих, полустихие — полустихие, размер как будто сам напрашивается для стихов спокойных и рассудительных. Это в нем слышали греки, это в нем слышит и Катулл; и он строит их как рассуждения: «если... то... или... или», «це то..., а это». Здесь он не кружится чувством, а движется мыслью: начинает от одного утверждения, а приходит к другому. Если бы знаменитое «Ненавижу и люблю» (№ 85) было написано лирическим размером, он повторил бы это «ненавижу и люблю» раза три на разные лады, ничего не добавляя, кроме восклицательных знаков, и стихотворение получилось бы всем на радость. Но он пишет его дистихом, он не изливает свое чувство, а задумывается над ним — «почему и люблю и ненавижу?» — и огорчен стого, что не может этого объяснить в двух строчках. Зато может объяснить в четырех и объясняет (№ 75): «это значит, что от любовной обиды мой ум сам на себя

восстал: не могу тебя уважать, но и не могу не любить». Но и этого ему мало (вдруг непонятно, что он хочет сказать, говоря «уважать», буквально — «хотеть добра») — и он пишет объяснение к объяснению, уже в восьми строчках (№ 72): «это значит, что раньше я тебя любил не как любовницу, а как родную...» и т. д. И это — в стихах о самом мучительном и болезненном чувстве своей жизни. После этого неудивительно, что на более легкие темы он пишет с такой же четкой связностью (№ 92: «Лесбия меня бранит — значит любит! потому что и я ее люблю — а все время браню»), а когда хочет сделать свои дистихи комическими, то обращается не к игре слов, а к игре мысли, к чудесам парадоксальной логики: «я надеялся, Геллий, что ты не отобьешь у меня подругу, — я полагал, что ты выше блуда, и интерес твой начинается сразу с кровосмешения; но ты подвел меня и отбил ее, — грустно!» (№ 91).

Наконец, в больших произведениях у Катулла появляется третий принцип построения, самый трудный — концентрический. В маленькой поэме о свадьбе Пелея и Фетиды (№ 64) он подсказан александрийскими образцами: там, судя по другим римским подражаниям, в обычае было вставлять рассказ в рассказ, причем по возможности со сходными мотивами, но с контрастным настроением. Так Катулл в рассказ о счастливой свадьбе смертного Пелея и богини Фетиды (от них потом родится Ахилл, но Фетида покинет Пелея и вернется в родное море) вставляет описание брачного покрывала с вытканной историей несчастной разлуки Ариадны с бросившим ее Тесеем (от этого потом погибнет отец Тесея Эгей, но в финале смертная Ариадна должна соединиться с богом Вакхом,

счастье перевесит горе, и аналогия двух тем станет полной): счастливое лицо любви оттеняется печальной ее изнанкой. В большой элегии, адресованной Аллию (№ 68), поэт применяет тот же план к лирическому материалу и вставляет друг в друга не две, а целых четыре темы: «я страдал от любви — тогда ты, Аллий, устроил мне свидание с моей красавицей — и она вошла ко мне, как когда-то Лаодамия к Протесилаю — не на радость, увы, ибо Протесилаю суждено было скоро пасть под Троей — той Троей, где ныне лег в могилу мой бедный брат...» — это середина, и дальше поэт по тем же ступеням возвращается обратно (брат — Троя — Лаодамия — возлюбленная и Аллий), с большим искусством преодолевая трудные переходы. В мелких стихотворениях для таких композиций, понятным образом, недостает простору, но и здесь выработанное чувство пропорций не подводит Катулла — даже в стилизованном под народную песню-насмешку № 17 строки о хорошенькой жене приходятся точно на середину, а о дураке муже — с обеих сторон от нее.

Насколько сознательно велась эта работа над поэтическим словом, особенно становится видно, если обратить внимание на парные стихотворения Катулла. Больше, чем кто-нибудь, он любит одну и ту же тему обрабатывать дважды — то введя дополнительный мотив, то переменяв интонацию, то композицию. Он дважды сравнивает красоту Лесбии и ее соперниц: в лирическом размере это оборачивается буйным нагромождением насмешек над соперницей (№ 43: «здорово, девица с немалым носом, неладной ногой, не черными глазенками...»), в элегических двустихиях — толковой росписью, объясняющей, что из красивых частей еще не слагается красивое целое (№ 86: «Квин-

тия для многих красива — а для меня лишь бела, висока, стройна...»). Он пишет два эпиграмм (№ 61 и 62): один стилизован под обрядовую песню, другой под идиллию, один на римском фоне, другой на греческом, один рисует свадьбу извне, как картину, другой изнутри, как переживание. Он пишет, как Лесбия его бранит и любит (№ 92), а потом вводит новый мотив: «потому что бранит при муже» (№ 83). Его друзей обидели — один раз он жалеет их самих (№ 28), а в другой раз поносит их соперников (№ 47). Ему изменил друг — одно стихотворение он начинает в тоне «Ни от кого нельзя ждать благодарности...» (№ 73), другое в тоне «Ты, Руф, которому я так верил себе на горе...» (№ 77). Он попрекает Геллия: «ты блудодей и кровосмеситель» — один раз патетически гневно (№ 88), другой раз высокомерно и холодно (№ 89). На Мамурру и Цезаря он пишет не одну, а две инвективы: о том, какие они мерзавцы сами по себе (№ 57), и о том, как они пагубны для государства (№ 29). О птенчике Лесбии у него два стихотворения, на жизнь его и на смерть его (№ 2 и 3); о поцелуях Лесбии тоже два, их «тысячи и тысячи...» (№ 5), их столько, сколько песков в Африке и звезд в небе (№ 7); но и этого Катуллу мало, и он пишет третье, о поцелуях Ювенция, которых столько, сколько колосьев на ниве (№ 48). Совершенно ясно: главная забота Катуллы — не о том, чтобы выплеснуть страсть, а о том, какими словами это сделать.

Окончательно мы в этом уверяемся, когда видим, как Катулл в поисках лучших слов обращается не к своим словам, а к чужим — к переводам с греческого. Знаменитое стихотворение № 51, «Тот мне кажется богу подобен...», которое кажется первым Катулловым

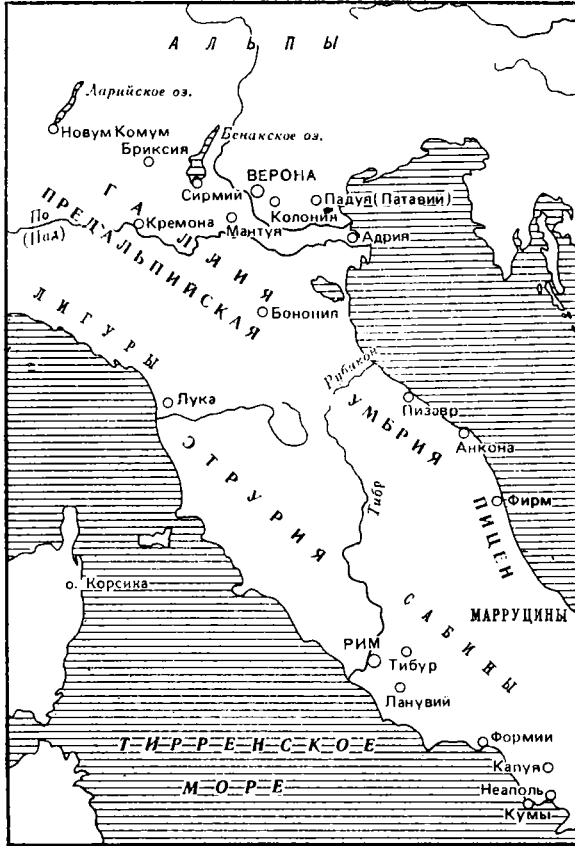
признанием в любви перед его Лесбией,— это перевод старинного стихотворения Сапфо к ее подруге, тоже знаменитого. При этом концовку Катулл приписывает свою, и концовка переосмысляет стихотворение: картину любовного недуга он берет у Сапфо, а причину любовного недуга («это досуг...») определяет сам. Точно так же и большой перевод из Каллимаха (№ 66) приобретает у Катулла дополнительное осмысление благодаря посвятившему стихотворению при нем (№ 65): судьба волос Береники, богами разлученных с Береникой, становится символом судьбы Катулла, смертью разлученного с братом. Точно так же и поэма об Аттисе (№ 63) производит впечатление переработки греческого образца, к которому Катулл добавляет лирическую концовку от себя. Так заставляет поэт неподатливые образцы говорить то, чего он хочет. О более мелких реминисценциях нет нужды и говорить: коротенькое стихотворение № 70 кончается цитатой из Софокла, приглашение Фабуллу (№ 13) напоминает греческую эпиграмму Филодема, стихи о воровстве Лесбии (№ 2 и 3) — целую серию греческих эпиграмм о животных, и даже за знаменитым «ненавижу и люблю» (№ 85) стоят и Феогнид, и Анакреонт, и греческая комедия в переводе Теренция. Все это нимало не ставит под сомнение искренность Катулла: наш Жуковский о своей большой и искренней любви тоже писал преимущественно переводами с немецкого. Но это напоминает нам еще раз: Катулл не стихийный поэт, Катулл — «ученый поэт». Что для светского человека означала «столичность», то для поэта означала «ученость». Источник этой учености нам уже не раз приходилось упоминать. Это — александрийская поэзия III—II вв. до н. э. во главе с ее классиком Кал-

лимахом. Именно здесь сложился тип «ученого поэта», который не бездумно творит по привычным образцам предшественников, а сознательно и целенаправленно отбирает одно, возрождает другое, сочетает третье и четвертое. Здесь, в Александрии, впервые оформился тот жанр небольшой, но сложно построенной и выпясанной мифологической поэмы, который мы находим у Катулла в «Свадьбе Пелея и Фетиды» (и, конечно, в переведенной из Каллимаха «Косе Береники», хотя это, собственно, не поэма, а элегия); здесь же получил классический вид жанр эпиграммы, короткой и, наоборот, выдержанной в стиле изысканно простом. Разноразмерные «безделки» разрабатывались здесь меньше.

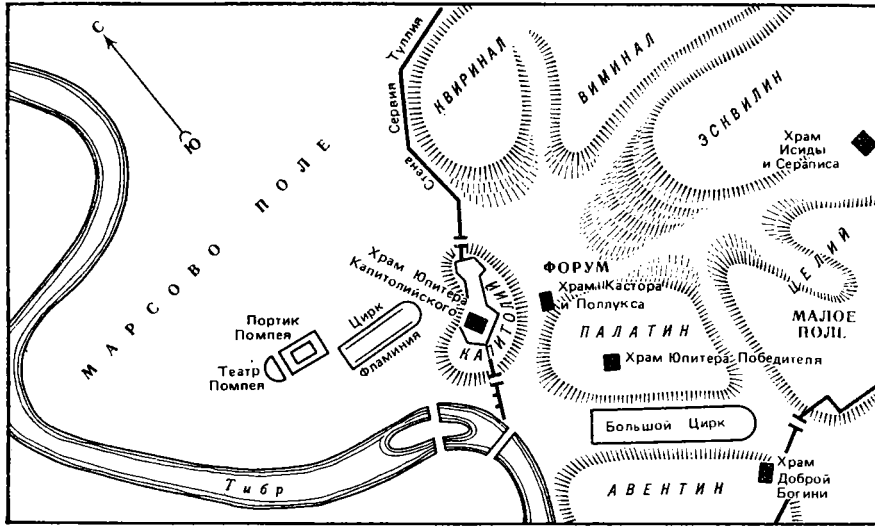
Александрийская культура была Риму не внове: собственно именно через нее, как через преломляющее стекло, воспринимали старшие римские поэты, эпики и драматурги, свои гомеровские и еврипидовские образцы (так потом Западная Европа воспринимала греческое наследие через латинскую культуру, а Россия XVIII в. — всю античность через французскую культуру). Новшеством Катулла и его друзей было то, что они впервые сдвинули внимание с предмета на преломляющее стекло, почувствовали себя новаторами и экспериментаторами. Новаторство диктовалось им эпохой — эпохой наступающего досуга. Столетием раньше культура римского общества была однородней: и поэзия разрабатывала гражданский эпос и путевскую комедию, жанры, над которыми могли одинаково волноваться и потешаться как сенаторы, так и плебс. Теперь общество расслоилось на досужих и недосужих; простонародью для отвода души на праздниках была оставлена та же комедия, только поглубже,

а светской публике для заполнения повседневного досуга понадобилась поэзия изысканная и как можно более недоступная пошланию невежд.

Катулл и его друзья выступали единым литературным поколением, связанным общностью этих вкусов. Почти все упражнялись в обоих ведущих александрийских жанрах — в ученой мифологической поэме и в эпиграмме (а заодно — в элегии). Лициний Кальв писал поэму «По», элегии на смерть жены (Катулл откликнулся на них в № 96), эпиталамий (как Катулл), эпиграммы (в том числе на Цезаря и на Помпея); Цинна прославился поэмой «Смирна», таковой темной, что на нее писали прижизненные комментарии (это ей Катулл сулил бессмертие в № 95); Цецилий, адресат № 35, сочинял «Диндимену» (перекликавшуюся темой с катулловоим «Аттисом»); Корнифиций, адресат № 38, был автором поэмы «Главк». Любовные стихи писал и Корнелий Непот, которому посвящена книга Катулла, и сам претор Меммий, при котором Катулл ездил в Вифинию. Чуть старше их и чуть архаичнее по вкусам были поэты другого кружка: Валерий Катон, ученый и стихотворец, автор поэмы «Диктинна», элегии «Лидия» и сатиры «Негодование»; Фурий Бибакул (в котором иногда видят Фурия, адресата № 11 и 23), сочинитель исторической поэмы, политических эпиграмм и сатиры «Ночное бдение»; Тицида, писавший любовные стихи к Левкадии, переводивший александрийскую поэму «Аргонавтика», но опять-таки не забывавший ни сатир, ни исторических поэм. От всех этих авторов сохранились лишь разрозненные строки; читатель найдет их в приложении к нашей книге. Недовольный новыми модами Цицерон (сам на досуге немало

Италия времен Катулла

Рим времен Катулла

Средиземное море времен Катиллы

Мифологическая Греция Кагулла

писавший стихов) обзывал их всех вместе взятых «новые стихотворцы» (по-гречески — *νεβητοι*, что звучало почти как «модернисты») и «подголоски Евфориона» (антиохийского подражателя александрийской вычурности) — впрочем, эти отзывы относятся ко времени уже после смерти Катулла («К Аттику», VII, 2, 1; «Оратор», 161; «Тускуланские беседы», III, 45).

При всем усердии этих римских подражателей александрийских вкусов, произведения у них получались во многом непохожие на образцы. Главных различий было два — в форме и в содержании.

В форме идеалом александрийских поэтов была архаическая простота: они стремились как бы освободить воображаемую исконную простоту и ясность от привнесшихся наслоений позднейших эпох. Ученая сложность и вычурность служила этому лишь как бы оттеняющим комментарием. Для римлян такая игра в архаику была невозможна. Промежуточных эпох за спиной у них не было: архаика для них была не в отдалении, а рядом, не в умоглядной прелести, а в наглядной грубости, приходилось не возрождать ее, а бороться с ней. Поэтому вместо стихов о сельской буколической экзотике они писали о городской досужей современности, — и простота у них получалась не изысканной, а естественной, не ученой, а разговорной. Ученая усложненность и умиляющая простота переставали оттенять друг друга, разрывались и расходились в разные стороны. Катулл подражал и простоте и сложности александрийцев, но совместить этого не мог: простота пересиливала в мелких стихотворениях, сложность — в больших. Оттого позднейшие филологи и расчленили с такой легкостью Катулла ученого и Катулла «непосредственного». Ошибка была

лишь в том, что «настоящим» Катуллом объявили только последнего, а на самом деле настоящими были оба.

Разница в содержании вытекала из разницы в форме. Культ архаической простоты означал, что александрийские поэты писали о предметах отдаленных, о мифических героях (как Каллимах), сказочных пастухах (как Феокрит) и потешном простонародье (как Герод), но только не о себе самих. Для разговора от собственного лица они оставляли только самый мелкий жанр, эпиграмму,— именно потому, что здесь в четырех-восьми строчках и речи не могло быть о выражении какого-нибудь реального, сложного чувства,— только о его частице, осколке, моменте. Римляне, обративши средства новой поэзии не на архаику, а на современность, вынуждены были писать именно о себе самих. Легкие формы александрийской поэзии сразу дрогнули под тяжестью усилий, которыми складывалась римская «столичность». Эпиграмма стала тесна, потребовалась элегия; шутливая любовь стала мала, начала сочиняться большая и страстная. Александрийские поэты, обремененные вековой культурой, искали в стихах простоты; римские поэты, лишь вчера расставшись с первобытной простонародностью, искали в стихах сложности. Там как бы взрослые играли в детей, здесь как бы дети играли во взрослых. А в таком сравнении в выигрыше оказывались дети. Для сверстников Катулла греческая культура была не только школой слов, но и школой чувств. И вышел из нее не только Катулл — ученый, но и Катулл — влюбленный.

Через двести лет после Катутла ритор Апулей, автор «Золотого осла», обвиненный перед судом в чернокнижии и развратном поведении, заявил в своей защитной речи, что если он и упоминал в своих стихах реальных лиц, то только под вымышленными именами, как «Катулл называл Лесбией Клодию, а Тицида Метеллу Периллой, а Проперций под именем Кинфии скрывал Гостию, а у Тибулла была Плавия на уме и Делия на языке» («Апология», 10). Это был поэтический этикет: вымышленными именами пользовались, во-первых, чтобы не сглазить, а во-вторых, чтобы не скомпрометировать воспеваемое лицо. И это была психологическая игра с самим собой: она подчеркивала, что поэзия и жизнь — вещи разные, и что в стихах поэт пишет не столько о том, что с ним было, сколько о том, что он хотел бы, чтобы с ним было.

Ни Метелла, ни Кинфия, ни Плавия ближе нам неизвестны; но катулловская Клодия оказалась известной. Это была дама из высшего сенатского сословия, один ее брат был консул и славился как взяточник, другой — народный трибун и славился как демагог, муж ее Метелл — тоже консул и (как мы видели) наместник Предальпийской Галлии, родная ее сестра была за полководцем Лукуллом, сводная — за самим Помпеем (едва ли не о ней — эпиграмма Катутла № 113), все три сестры были известны распутным поведением, а сама Клодия — больше всех. Ей не повезло: в 56 г., уже вдовой, она обвинила своего молодого любовника Целия Руфа (адресата катулловского № 58) в попытке отравить ее, защитником Целия выступил

Цицерон, враг обох Клодииных братьев, и в своей речи «За Целия» начёртил такой портрет Клодии, эмансипированной женщины без стыда и совести, напоказ щеголяющей развратом, что этот образ прочно запомнился потомству и дал много ярких красок для всех, кто пытался представить историю Клодии и Катутла как роман великосветской львицы с неопытным и страстным юношей, впервые попавшим в развратный Рим из целомудренной провинции.

Роман с Лесбией — Клодией очень много значил для Катутла и его поэзии. Но, перечитывая стихи Катутла, посвященные Лесбии, нельзя не обратить внимания на две их особенности.

Во-первых, это хронологические рамки. Все скудные датировки в стихах Катутла относятся к 60—55 гг. (и по большей части к 57—55 гг.); единственный хронологический намек в стихах о Лесбии (№ 11 с надрывным прощанием) — к 55 г. Между тем, до 59 г. Клодия была замужем и заведомо вела себя более сдержанно; после смерти мужа, в 59—57 гг., ее любовником был Целлий, а потом Геллий (?), в 57—56 гг. Катутла нет в Риме, он — в Вифинии, а после 56 г., процесса Целия и уничтожающей речи Цицерона, Клодия совсем исчезает из виду — или умирает, или уходит на вынужденный покой (ей, по-видимому, уже лет сорок). Стало быть, ее роман с Катутлом — лишь краткая промежуточная или попутная интрижка довольно раннего времени, а стихи о ней Катутла (по крайней мере некоторые) — произведения очень поздние. Возникает вопрос: обязаны ли мы представлять себе любовные стихи Катутла мгновенными откликами на события его отношений с Клодией? нельзя ли представить, что многие из них были написаны поз-

же, по воспоминаниям, ретроспективно? На первый взгляд это кажется странным, но русскому читателю легче, чем иному, преодолеть это впечатление странности: вспомним, что такой большой поэт-романтик, как А. А. Фет (переводчик Катулла!), лучшие свои стихи о молодой любви написал в старости, по воспоминаниям, ретроспективно. Наставать на таком предположении, конечно, не приходится, но подумать об этом полезно.

Во-вторых, это социальные краски. Реальная Клодия была знатной женщиной, по социальному положению стоявшей гораздо выше безродного молодого веронца. Но в стихах Катулла нигде, ни единожды не мелькает взгляд на Лесбию снизу вверх. (Разве что в № 51, «Тот мне видится богу подобен...» — но мы видели, что это перевод из Сапфо, а у Сапфо это стихотворение обращено к младшей подруге и ученице — т. е. и здесь нет взгляда снизу вверх.) Он говорит о ней как о равной или как о низшей. Забудем на минуту то, что мы знаем от Апулея и Цицерона, и представим себе Лесбию такой, какими были обычные героини античной любовной лирики — гетерой, полусветской содержанкой: и ни один катулловский мотив не будет этому противоречить. Больше того: иногда Катулл прямо стилизует Лесбию под продажную женщину — вот он переберет свою любовь (№ 8), и «как ты будешь теперь жить?.. кого любить? кому скажешь «твоя!»? кого станешь целовать? кого кусать в губки?» В стихотворении № 58 его Лесбия «блудит по подворотням», а в стихотворении № 37 изображается (правда, безмянно) кабацкой девкой, которую одна компания отбивает у другой. Любовь к светской женщине оказывается у Катулла загримированной под любовь

к гетере — и это у поэта, для которого «столичность» была превыше всего!

Этому есть свои причины. Именно гетера была для античного общества наставницей в «науке любви» — и не только любви телесной, но и, как это ни неожиданно, любви духовной. И античная поэзия не хотела забывать об этой школе.

Мы видели: для античного человека жизнь делилась на две части, «дело» и «досуг». «Делом» для мужчины было хозяйство, война и политика. Любовь для него была «досугом». Там он был деятелем — в любви он был потребителем. Но для женщины — наоборот. Любовь для нее была не «досугом», а «делом» — семейным долгом, если она была замужем, источником заработка, если она была предоставлена самой себе. Здесь она была деятельницей, производительницей, дающей, а не берущей стороной. Для хороших жен римляне не скупилась на уважение: «единомужняя», «постоянная», «добронравная» — читаем мы в надписях на женских могилах. И для гетер, которые были способны на то же самое — привязанность, верность, уступчивость, — общественное уважение было открыто (правда, конечно, больше в теории, чем на практике). Выражением его была поэзия греческой комедии (с персонажей которой брали пример сверстники Катутлла). Молодая гетера (или почти гетера), в которую безумно влюблен юноша и которая потом по счастливому узанию вдруг оказывается свободной, благородной и годной ему в законные жены, была в комедии постоянным персонажем. «Она мне душу и жизнь доверила, я ее за жену считал», — говорит о такой героине юноша у Теренция («Андриянка», 271—273), и это уже предвещает Катутлловы чувства к его

возлюбленной; а еще поколение спустя продолжатель Катулла Проперций скажет своей героине: «...Вечной любовницей ты, вечной мне будешь женой» (II, 6, 42). Это значит: когда в мужской жизни раздвинулся досуг, то в ней больше места заняла любовь, из развлечения она стала делом, делу нужно было учиться, а учиться можно было только у женщины. Катулл стоит здесь на переломе, и мы видим даже точку этого перелома — стихотворение № 51, «Тот мне видится богу подобен...», описание своей любви, переведенное из Сапфо. Античный поэт впервые пытается описать свою любовь не извне, а изнутри, не как прохождение «досуга», а как подлинное душевное «дело»; и для этого он идет на выучку к женщине, для которой любовь была «делом» всегда.

Новое, более серьезное отношение к любви с гетерами подсказывал сверстникам Катулла сам латинский язык. По-латыни продажные женщины деловито назывались «меретрики», «заработчицы»; слово «гетера» пришло из Греции вместе с пресловутым «досугом». Слово «гетера» в переводе значит «подруга»; а для юридически мыслящих римлян «дружба» была понятием гораздо более ответственным, чем для беспечных греков: так называлось единодушие, скрепляющее общество (и семью и государство), «высшее согласие во всех делах божеских и человеческих, при взаимном благорасположении и благожелательности», определял эту Дружбу Цицерон («О дружбе», 20). Когда гетеру брали на содержание, с нею заключали контракт, договор; а «договор» для римлян было понятие священное, он требовал непреложной Верности, он находился под блюстительством богов, нарушение Верности Договору было нарушением Благочестия по

отношению к богам. Все слова, которые для грека были бытовыми, для римлянина становились важными и многозначительными. В повседневности это могло не замечаться, но стоило над этим задуматься, и это чувствовалось сразу. Заслуга Катутлла с товарищами была именно в том, что они задумались и дали себе отчет, что дружба, верность, договор в малом мире частного «досуга» то же значат и так же важны, как Дружба, Верность, Договор в большом мире общего «дела», — что человек одинаково человек и там и тут.

Значение Катутлла в римской поэзии — не в том, что он страстно любил свою Лесбию и с непосредственной искренностью изливал свой пыл в стихах. Оно в том, что Катутлл первый задумался о своей любви и стал искать для ее выражения новых точных слов: стал писать не о женщине, которую он любит, а о любви как таковой. Поиск точных слов давался трудно. Нынешний поэт с легкостью бы написал «я тебя по-прежнему желаю, но уже не по-прежнему люблю», и это было бы понятно. Но в латинском языке слово «любить» (*amare*) означало именно «желать», и для понятия «любить» в нынешнем смысле слова нужно было искать других выражений. Катутлл ищет их в стихотворениях № 72, 73, 75, 76, 87, 109, и у него вновь и вновь возникают те высокие образы, о которых мы упоминали: «Договор священной Дружбы» (№ 109), «Верность в Договоре» (№ 87), «Договор, Верность, Благочестие» (№ 76). Он находит нужное ему слово — и замечательным образом это оказывается то самое слово, которое мы видели в пиццероновском определении дружбы: «благожелательность» (*benevolentia*: «я принужден все больше тебя *amare*, но все меньше *bene velle*», говорит буквально Катутлл в № 72; в стихо-

творном переводе это слово пришлось условно передать как «уважение»). По-русски «благожелательность» звучит слабее, чем «любовь», но по-латыни сильнее, и вот почему: в латинском сознании «благожелательность» (*benevolentia*) требовала непременно проявления в «благоденниях» (*beneficia*), справедливый обмен благодеяниями назывался «благодарным», а несправедливый «неблагодарным» (*gratus, ingratus* — тоже повторяющиеся понятия у Катулла, № 73, 76 и др.), и за справедливостью этой следила суровая Немезида («Рамнунтская дева», трижды упоминаемая у Катулла; едва ли не она же — и олицетворенная Верность в № 30). Таким образом, понятие «благожелательность» означало любовь деятельную, активную, которая не только берет, но и дает; любовь не только себе на радость, но и на радость любимому человеку; такую любовь, которая до этих пор была достоянием женщины, и лишь теперь входит в душевный мир мужчины. Можно, конечно, говорить, что Катулл открыл духовную любовь вдобавок к плотской; но точнее будет говорить, что он открыл (для мужчины) деятельную любовь вдобавок к потребительской.

Слово «благожелательность» сразу включало чувство любовника к подруге в ту систему Дружбы с большой буквы, основы всякого общества, о которой говорил Цицерон. Теперь это чувство приравнялось, с одной стороны, к чувству между друзьями мужчинами, а с другой стороны, к чувству между членами семьи (вспомним еще одну попытку Катулла выразить свою любовь: «та Лесбия, которую я любил больше, чем себя и всех своих», № 58). Мы видели, как много у Катулла стихов к друзьям; заметим же, что в некоторых из них появляется та же страстная реф-

лексия, тот же сдвиг внимания с друга на дружбу как таковую (№ 30 и 73). Семейное чувство у Катулла прорывается, конечно, в стихах об умершем брате (№ 65, 68, 101); но главным образом — в стихах о браке и супружестве (на смерть жены Кальва, № 96; два эпиталамия, № 61—62). Это понятно: из всех «договоров» Благожелательства брачный союз был самым священным, скрепленным обрядами, опекаемым богами; и Катулл с восторгом описывает эти обряды в эпиталамии № 61. Кроме того, брачный союз служил продолжению рода, а это для античного человека всегда было важно (ср. № 68, 119—124); в стихах о брате Катулл всякий раз упоминает, что умер он бездетным и оставил род без наследников, — а это, конечно, значит, что теперь жениться и рождать наследников должен он сам. Прямо говорить об этом он избегает, но когда он ищет слов для своей любви к Лесбии, то говорит: «не так, как простых подружек, а так, как отец любит сыновей и зятьев» (№ 76).

Новые понятия требовали новых форм выражения. Представить то, о чем хотел сказать Катулл, необычному читателю можно было или в рассуждении, или в образе. Ни для того ни для другого обычные Катулловы средства не годились. Мы видели, как Катулл пытался вместить рассуждение в лирическую «безделку» — в сапфические строфы № 51, и как это разламывало стихотворение; удачнее это у него получилось в «разговоре с собой» (№ 8), но удача эта осталась единичной. Для рассуждения лучше подходили уравновешенные двустопици эпиграммы, но эпиграммы были коротки. Поэтому образное выражение Катуллово концепция любви находит в больших «ученых стихотворениях», а рассудочное — в элегиях.

Это и есть ответ на читательский вопрос: «почему лирик Катулл стал писать мифологические поэмы?» В них он для читателя показывал любовь и верность такими, как он их себе представлял, в привычных мифологических образах, а для себя осмыслял эти образы изнутри, проигрывал их, как проигрывал Сапфо в стихотворении № 51. Чтобы научиться любви-самоотдаче, ему нужно было примерить на себя душевный опыт и новобрачной жены из эпиталамиев, и «девы-Атгис», и Ариадны, и косы Береники. Кое в чем эти поэмы позволяют заглянуть в душу Катулла даже глубже, чем рефлектирующие стихотворения. По ним мы видим, что вместе с мечтой о любовном соединении в сознании Катулла все время присутствует страх этого соединения, страх потерять себя в любовной самоотдаче, и поэт вновь и вновь напоминает: обретаемое больше, чем потеря. Так в эпиталамии № 62 невеста прощается с девичеством, в эпиталамии № 61 — жених с холостыми забавами (напоминающими нам о стихах Катулла к Ювендию), в «Косе Береники» коса расстается с головой царицы, но этим обретается воссоединение царицы с супругом. Столь же пугает поэта и собственный порыв, готовность безраздумно броситься в любовь; так бросалась в любовь Лаодамия в № 68 и была за это наказана обиженными богами, такую же кажется ему и собственная судьба. И тот и другой страх сочетались в самом трагическом из больших стихотворений, № 63, где Атгис сперва в порыве страсти к богине Кибеле отсекает себе возврат к человеческому прошлому, а потом в порыве тоски по прошлому навлекает на себя гнев Кибелы. Наоборот, и тот и другой страх отменяют друг друга в самом оптимистическом из больших сти-

хотворений, № 64, где Ариадна без жалости о прошлом бросается в любовь к Тесею, наказана за это его изменою, но вознаграждается за это страдание браком с нисходящим Вакхом; а окружающая этот рассказ история свадьбы Пелее и Фетиды подтверждает, как прекрасен брак, воистину приближающий смертного к богам, если брак этот заключается по любви и по благословию Юпитера. Так все эти произведения, на первый взгляд особняком стоящие в «книге Катутла», в действительности выражают и углубляют ту же главную тему, что и его любовная лирика.

Еще важнее была другая форма, разработанная Катутлом в любовной поэзии, — элегия. У Катутла в сборнике только две элегии, но обе образцовые — № 68 (к Аллию) и 76 (к богам). Они очень непохожи друг на друга. Первая, как мы видели, осмысляет любовь поэта с помощью мифологической параллели с судьбою Лаодамии; вторая — с помощью прямых и связанных рассуждений: «если любовь, как и все человеческие отношения, состоит в том, чтобы воздавать добром за добро, — то боги свидетели, что я ни в чем не нарушил долга благожелательности и благодеяний, а сам в ответ видел лишь неблагодарность, измену и бесстыдство; избавьте же меня, боги, от недуга этой любви!» Это самая зрелая формулировка той гуманистической концепции любви, которая так мучительно складывалась у Катутла. Первый тип элегии смотрел в прошлое, второй — в будущее. Жанр элегии, стихотворного размышления и побуждения, возник еще в раннегреческой лирике и продолжал существовать в александрийскую эпоху; среди них были сборники, озаглавленные женскими именами («Нанно» Мимнерма в VI в., «Лида» Антимаха в IV в., «Леонтион» Гер-

месианакта в III в.), но, насколько мы можем судить об этих несохранившихся книгах, здесь не было стихов о собственной любви, а были лишь общие рассуждения с мифологическими примерами, женские же имена служили лишь посвящениями. О собственной любви александрийские поэты предпочитали сочинять маленькие и легкие эпиграммы. Эпиграммы всегда хранили способность развернуться в элегию; из надгробных эпиграмм уже у греческих поэтов выросли надгробные элегии (при Катулле элегии на смерть жены писал в Риме грек Парфений и в подражание ему Лициний Кальв оплакивал свою Квинтилию); но из любовных эпиграмм любовные элегии выросли только в Риме, и первым известным нам их создателем был Катулл. Может быть, опыт надгробных элегий был ему помощью: не случайно в элегию № 68 вклинивается плач о смерти брата. После Катулла за любовную элегию взялся Корнелий Галл, друг юного Азиния Поллиона (см. № 12) и ученик упомянутого Парфения; после Галла — Тибулл, за ним Проперций, за ним Овидий. Эти четыре поэта были прямыми наследниками Катулла, и преемственность эта сознавалась; а от них, то умирая, то возрождаясь, жанр любовной элегии — раздумья о любовных страданиях — перешел в Европу нового времени. По другой линии — не от эпиграмм и элегий, а от «безделок» в лирических размерах — наследником Катулла стал Гораций; здесь он сделал то, чего не успел сделать Катулл, заставил песенные размеры звучать так же уравновешенно и вдумчиво, как элегические двустопия, только красивее. А от Горация пошла традиция «горадианской лирики» — раздумий о любовных радостях, — и, тоже видоизменяясь, дошла до самого XIX в.

Катулл хорошо знал иррациональную силу приступов любви и ненависти. Но он не наслаждался этим буйством страсти — он боялся его. Античный человек еще не выстроил столько барьеров между стихией и собой, сколько выстроила культура наших дней. Любовь — болезнь, говорил ему вековой опыт; а от болезни умирают или сходят с ума. Мыслью «любовь — болезнь» любовный цикл Катулла начинается в № 51 «Тот мне кажется богу подобен...», эту же мыслью он заканчивается в элегии № 76. Всю свою поэтическую силу он положил на то, чтобы упорядочить этот хаос страсти, укротить его, усмирить. «Катулл бранный», прошедший сквозь фильтр «Катулла ученого», — вот что такое «Катулл влюбленный». Это был тяжелый душевный труд, но результатом его было создание новой (для мужской поэзии) любви: не потребительской, а деятельной, не любви-болезни и любви-развлечения, а любви-внимания и любви-служения. Катулл начал, элегики завершили, и этот культ любви-служения перешел от римской «столичности» к «вежеству» средневековья, «светскости» нового времени и «культурности» наших дней. Он вошел в плоть и кровь европейской цивилизации. И только потому, что он стал для нас саморазумеющимся, читатель нашего времени может позволить себе историческую несправедливость: любоваться у Катулла не теми элегиями и учеными стихотворениями, в которых он ближе всего подошел к своей цели, а теми лирическими вспышками недоукрощенной страсти, которые Катуллу были страшны, а нам — благодаря Катуллу — уже безопасны.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Ок. 600 до н. э.— творчество Сапфо на Lesbos; из ее стихов Катулл перевел № 51.
- Ок. 250 до н. э.— творчество Каллимаха в Александрии; из его стихов Катулл перевел № 66.
- 222 — завоевание Римом Предальпийской Галлии, где в области ценоманов находится город Верона.
- Ок. 215—160 до н. э.— творчество Плавта и Теренция в Риме: переводы греческих комедий с любовными сюжетами из жизни «досужих юношей».
- 133 — выступление Тиберия Гракха: начало столетия «гражданских войн» в Риме. Около этого времени — творчество сатирика Луцилия, многими мотивами превосходящее Катулла.
- 90—89 — восстание Италии против Рима; все области Италии до реки По получают римское гражданство, а за рекой По (в том числе Верона) — «латинское гражданство».
- 88—82 — гражданская война в Италии между Суллой и Марием с его сторонниками.
- 87 или 84 — родился Гай Валерий Катулл в Вероне.
- 73—71 — восстание Спартака.
- 70 — первое консульство Помпея и Красса (№ 113). Восстановление политического режима, существовавшего до гражданской войны. Родился Вергилий.
- 70—60 — ранние, писанные в Вероне стихи Катулла (может быть, № 17, 59, 67, 100 и др.).
- 63 — заговор Катилины, подавленный консулом Цицероном.
- 61 — Метелл, муж Клодии — наместник Предальпийской Галлии.
- 60 — Метелл — консул. «Первый триумвират» — союз Помпея, Красса и Юлия Цезаря в борьбе за власть.

- Ок. 60 — Катулл приезжает из Вероны в Рим. «Хроника» Корнелия Непота (№ 1).
- 59 — Цезарь — консул; начало массовой антицезарианской пропаганды, в которой принимает участие своими стихами и Катулл. Смерть Метелла, мужа Клодии.
- 58 — Клодий, брат Клодии — народный трибун. Цезарь начинает завоевание Заальпийской Галлии (воспеваемое Фурием Биакулом и Варроном Атацинским). Меммий, покровитель Катулла — претор. Около этого времени Меммий посвящает поэму «О природе вещей» Лукреций.
- 57 — Сестий — народный трибун (№ 44). Меммий уезжает наместником в Вифинию; Катулл и Циприана — в его свите. Вераний и Фабулл, друзья Катулла — в свите Пизона, наместника Македонии.
- 56 — встреча Цезаря, Помпея и Красса в Луке: укрепление первого триумвирата, новая волна озлобления против Цезаря. Возвращение Катулла из Вифинии через города малоазиатского побережья в Верону (№ 4, 10, 31, 35). Процесс Целия, обвиненного Клодией в покушении на ее жизнь; речь Цицерона «За Целия».
- 55 — второе консульство Помпея и Красса (№ 113). Первый переход Цезаря через Рейн и через Ламанш (№ 11). Открытие театра Помпея в Риме (№ 55). Речь Кальва против Ватиния (? № 53, 14). Смерть Лукреция.
- 54 — неудачная кандидатура Меммия в консулы. Подготовка Красса к походу на Парфию (№ 11). Около этого времени — смерть Катулла или отход его от литературы.
- 53 — поражение и гибель Красса в парфянском походе.
- 49—46 — гражданская война между Цезарем и Помпеем, поражение Помпея.
- 47 — смерть Лициния Кальва, друга Катулла.

Приложения

- 44 — убийство Юлия Цезаря. Гибель Цинны, друга Катутлла.
- 43 — убийство Цицерона. Начало возвышения Октавиана (Августа).
- 41 — гибель Корнифиция, друга Катутлла. Вергилий начинает писать «Буколики».
- 40 — Азиний Поллион (упомянутый в № 12) — консул. Вергилий в IV эклоге (в его честь) возвещает приближение нового золотого века.

ПРИМЕЧАНИЯ

Перевод сделан по изданию: *Catullus. Carmina/Itanium ed. H. Bardon.— Stuttgartiae, 1973.*

Для комментария использованы также издания: *Catullus. The poems/ed. with introduction, revised text and commentary by K. Quinn.— L., 1970; Ellis R. A commentary on Catullus/ed. 2.— Oxford, 1889; Catullus/ed. by E. T. Merrill.— Boston a. o., 1893; Catullus/hrsg. und erklärt v. W. Kroll.— Stuttgart, 1968/1. Aufl.— 1923; Catulli Veronensis liber/erklärt v. G. Friedrich.— Leipzig — B., 1908; Catulli Veronensis liber/rec. et interpretatus est Aem. Baehrens, v. 2.— Lipsiae, 1885; Die Gedichte des Catullus/hrsg. und erklärt v. A. Riese.— Leipzig, 1884.*

Стихотворения Катутлла сохранились чудом. Сам Катутлл, по-видимому, издал лишь одну «маленькую книжку», вступлением к которой было нынешнее стихотворение № 1; она явно не обнимала всего написанного поэтом (может быть — только «безделки», написанные разными размерами). Кроме того, конечно, многие стихотворения (в первую очередь эпиграммы) ходили по рукам вне сборника. «Книга Катутлла Веронского» (так она называется в основных рукописях) была составлена, почти несомненно, уже после смерти поэта кем-то из лиц, близких к его поэтическому кружку; этому редактору принадлежит и продуманная трехчастная композиция книги (ст. наст. изд., с. 181). Составитель позаботился включить в книгу даже незавершенные отрывки Катутлла (видимо, таково происхождение № 2в, 14в, 58в, 78в), но некоторые ходившие под его именем стихотворения он упустил, и они для нас потеряны («подражание любовным заклинаниям» — может быть, перевод из Феокрита, 2? — упоминает Плиний, «Естественная история», XXVIII, 19; ссылки на неизвестные нам стихи и даже цитаты из них есть у поздних грамматиков, см. наст. изд. с. 242). В таком виде сборник получил в античности широкую известность и часто переписывался, причем иногда в тексте возникали искажения

(один такой случай в № 27 обсуждает Авл Геллий, VI, 20). На исходе античности о Катulle постепенно забывают и после VII в. перестают его цитировать. Если бы не счастливый случай, мы знали бы Катulle лишь по коротким разрозненным цитатам у авторов I—V вв., как знаем его товарищей-неотериков (см. с. 142). К счастью, один экземпляр его сборника на всю Европу сохранился в родной Катулловой Вероне и пролежал там в течение всего Средневековья, не привлекая ничего внимания; лишь однажды, в 965 г., любознательный и сварливый веронский епископ Ратхер упоминает, что в Вероне ему случилось прочитать не читанного прежде Катulle. Эта веронская рукопись Катulle была вновь обнаружена только около 1300 г., на заре гуманизма. Во второй половине XIV в. с нее начинают делать списки, в XV в. — списки с этих списков, а плохо сохранившийся оригинал перестает привлекать внимание и постепенно теряется. Первое печатное издание Катulle появляется в Венеции в 1472 г.; и оно и следующие за ним опирались без разбора преимущественно на поздние списки. Выделять среди рукописей более надежные (для восстановления веронского архетипа) и менее надежные филология стала только в XIX в. В 1829 г. К. Лахманн выделил и положил в основу своего издания Катulle «Датанскую» рукопись 1463 г.; в 1866 г. Л. Швабе использовал «Сен-Жерменскую» рукопись 1375 г.; в 1867 г. Р. Эллис ввел в оборот «Оксфордскую», конца XIV в.; в 1896 г. — У. Хейл «Римскую», начала XV в. Предполагается, что Оксфордская рукопись была списана непосредственно с утраченного веронского архетипа, а Сен-Жерменская и Римская — с одной из первых копий с него. Впрочем, в этой реконструкции рукописного предания до сих пор много спорного, а целый ряд мест в стихах Катulle остается темн, и чтение их устанавливается исследователями по догадкам.

Стихотворения Катulle, как это принято у античных лириков, не имеют заглавий. В примечаниях заглавия даны им лишь условно.

1. «К КОРНЕЛИУ НЕПОТУ»

Посвятительное стихотворение к прижизненному сборнику стихов («книжечке» небольшого объема); при составлении посмертного собрания было поставлено во главе его (ср. ниже, № 14b). Одно из самых популярных в древности стихотворений Катулла; размер его (фалексий) стал нередок в посвященных стихах (Марциал, кн. I, III, V, VI, XI; Авсоний, XXIII — «...Так веронский писал поэт когда-то...»). Корнелий Непот, приблизительно одних лет с Катуллом, родом тоже из Предальпийской Галлии, был историком и стихотворцем-любителем; его «Летопись» в трех книгах, которую здесь имеет в виду Катулл, представляла собой синхронистическую роспись событий римской и мировой истории с мифологических времен до последних лет — при сбивчивости античной хронологии это действительно требовало учености и усердия. До нас дошло лишь извлечение из другого его труда, «О знаменитых людях»: здесь мимоходом упоминается и Катулл как лучший (наряду с Лукрецием) поэт своего времени («Аттик», 12).

¹ *Для кого...*— Начальный вопрос — подражание зачпу пролога Мелеагра Гадарского к его греческой антологии «Венок», вышедшей лет за 40 до книги Катулла («Палатинская антология», IV, 1).

² *Пемзой жесткою...*— Античная книжка имела вид папирусного свитка шириною в нашу тетрадь, обернутого вокруг палочки, за которую держал его читатель; верхний и нижний обрезы свитка (особенно в дорогих подносных экземплярах) выглаживались пемзой и иногда окрашивались.

⁵ *...в то время...*— т. е. когда Катулл был еще начинающим поэтом, а Непот уже известным ученым — ок. 60 г.

⁹ *Дева...*— Муза (или богиня Минерва), покровительница поэзии. Это заключение — общеэллинистический мотив «вечного памятника» поэту в его стихах (ср. знаменитую оду Горация III, 30).

«К ВОРОБЬЮ ЛЕСБИИ»

Ручные воробьи не раз упоминаются латинскими поэтами (особенно Марциалом, не без влияния Катулла: см. I, 9, 3; 109, 1; IV, 14, 13; VII, 14, 3; XI, 6, 16; XIV, 77; в других местах упоминаются ручные попугай, ворон, соловей, дятел). Воробей был посвящен Венере (на колеснице, запряженной воробьями, является Венера в гимне Сапфо) и особенно годился в герои любовного стихотворения. «Воробышек» было ласкательным словом у влюбленных еще в комедиях Плавта. Хозяйка воробья не названа по имени, но уже древние не сомневались, что это Лесбия (Марциал, VII, 14: «... любимая нежным Катуллом/Плакала Лесбия, ласк птички своей лишена»). Стихотворение построено как пародия на гимн: обращение, описание божества в его действиях, заключительное пожелание.

2b. «ОТРЫВОК»

В рукописях за № 2 следуют такие три стиха:

...Так мне мило, как девушке проворной
Было яблоко мило золотое,
Поясок развязавшее девичий.

Речь идет об Аталанте, быстроногой деве-охотнице аркадских мифов. Она согласилась выйти замуж лишь за того, кто победит ее в беге; победил ее Гиппомен (или Миланион) тем, что стал на ходу рвать золотые яблоки, подарок Афродиты, и Аталанта, не утерпев, каждый раз наклонялась за ними и задерживала бег. Если этот отрывок связан с предыдущим, то в выпавшем тексте могла содержаться, например, мысль: «Мне этого так же хотелось бы, как Аталанте — яблок...».

3. «НА СМЕРТЬ ВОРОБЬЯ ЛЕСБИИ»

Парное стихотворение к предыдущему (ст. 4 повторен отсюда буквально). Как предыдущее пародирует форму гимна, так это — форму плача. Образцы эпитафий животным были в эллинистической поэзии — например, эпитафия Симмия на смерть куропатки («Па-

латинская антология», VII, 203), кончавшаяся: «В самый последний твой путь ты к Ахеронту идешь». Катуллу, в свою очередь, подражали Овидий («Любовные элегии», II, 6) и Стаций («Сильвы», II, 4), написавшие элегии на смерть ручных попугаев. Стихотворение насыщено поговорочными выражениями («глаз... дороже», «меда нежней») и словесными повторами (ст. 3—4).

...о Купидоны и Венеры...— Редкий оборот вместо «Венера и Амуры»: так как Амуров — Купидонов, воплощение страстей, обычно в свите Венеры представляли себе нескольких, то по аналогии с этим и «Венеры» названы во множественном числе, тем более, что уже Платон («Пир», 180) различал двух Венер, земную и небесную, а Цицерон («О природе богов», III, 23, 59) — четырех. Возможно и влияние изображений Венеры вместе с тремя Грациями.

¹² Орк — римский бог смерти (греческий Аид — Плутон) и его подземное царство («откуда нет выхода» — описание, в греческой поэзии традиционное, но в латинской прижившееся лишь после Катулла).

¹⁸ ...глазки — (разговорное уменьшительное). Клодия, предполагаемый прототип Лесбии, славилась именно красивыми глазами: «волоокой» называл ее Цицерон («К Аттику», II, 14, 1).

4. КОРАБЛИК ГОВОРИТ

По возвращении из поездки в Вифинию (ст. 11) в свое имение на озере Гарда близ Сирмиона (ст. 24, ср. № 31), Катулл в благодарность богам за благополучное путешествие посвятил в местный храм изображение того корабля, на котором он плыл. Стихотворение написано как пересказ посвятельной надписи при этом приношении, по греческому обычаю сделанной от лица самого посвящаемого предмета; некоторые комментаторы предлагают видеть в нем монолог Катулла (или храмового сторожа), показывающего гостям предметы местного святилища.

Корабль...— В подлиннике слово *phasellus*, собственно, египетский челнок в форме фасоли (отсюда название), который делали, однако, и довольно большим для морских переездов.

⁻¹³ ...и *Адриатики/Бурливой брег...*— Перечисляются (в обратной перспективе) этапы пути корабля: он был сделан из леса, росшего на горе Китор в Малой Азии, между Вифинией и Пафлагонией (о местном буке упоминает даже «География» Страбона, XII, 3, 10), спущен на Черное море (Понт) в ближайшем городе Амастре (Амастриде), принял на борт Катулла, видимо, в одном из портов Мраморного моря (Пропонтиды), посетил на севере Эгейского моря берег Фракии, а на юге — Родос, через Кикладские острова достиг Коринфа, здесь волоком через перешеек попал из Эгейского моря в Ионийское, а потом в Адриатическое, по которому довез Катулла до устья По. И Киклады и, особенно, Адриатика считались опасными и бурными местами, а «дикая Фракия» — разбойничьим краем. Такой перечень напоминает список должностей (*cursus honorum*) знатного покойника — обязательный элемент римских эпитафий и папегириков.

...береговым богам... — Обеты за спасение от крушений. Ср. Вергилий, «Георгики», I, 436: «Спасшись, тогда моряки вам на суше исполнят обеты,/О Панопея, Ино с Меликертом и Главк-беотиец!..

Двойничный Кастор и двойничный Кастора.— Кастор и его брат Поллукс — созвездие Близнецов-Дюскурв, покровителей мореплавания: их знаком были огни св. Эльма. Ср. № 68, 65.

5. (К ЛЕСВИИ, О ПОЦЕЛУЯХ)

Ср. № 7; оба стихотворения были очень популярны в античности, о них упоминает Марциал, XI, 6; XII, 59; VI, 34: («... Сколько Катулл умолял дать Лесвию, я не считаю/Жаждет немногого тот, кто в состоянии считать!»). Ключевое слово *basium* («поцелуй») избегалось в классической латыни и, быть может, было диалектизмом Предальпийской Галлии, родины Катул-

ла; но оно вытеснило все иные синонимы и легло в основу соответствующих слов во всех романских языках. Концовка стихотворения — от ходячего представления о том, что всякое чрезмерное обилие грозит «завистью богов» и возмездием, поэтому лучше не вести ему точного счета: для колдовства, «наводящего порчу», необходимы точные данные о всяком предмете.

6. <К ФЛАВИЮ>

Мысль этого стихотворения (и близкого к нему № 55) — от общего места греческой морали, сформулированной еще у Платона, «Пир», 182d: «по общему мнению, юношей достойных и благородных лучше любить открыто, чем тайно, хотя бы они были и не так хороши собой». Адресат ближе неизвестен.

7. <К ЛЕСБИИ, О ПОЦЕЛУЯХ>

Ср. № 5 с тою же концовкой на мысли о «сглазе». Стихотворение обыгрывает контраст между древней простотой основного образа «много, как песчинок в песке и звезд на небе» (повторяется потом в № 61, 199—203) и изысканностью географических реалий.

⁴ *Под Киреною, сильфием поросшей...* — Кирена — греческая колония на африканском берегу (в нынешней Ливии), основанная, по преданию, в VII в. до н. э. царем-заикой Баттом, могила которого в центре города чтилась как святыня. Вокруг Кирены росло пряное лечебное растение сильфий («ласерпидий», ассафетида), служившее главным предметом ее торговли и изображавшееся на ее монетах (правда, ко времени Катулла это, по-видимому, уже было лишь преданием; через сто лет, по свидетельству Плиния Старшего, XIX, 38, это растение уже окончательно перевелось в Кирене и доставлялось лишь из Персии и Индии). К югу от Кирены лежала Ливийская пустыня и в ней (в 500 км от Кирены) знаменитый оазис с храмом египетского Амона, отождествлявшегося с Зевсом — Юпитером. Уроженцем Кирены и потомком Батта считался

Каллимах, ведущий александрийский поэт III в. до н. э., образец стиля для Катулла и его друзей; весь этот набор образов как бы подсказывает читателю его имя.

8. «К САМОМУ СЕБЕ,
НА РАЗМОЛВКУ С ВОЗЛЮБЛЕННОЙ»

Героиня — по-видимому, Лесбия: ст. 8 переключается с посвященным Лесбии № 87 (некоторые комментаторы идут еще дальше и считают, что ст. 4 «хаживал на зов любви к милой» — это воспоминание о свиданиях в доме Аллия, № 68, и т. п.). Примечательно, что здесь нет обычного катулловского мотива — упоминаний об изменах возлюбленной, но она уже называется «преступной» (ст. 15) как вероломная. Обращение к самому себе на «ты» повторяется у Катулла в № 46, 51, 52, 76, 79; упоминание о себе в 3-м лице — в № 6, 7, 11, 13 и мн. др.; здесь эти формы катулловского эгоцентризма чередуются. Отрывистость (каждый стих — отдельная фраза) и обилие повторов вносит в интонацию черты заклинания. Стиль стихотворения в подлиннике более снижен, чем в переводе: оно насыщено словами и оборотами из языка комедии («сходить с ума» — из Теренция, «что погибло, почитай гиблым» — из Плавта; более мелкие особенности языка перевода не поддаются).

9. «К ВЕРАНИЮ, НА ПРИЕЗД ИЗ ИСПАНИИ»

Этот Вераний (ближе неизвестный) вместе с Фабуллом (героем № 13) упоминаются далее в № 12 (по поводу той же поездки в Испанию — «иберские края», ст. 7) и в № 28 и 47 (по поводу другой поездки, по-видимому, в Македонию). Вероятно, это были такие же молодые люди, как Катулл, набравшиеся опыта в свитах провинциальных наместников.

10. «О ПОДРУЖКЕ ВАРА»

Редкий у Катулла пример стихотворного рассказа, ни к кому не обращенного: этим стихотворение напоминает отрывок из сатиры Луцилия или Горация. Вар, о котором говорится в стихотворении, — или Альфен

Вар из Кремоны (адресат № 30), или Квинтилий Вар, поэт и критик (Гораций, «Наука поэзии», 438), впоследствии друг Вергилия и Горация, оплаканный в оде Горация, I, 24 (возможный адресат № 22). Написано вскоре после возвращения из вифинской поездки в 56 г.; то же недовольство нещедрым начальником, претором Меммием (ст. 11) — и в № 28, с такими же бранными выражениями. Этот Г. Меммий, сначала враг, а потом приверженец Цезаря, претор 58 г. и неудачливый кандидат в консулы 54 г., покровительствовал не только Катутлу: ему посвятил свою поэму «О природе вещей» Лукреций Кар.

...*Вошло в обычай*...— Ср. Цицерон, «Против Верреса», II, 5, 11, 27: «его носили в носилках с восемью носильщиками, как водилось у вифинских царей...». В Риме носилки стали входить в употребление при Гракхах, за два поколения до Катутла, а Юлию Цезарю через десять лет после Катутла уже пришлось ограничивать моду на эту роскошь. Обычно число носильщиков было шесть (ст. 19); восемь считалось уже важничаньем.

...к *Серапису в храм*.— Этот египетский бог считался делителем и иногда отождествлялся с Асклепием-Эскулапием: собеседница Катутла притворяется больной, которой естественно следовать к Серапису на носилках. Храм Сераписа (и Исиды) находился, по-видимому, близ Марсова поля, за городской чертой: в пределах города служение египетским богам было запрещено в 58 г., за два года до стихотворения Катутла.

²⁹ *Цинна Гай* — герой стихотворения № 95, поэт, будущий трибун 44 г.; ср. ниже (с. 144) его фр. 3, писанный из Вифинии.

11. «К ФУРНИЮ И АВРЕЛЛИО»

Считается, что это последнее из стихотворений, посвященных Лесбии, хотя имя ее здесь и не названо. Для переключки с первым из этих стихотворений, № 51, оно написано сапфической строфой. Дата — не раньше 55 г. (первый поход Цезаря в Британию).

ст. 12). Адресаты — видимо, те же, с которыми Катулл бранится в № 16 и (порознь) в № 15, 21, 23, 26; явное противоречие между этой бранью и обращением к ним как к «спутникам» в нашем стихотворении заставляет многих комментаторов видеть здесь иронию. Все стихотворение образует одну фразу в 24 строки (ср. № 65).

²⁻¹² *Рядом вы...* — в подлиннике *comites*, так называлась свита римских должностных лиц в провинциях, таким «спутником» сам Катулл ездил в Вифинию при Меммии (№ 28 и 10). Здесь Катулл воображает себя полководцем или спутником полководца на одном из краев римского света — в Парфии, на которую готовил поход Красс (*гирканы* у южного берега Каспийского моря и *саки* в Средней Азии были парфянскими союзниками), в Египте, где в это время наводил порядок Габиний (а из Египта открывался путь к «арабам нежным» Южной Аравии, страны благовоний), в Галлии, откуда в этом году Цезарь делал первые вылазки за Рей (Рейн) в Германию и за Ламанш в Британию.

²³ *Гибнет так цветок...* — Может быть, реминисценция из Сапфо, фр. 117 (из эпиграмм, ср. № 62): «Как гнацивт, что в горах пастухи, пасущие стадо./Топчут своими ногами, к земле пурпуровый цветок...» — характерный для Катулла перенос образа из женской поэзии в мужскую.

12. (К АЗИНИЮ МАРРУЦИНУ)

Адресат неизвестен, но младший брат его, Г. Азиний Поллион (ст. 6—9), хорошо известен: это будущий полководец-цезарианец, участник гражданских войн, консул 40 г., знаменитый оратор, историк и поэт, друг и покровитель Вергилия; он родился в 76 г., и в пору стихотворения Катулла ему могло быть лет 16—20 («мальчишка», ст. 8). Род Азиниев происходил из апеннинской области, где жило племя марруцинов, отсюда прозвище адресата. Кража платков, которыми вытирали руки за едой (их подавал хозяин, но часто приносили с собой и гости, так что легко

было выдать чужой платок за свой) была в Риме бытовым явлением — ср. эффектную эпиграмму Марциала, XII, 28 (29). У Катулла эта тема повторяется в № 25.

¹ *...рукой левой...* — По обычному поверью, что правая рука для хороших дел, а левая — для дурных (русская поговорка «твое дело лево»-неправо, криво (Даль): ср. «Щит твоей неподстать для кражи созданной шуйце!» (Овидий, «Метаморфозы», XIII, 111). Ср. ниже, № 29, 14 и № 47, 1.

...талант... — греческая денежная (счетная) единица, самая большая в античном мире (статуя в рост человека стоила полталанта); здесь — как неопределенно большая сумма.

¹⁰ *...гендекасиллаб ... триста...* — «Одиннадцатисложники», фалекии, любимый размер катулловских стихотворений, в том числе и сатирических, как это (ср. № 42, 1). Чаще сатирические стихи назывались «ямбамп», как в № 36 и 40.

...платок сетабский — Ср. № 25, 7. Сетаб в Испании (Иберии) близ Валенсии был известен своим львом (Плиний Старший, XIX, 9).

¹³ *Мнемосина* — богиня памяти; в подлиннике здесь родственное греческое слово, означающее «памятка».

...Веранием и Фабуллом... — Ср. № 9 и 13; видимо, эти друзья Катулла побывали в Испании в свите какого-то наместника, как потом в Македонии (?) — в свите Пизона, № 28 и 47.

¹⁷ *Веранчик* — точный перевод столь же необычной формы *Veraniolus*.

13. (К ФАБУЛЛУ)

Приглашение на пир, для которого, однако, все должен устроить сам Фабулл. Адресат — друг Катулла, уже упоминавшийся (вместе с Веронием) в № 9 и 12. Преувеличивая собственную бедность (традиционным мотивом: «Сундук твой затянуло паутиною...») — говорится еще в комедиях Афрания, ф. 412), Катулл пародирует здесь стиль греческих эпиграмм, обращенных к

покровителям,— например, своего современника Филодема («Палатинская антология», XI, 44; Пизон, к которому обращается Филодем,— тот самый, с которым Вераний и Фабулл, по-видимому, в 56 г. ездили в Македонию, см. № 28):

Завтра, любезный Пизон, тебя в своем скромном
жильище

Ждет в девятом часу музлюбивый твой друг
С тем, чтоб отпраздновать пир, в двадцатых
справляемый числах;

Здесь не обилен хмельной Бромий в хиосском вине,
Но за столами друзья твои верные, но разговоры
Слаще польются, чем мед на феакийских пирах.
Если же ты, Пизон, взглядишь на меня со вниманьем,
То уж наверно обед будет гораздо пышней.

14. К ЛИЦИНИЮ КАЛЬВУ

Об этом поэте, ораторе, покровителе и друге Катулла ср. № 50, 53, 96 (в № 53 — о его речи против Ватиния, претора 55 г.; отсюда здесь «ватиниански» в ст. 3). Стихотворение написано к карнавальному празднику Сатурналий (ст. 15) 17—21 декабря, когда принято было обмениваться подарками (сатурнальным подаркам посвящена целиком XIV книга Марциала, где подарок 195 — это стихи самого Катулла). Кальв прислал Катуллу в шутку несколько книг дурных поэтов. Катулл удивляется, откуда они у Кальва — не иначе, их прислал ему в благодарность за защиту в суде «грамматик Сулла» (ст. 9; может быть, Эпикад, вольноотпущенник диктатора Суллы, упоминаемый Светонием, «О грамматиках», 12) или иной клиент, и Кальв хочет теперь от них избавиться. За это Катулл грозит ему подобным же подарком — стихами дурных поэтов Суффена (которому посвящено стихотворение № 22), Цезия (ближе неизвестного), Аквина (ср. Цицерон, «Тускуланские беседы», V, 63: «из всех поэтов, которых я знал,— а я водился даже с Аквинием,— каждый считал себя лучше всех...») и им подобных (ст. 18—19).

14b. (ОТРЫВОК)

За № 14 в рукописях следует трехстишие:

Если вы, над безделками моими
Оказавшись читателями, ваших
Рук презрительно прочь не отведете...

По-видимому, это набросок или фрагмент вступления или заключения к сборнику стихов: может быть, к тому же, из которого заимствовано стихотворение № 1 (первое вступление — посвящение Непоту, второе — обращение к читателю: так строились и некоторые другие античные стихотворные книги), может быть — к какому-нибудь другому, тоже вошедшему в состав «Книги Катутла Веронского».

15. (К АВРЕЛИЮ)

С поручением надзора над Ювенцием (имя которого, впрочем, не названо; о том, что из этого вышло, см. № 21). Дальний образец этого ревнивого предостережения — Каллимах, «Ямбы», 5 (фр. 195).

¹⁷ *Раскорячат тебя...* — традиционное в Греции, а потом и в Риме (Гораций, «Сатиры», 1, 2, 133; Ювенал, 10, 317) наказание для прелюбодеев, застигнутых на месте преступления.

16. (К АВРЕЛИЮ И ФУРИЮ)

С бранью за обидные подозрения. Повод к столкновению — № 48, о поцелуях Ювенция (ст. 3 «мой стишки», ст. 12 «тысячи тысяч поцелуев»). «Развратниками» (*impudici*) в римском общественном мнении считались только те, кого называли *molles, effeminati*; от упреков в этом и отругивается Катутл, считая возможным называть себя «целомудренным» и «благочестивым». Тем не менее, эти строчки (5—6) получили широчайшую популярность в латинской литературе не в специфическом, а в общепринятом смысле: их цитирует Плиний Младший, IV, 14 (в защиту собственных, не дошедших до нас, стихов), парафразируют Марциал, XI, 15, 13 («Нравы вовсе не наши в этой

книжке) и Овидий, «Скорбные элегии», II, 353—354 («Верь, что правы мои на мои стихи непохожи — Муза игрива моя, но целомудренна жизнь»). Противоположное суждение — у Сенеки, «Письма», 114,3 («Не может быть душа одного цвета, а ум другого»).

17. К ГОРОДКУ КОЛОНИИ,
НА ВЕСТОЛКОВОГО МУЖА

По-видимому, раннее стихотворение Катулла. Считается, что Колония — это нын. Колонья немного восточнее Вероны, лежавшая, действительно, среди болот. Мосты и гати считались в римской религии священными объектами, на них совершались торжественные обряды с плясками (ст. 2, 6 — в подлиннике, как кажется, намек на местную жреческую коллегия «плясунов» — салиев, подобную римской); может быть, здесь это сопровождалось обрядовыми песнями (типа древних фесценний), приносящими плодородие. В подражание такой песне и написано стихотворение Катулла с обильными архаизмами и частыми аллитерациями в старом вкусе. Жители городка будто бы укрепили свой мост для обрядовой пляски, но все же не уверены в его прочности; Катулл предлагает для верности принести умиловительную жертву богам — сбросить с моста старого мужа («стариков с моста!») — Фест, 450 Л. — было латинской пословицей, хранившей память о реальном таком обряде).

18—20.

В рукописях Катулла за № 17 следует сразу № 21; но французский гуманист М. А. Мюре, издавая Катулла в 1554 г., вставил сюда три стихотворения из «Приапей», сборника безымянных стихов I в. до н. э. — I в. н. э., посвященных богу похоти и плодородия Приапу; они печатались здесь под № 18—20 вплоть до XIX в., и когда были исключены, то нумерацию издатель оставил без изменений. Два из них были приписаны Катуллу без всяких оснований; третье же упоминается как катулловское еще Теренцианом Мавром, грамматиком III в. н. э., как пример «приапейского размера» (ср. № 17):

Эту рощу дубравную посвящаю Приапу
По закону Приапова дорогого Лампсака,
Геллеспонтского города в славном устричном крае,
Где тебя предпочтительно величают пред всеми.

21. (К АВРЕЛИУ)

Речь идет об Аврелии, который отбивает у поэта мальчика Ювенция (см. № 15). Катулл попрекает его голодной бедностью (ст. 1, «всех голодов отец», вычурное выражение по образцу «Геродот — отец историк» и т. п., может быть, подсказано Плавтом, у которого в комедии «Стих» парасит Геласим говорит, что голодовка — мать его, и он, в свою очередь, носит ее в себе).

22. (НА СУФФЕНА)

К (Квинтилию?) Вару, см. примеч. к № 10. Этот Суффен упоминался в числе других столь же неизвестных поэтов в № 14, 19; здесь он описывается вдобавок (иронически?) как светский денди.

⁵ *И не на палимпсесте...* — Палимпсест — пергамент, с которого счищен прежний текст; такой второсортный материал использовался (наряду с восковыми табличками, № 42) для черновиков, Суффен же пишет прямо набело.

⁶ *...папирус царский...* — высший сорт египетского папируса; далее перечисляются другие приметы роскошного издания — строки ровно разлинованы свинцом, свиток обернут на хорошую палку, вставлен в футляр-переплет, перевит шнуром, обрез начищен пемзой (ср. № 1).

²¹ *...что за спиной носит.* — У каждого человека на груди висит сума с чужими пороками, а за спиной — со своими, первые он видит, вторые — нет (басня Эзопа, 229, ср. латинский пересказ Федра, IV, 10).

23. (К ФУРИЮ)

Насмешка над голодной бедностью Фурия — из ревности, как показывает № 24 (с дословными переключками). Стихотворение построено на фигуре иронии:

«ты не боишься клопов, потому что у тебя нет постели; пожаров, потому что у тебя нет дома» и т. д. (парадоксы такого рода охотно использовались стоико-киническими проповедниками); кульминационный довод «голодание полезно для здоровья» встречался у аттического комика Антифана («... С такой еды не станешь ты горячечным»).

- ¹⁹ *...солоницы чище...*— Начищенная солонка была наследственным предметом семейной гордости; Гораций писал, как даже в бедном доме «отчая блестят на столе солонка» (II, 16, 14).
...сто тысяч?— 100 000 сестерциев были довольно большими деньгами по тому времени: за доносы о заговоре Катилины (Саллюстий, 30) рабам была обещана свобода и 100 000 сестерциев.

24. <К ЮВЕНЦИЮ>

Предостережение против ухаживаний бедняка Фурия (ср. № 23, 26). В обращении — каламбур: «всех Ювенциев цвет» звучит похоже на «всех юношей цвет».

- ⁴ *сему Мидасу...*— возможен также перевод:

Лучше дай все Мидасовы богатства
Молодцу без раба и без шкатулки,
Но не дай, чтоб любовью докучал он!

Мидас — мифический фригийский царь, в руках которого все предметы превращались в золото (Овидий, «Метаморфозы», XI).

25. <НА ТАЛЛА>

Талл, банный вор (ср. № 33), ближе неизвестен (греческое имя Талл встречается в надписях катулловой Вероны). Катулл грозит ему плетью — наказанием для рабов.

- ³ *Дряблее мочки уха...*— Это редкое сравнение почти тотчас за Катуллом повторил Цицерон, «К Квинту», II, 15, 4 (54 г.).

⁵ *...смежит богиня веки!*— Очень темное место с испорченным текстом, перевод по смыслу.

...платок сетабский...— Из Испании, подарок Верания и Фабулла (№ 12, ср. № 9).— ...вифинки...— какой-то предмет, вывезенный Катуллом из вифинской поездки 57—56 гг.: комментаторы предполагали здесь вифинские перстни (упоминаются в фрагменте Мецената), ножи (упоминаются у Варрона), расписные шкатулки или писчие дощечки.

26. <К ФУРИЮ>

Вновь насмешка над бедностью Фурия (ср. № 23, 24). В ст. 1 перевод по чтению *vestra*; при чтении *postra* была бы насмешка над собственной бедностью (ср. № 13): «Фурий, домик наш сельский...».

³ ...заложен...— игра двумя значениями слова *opposita*; соответственно, «зловредный» — тоже в двух значениях, «нездоровый» (от которого заражаются) и «разорительный».

27. <К МАЛЬЧИКУ-ПРИСЛУЖНИКУ>

Стихотворение было популярно, комментарий к вычурному ст. 4 сохранился у Геллия, VI, 20. Обед на греческий лад заканчивался выпивкой; «распорядителем выпивки» («царем») назначался один из застольников, реже — как здесь — застольниц; упоминаемая Постумия (видимо, гетера-вольноотпущенница) ближе неизвестна. Распорядитель назначал сорт, количество и меру разбавки выпиваемого вина: обычно пили вино, разбавленное водой наполовину или даже больше, но под конец пира переходили к все более крепкому. Этот момент и представлен в стихотворении. Шутка «Все, в чем вода, не в пользу для души людской» встречается уже в греческой комедии (Дифил, II, 560 K).

¹ *Фалери* — популярное италийское вино среднего качества; лучшим считался фалери 15-летней давности (Плиний Старший, XXIII, 34). «*Фионианом*» (ст. 7) он изысканно назван по Вакху, сыну Семелы, среди богов получившей имя Фионы.

28. <К ВЕРАНИЮ И ФАБУЛЛУ>

На возвращение из провинции. Катулл в 57—56 гг. был в провинции Вифинии в свите («когорте») претора Меммия (см. № 10), а его друзья (см. примеч. к № 9) — в другой провинции, в свите другого наместника, Пизона, видимо, Л. Кальпурния Пизона Цезонина, консула 58 г., проконсула Македонии в 57—55 гг., по возвращении подвергшегося свирепым обличениям Цицерона («Против Пизона», 55 г.) — в частности, и за злоупотребления во время македонского наместничества. Однако и Катулл и его друзья обманулись в своих надеждах на наживу — отсюда непристойная брань Катулла (ст. 9—10). Ср. № 47.

29. <НА МАМУРРУ
И ЕГО ПОКРОВИТЕЛЯ ЦЕЗАРЯ>

Мамурра из города Формий (Гораций, «Сатиры», I, 5, 37; Плиний Старший, XXXVI, 48) был начальником саперных работ сперва при Помпее в войне с Митридатом Понтийским (66—62 гг.), потом при Цезаре в его испанском наместничестве (61 г.) и в галльских кампаниях (с 58 г.). Политической карьеры он не сделал, но так разбогател, что Цицерон упоминает его как общеизвестный образец пагубы, пошедшей от Цезаря («К Аттику», VII, 7, 6); Плиний пишет, что он первый в Риме облицевал свой частный дом мрамором и обставил цельномраморными колоннами. Почему Катулл из всех цезарианцев выбрал для настоячивых нападок (№ 57, а также под кличкой «Хрен» — ср. здесь в ст. 13 — № 94, 105, 114, 115) именно его, неизвестно; предполагать, что главным мотивом было любовное соперничество за Амеану (№ 41, 43, с намеком на комедийную ситуацию любовника, любовницы и хвастливого война-соперника), по меньшей мере, навивно. В данном стихотворении нападки на Мамурру служат лишь опорой для нападок на его высоких покровителей Цезаря и Помпея. Написано стихотворение между летом 55 г. (первый поход Цезаря в Британию, ст. 4 и 20) и летом 54 г. (смерть Юлии, дочери Цезаря и жены Помпея, ст. 24).

- ⁻⁴ *Галлия Космая* — заальпийская, в отличие от долины По (это ее официальное название в Риме).
- ⁵ *Распутный Ромул*...— Здесь: Цезарь как претендент на «царское» единовластие. Это прозвище прилагалось и к Сулле (Саллюстий, «История», I, 4, 5), и к Помпею (Плутарх, «Помпей», 25), и к Цицерону (Псевдо-Саллюстий, 4, 7).
- ⁸ ...голубком *Адонисом*...— т. е. под покровительством Венеры как ее священная птица и как ее любовник.
- ¹⁵ ...с руки не левой ли? — См. примеч. к № 12, 4.
- ¹⁹ *Иберия* — Испания; это первое в античной литературе упоминание, будто река Таг (Тахо) золотоносна, потом оно станет общим местом. В настоящее время никаких следов золота в Тахо нет.
- ³⁰ *Вы, тещь и зягь*...— Цезарь и Помпей, союз которых вновь упрочился после встречи триумвиров в Луке в 56 г.; отсюда озлобление их политических врагов.

30. (К АЛЬФЕНУ, НЕВЕРНОМУ ДРУГУ)

Комментаторы XIX в. видели в ст. 7—8 указание, что Альфен вовлек когда-то Катутла в любовь к Лесбии; но вероятнее, что речь идет о любви Катутла к самому Альфену. По теме и интонации стихотворение перекликается с № 38. П. Альфен Вар — известный юрист, сверстник (и, может быть, земляк — из Кремоны) Катутла, впоследствии сменный консул 39 г. и друг Вергилия. Тождествен ли он с Варом, адресатом № 10 и 22, неясно.

31. (К СИРМИЙСКОЙ ВИЛЛЕ)

¹ *Сирмион* — мыс на южном берегу Бенакского озера близ Вероны (ныне оз. Гарда) — Катутла называет его «Лидийским» (ст. 13), потому что этруски, древнейшие жители этих мест, считались выходцами из малоазиатской Лидии. Здесь до сих пор показывают развалины «Катутловой виллы», но на самом деле они не старше IV в. н. э. Стихотворение написано

по возвращении из вифинской поездки в 56 г. («от финов и вифинов», ст. 5 — двух давно слившихся племен, давших имя Вифинии) «к своему Лару» (ст. 9), богу домашнего очага. Ср. № 46.

32. (К ГЕТЕРЕ ИПСИФИЛЛЕ)

Героиня ближе неизвестна, имя ее — греческое, переняченное на латинский лад.

³ ...*днем*... — В послеполуденную сиесту.

⁸ *Деять... объятий*... — Условное (заговорное) число; ср. эпиграмму Филодема, современника Катулла, в «Палатинской антологии», XI, 30, и Овидий, «Любовные элегии», III, 7, 26.

¹¹ и *тунику и паллий*. — Нижняя и верхняя одежда римлян в повседневном быту; в официальных случаях вместо паллия (плаща) надевали тогу.

33. (НА ВИБЕННИЕВ, ОТЦА И СЫНА)

Адресаты ближе неизвестны. Воровство одежды в банях упоминается как обычное явление в Риме от Плавта до Петрония. Рифма в ст. 3—4 воспроизводит созвучие подлинника.

34. (ГИМН ДИАНЕ)

Неизвестно, написан этот гимн для исполнения на каком-нибудь настоящем празднике в честь Дианы (в марте или августе), подобно «Юбилейному гимну» Горация, или как простое лирическое упражнение, подобно оде I, 21 того же Горация; второе вероятнее. Диана прославляется как Латония (дочь Латоны, разрешившейся от бремени на Делосе, ст. 8), как Луна («с чуждым светом»), отраженным от Солнца, ст. 16), как Тривия-Геката, богиня ночи, и как Люцина-«Светлая», богиня-покровительница рожениц, отождествляемая также с Юноной, богиней брака. Как богиня охоты она покровительствует диким лесам (ст. 9—12), а как размерительница месяцев — сельским работам (ст. 17—20). Распределение стрóf между хорами юношей и девушек (ср. № 62) неизвестно.

35. <К ЦЕЦИЛИЮ>

Стихотворение обращено к другу-стихотворцу из Нового Кома на Ларийском озере (ныне Комо, к северу от Милана), ближе неизвестному. Писано из Вероны, видимо, вскоре после возвращения из Вифинии (№ 4 и 31).

⁶ *...друг его (он же мой)...*— Так Катулл вычурно называет самого себя.

¹⁴ *«Диндимену» читал свою...*— «Диндимена», заглавие поэмы Цецилия,— имя Кибелы, Матери богов, о которой сам Катулл писал в стихотворении № 63: свидетельство общего интереса сверстников Катулла к восточным культам.

...ученей/Даже Музы Сапфо...— т. е. поэтессы VII—VI вв. Сапфо, за которой твердо закрепились (со времен эпиграммы Платона, «Палатинская антология», IX, 506) прозвище «Десятая Муза». У александрийских поэтов и ученых она была в почете, Катулл перевел из нее стихотворение № 51.

36. <К ВЕНЕРЕ, О СТИХАХ ВОЛЮЗИЯ>

Подруга поэта (как обычно, принято считать, что это Лесбия) повздорила с ним, он стал писать на нее язвительные стихи («ямбы», ст. 5), тогда она согласилась примириться, но с тем, чтобы Катулл в честь этого сжег эгу «писанину дряннейшего поэта» (может быть, намек на автохарактеристику Катулла в № 49); Катулл же подменяет свои стихи исторической поэмой Волюзия (ср. о нем № 95, 7), который-де поэт еще того дряннее. Этот Волюзий ближе неизвестен; высказывалось мнение, что это зашифрованное имя Танузия, историка, нападавшего на Цезаря (Светоний, «Юлий», 9; Плутарх, «Цезарь», 22), чьи «Анналы» тоже были очень длинными (Сенека, «Письма к Луцилию», 93, 10), но, по-видимому, не стихотворными, а прозаическими.

⁷ *...алтарь хромого бога...*— Костер Вулкана, бога огня; в подлиннике изысканный эпитет-неологизм «медленноногого» (*tardipedi*).

- ⁸ ...на дровах... заклЯтых... — «заклЯтымИ» называются деревья, посвященные богам подземным и отвратительным..; на костре из них следует по указу сожигать зловещих уродов и иные пагубные знаменья» (Макробий, III, 20, 3).
- ¹¹ О, рожденная... — Далее перечисляются места культа Венеры: на Кипре — *Идалий*, где она вышла из моря на сушу, *Голг* с древним ее храмом и *Амафунт* с общим храмом ее и Адониса; на Адриатике — *Урий* (связь его с Венерой неизвестна), *Аккона* с храмом Венеры Морской и *Дуррахий* (ныне Дуррес), людный перевалочный пункт между Италией и Грецией; на малоазиатском берегу Эгейского моря — *Книд* с храмом, знаменитым Праксителевой статуей нагой Афродиты. Книдские тростники упоминает еще Плиний Старший, XVI, 156.

37. «К КАБАЦКИМ СОПЕРНИКАМ»

Кабаки («таверны») были местом времяпровождения простонародья, сенаторам прямо запрещалось посещать их, и люди высших сословий заходили туда лишь в поисках острых ощущений. Говорится ли у Катутла о настоящем кабаке (ст. 2 «девятый столб от храма Близнецов в шапках», т. е. от храма Диоскуров на форуме: Кастор и Поллукс часто изображались в круглых колпаках; столбы перед домами служили вывесками кабаков, а непристойные изображения и надписи на стенах, упоминаемые в ст. 10, сохранились на многих зданиях в Помпеях), или, метафорически, о частном доме, с которым он был в ссоре, сказать трудно. Ссора была из-за женщины: обычно считается, что из-за Лесбии, потому что ст. 12 «Которую любил я крепче всех в мире» повторяется в № 8, 5 (где, впрочем, Лесбия тоже не названа по имени), но, конечно, Катутл мог применить такую четкую формулу и к другой женщине. Цицерон в речи «За Целия», 48, говорит, что Клодия «раскрыла дом свой для всякой похоти и напоказ вела себя, как блудная девка», — но это такая же ораторская гипербола, как и у Катутла.

Упоминаемый в конце Эгнатий «из кроличьего края», ст. 18 (из испанской Кельтиберии, где водился особый вид кроликов «неисчислимой плодовитости»).— Плиний Старший, VIII, 127) — подробнее обличается в № 39.

38. «К КВИНТУ КОРНИФИЦИЮ»

Адресат — поэт того же круга, что и Катулл (Овидий, «Скорбные элегии», II, 436, перечисляет его в ряду эротических лириков вслед за Катуллом, Кальвом, Тицидой, Меммием, Цинной и др.), он же и оратор, адресат ряда писем Цицерона, погибший в 41 г. в гражданской войне на стороне сената против Антония и Октавиана. По настроению стихотворение перекликается с № 30; комментаторы XIX в. считали их предсмертными произведениями Катулла, разочарованного в любви и умирающего в чахотке.

⁸ ..*печальнее плачей Симо니다*.— Греческий лирик Симонид Кеосский (556—467) прославился хоровыми песнями (в том числе надгробными «френами») — он считался начинателем этого жанра) и эпиграммами (в том числе эпитафиями).

39. «НА ЭГНАТИЯ»

Ср. № 37, 17—20. О том, что кельтиберы (группа племен центральной и северной Испании, смешавшихся из древних жителей Испании, иберов, и пришлых, кельтов) имели обыкновение мыться и чистить зубы мочой, упоминают Страбон (III, 4, 16, с. 164) и Диодор (V, 33, 5). Этнографы отмечали такой же обычай у эскимосов и чукчей. В Риме же зубы обычно чистили порошком пемзы или золой пережженных костей, рогов, раковин и т. п. Насмешки над людьми, которые смеются только затем, чтобы блеснуть зубами, восходят еще к аттической комедии (Алексид у Афинаев, 568 с.).

²⁻⁵ *На суде...*— куда Эгнатий приглашен как друг судимого; ..*над костром...*— куда он приглашен как друг дома, и в обоих случаях должен соблюдать пристойную скорбь.

⁹⁻¹⁰ *...будь ты из Рима...* — в Риме у людей зубы хороши из-за светской привычки к уходу за ними, в Тибуре — от здорового климата, в апеннинской Сабинской земле — от здорового образа жизни (см. № 44 и примеч.), в Умбрии — ради экономии на лечении, в Этрурии — ради удовольствий обжорства (тучность этрусков подчеркнута на всех античных изображениях), у ланувийцев в Лации — просто от природы; но даже им не рекомендуется смеяться без причины (комментарий Р. Эллиса). Жителей своей родной Транспаданской области (к северу от По) Катулл причисляет сюда как бы для справедливости.

...бережливый умбр... — перевод по рукописному чтению; в издании Бардона принято чтение «Будь растолстелый умбр...» (*pinguis* вместо *paucus*).

40. <НА РАВИДА>

Равид — лицо неизвестное. По интонациям и отдельным словам стихотворение близко к № 15 и поэтому связано скорее с соперничеством из-за Ювенция, чем с соперничеством из-за Лесбии. «Ямбами» (ст. 2) здесь, как и в № 54, 6, названы бранные стихи любого размера, в том числе и фалексиевского (которым написано и это стихотворение, и № 54). О долгой славе своих стихов (ст. 7) Катулл говорил еще в № 1, 10.

41. <НА АМЕАНУ>

Амеана — гетера, любовница «лихоимца формийского» (ст. 4) Мамурры, героя № 29 (ср. № 57, 4); описание ее безобразия детализируется далее, в № 43; цена в 10 000 сестерциев за любовные услуги (фантастически высокая) повторяется в стихотворении № 103 о своднице Силоне. Текст последних строк испорчен; Бардон принимает более изысканное чтение «...больна: не умеет спросить образную медь (т. е. металлическое зеркало), какова она взаправду».

42. «К СОБСТВЕННЫМ СТИХАМ»

В основе стихотворения — древний народный правовой обычай: вместо того, чтобы обращаться в суд, потерпевший мог собрать друзей, окружить обидчика в людном месте, хором выкрикнуть свою обиду и потребовать компенсации. Так и здесь: женщина, к которой Катулл посылал свои стихи (комментаторы вполне произвольно отождествляли ее с Лесбией или с Амеаной), написанные на восковых табличках (см. примеч. к № 50), отказывается их возвратить, и Катулл скликает вокруг свои стихи: пусть они требуют, чтобы укравшая вернула им их таблички.

¹ *Гендекасиллабы* — по названию размера этого и других схожих стихотворений, ср. примеч. к № 12, 10.

43. «К АМЕАНЕ, КОТОРУЮ СРАВНИЛИ С ЛЕСБИЕЙ»

Ср. № 41, 4, где повторяется стих, упоминающий «лихоимца формийского» Мамурру, о котором см. № 29. Стихотворение интересно как свод примет женской красоты по римскому вкусу; ср. «неказистый нос» выше, № 41, 3; «с тощим задом, носастая, с тальей короткой, с большою ступнею» (Гораций, «Сатиры», I, 2, 93); о мужчине — «глаза влажные, веки опухшие, ...слюнявые губы, хриплый голос» (Апулей, «Аполонгия», 59); наоборот, черные глаза упоминаются как достоинство у Горация («Оды», I, 32, 11), а длинные руки — у Проперция (II, 2, 5).

⁶ *...в провинции...* — имеется в виду Галлия, или Предальпийская (если стихотворение написано в Вероне), или Заальпийская (если Мамурра на Цезаревой службе возил туда и Амеану).

44. «НА СЕСТИЯ»

Публий *Сестий*, народный трибун 57 г., друг и подзащитный Цицерона (который, однако, не раз упоминает о скверном характере Сестия — «К брату Квинту», II, 4, 1, «К Аттику», IV, 3, 3), пригласил Катулл к себе на обед для обсуждения своего последнего сочинения — речи против Анция (лица неизвестного).

За обедом Катулл простудился и в шутку объявляет причиной этого бездарную речь хозяиша («холодный слог» — обычное выражение в античной литературной критике). Он отводит душу на своей вилле, лечась от кашля отваром из крапивы (ст. 14) — обычное латинское лекарство, рекомендуемое и Плинием, XXII, 35. Вилла эта лежит километрах в 40 к востоку от Рима; ближе ее к Риму расположен Тибур с его пышными садами и здоровым климатом, место аристократических загородных резиденций, а дальше нее от Рима — земля сабинов с ее дугами, оливковыми рощами и сельской простотой жизни (столь ценимой Горацием, который жил там лет 30 спустя). К этой вилле и обращается в своем стихотворении Катулл.

45. <О СЕПТИМИИ И АКМЕ>

Герои ближе неизвестны; комментаторы допускают возможность, что это не реальные лица, а идеальные фигуры счастливых любовников. Имя Септимия указывает на римлянина из хорошей семьи, имя Акмы — на греческую вольноотпущенницу. Чихание у греков и римлян считалось знаменьем для последнего сказанного слова — так уже у Гомера, а выражение «благосклонно чихнули Эроты» — у Феокрита, 7, 96. Благоприятной считалась у греков правая сторона, у римлян левая, — таким образом, стихотворение нарочито стилизовано под греческие нравы. Упоминание о богатствах Сирии и Британии (ст. 22) указывает на 55 г. — поход Цезаря в Британию и подготовку Красса к походу на Восток. В том же 55 г. Помпей на пышных играх при освящении храма Венеры вывел для травли 600 львов — это могло подсказать образ в ст. 7 (Плиний Старший, VIII, 53—54, там же: «вся сила львов — в их взгляде»).

46. <К ТОВАРИЩАМ ПО СЛУЖБЕ>

На отъезд из Вифинии весной 56 г. в свите Меммия (см. № 31 и 4). Вифиния с ее главным городом Никеей (ст. 5) была страной плодородной, но полуварварской и разоренной недавней войною (№ 10, 28, 47),

обратный же путь лежал мимо старинных греческих городов эгейского берега Малой Азии (ст. 6), всегда привлекавших внимание римских туристов: за 10 лет до Катулла Катон Младший нарочно замедлил вернуться с Востока в Рим «из желания постранствовать по историческим местам Азии» (Плутарх, «Катон», 12), а через 35 лет после Катулла Гораций спрашивал приятеля, как показались ему Хиос, Лесбос, Самос, Смирна и Колофон — «достойны иль нет своей славы?» («Послания», I, 11, 1—2). Морской сезон на Средиземном море открывался в середине марта, но в равноденствия (ст. 2) и в солнцеворот перебивался опасными бурями (Плиний Старший, XVIII, 221). Весенний западный ветер *Зефир* считался при этом более «добрым» у римлян, чем у греков, потому что на Италию он дул с моря, а на Эгейское море с холодных гор Пивда; Катулл (ст. 3) смотрит на него глазами римлянина.

47. «К ПОРКУ И СОКРАТИОНУ»

Порк (точнее, Порций) и *Сократион* — ближе неизвестные спутники проконсула *Пизона* и соперники Катулловых друзей *Верания* и *Фабуллы* из той же свиты (см. № 28). Им больше повезло нажитья, и Катулл попрекает их воровством (ст. 1, «руки, обе левые» — см. примеч. к № 12, 1), развратом (Пизон назван Приапом, ср. Цицерон, «Против Пизона», 28, 69) и обжорством (ст. 5, «пир с утра», тогда как обычно в дополуночное время занимались только делами).

48. «К ЮВЕНЦИУ, О ПОЦЕЛУЯХ»

Тема перекликается с знаменитыми стихами к Лесбии, № 5 и 7.

³ *Триста тысяч* — для обозначения бесчисленно большого числа — поговорочно, ср. № 9, 2.

Последствием этого стихотворения была ссора Катулла с Аврелием и Фурием, № 16.

49. <К МАРКУ ТУЛЛИУ ЦИЦЕРОНУ>

Повод неизвестен, время тоже; гиперболически самоувеличительный стиль заставлял многих комментаторов видеть здесь иронию (ср. № 1 о своих «безделках»). Последний стих, действительно, двусмыслен и может пониматься «как ты — лучший за всех заступник» — тогда это может быть насмешкой над адвокатской неразборчивостью в выборе подзащитных (так, Цицерон обвинял Ватиния в 56 г. и защищал его в 54 г.; в обвинении оба раза принимал участие Кальв, поэтому для Катутла эти процессы были небезразличны, ср. № 14 и 53). Катутл мог дурно относиться к Цицерону за то, что тот осуждал неотерическую поэзию и антицистическую прозу Кальва и других его друзей; и мог хорошо относиться за его речь «За Целия» против изменницы Клодии (Лесбии) в 56 г. и за его жестокую вражду с Клодием, братом Клодии, которого Катутл (судя по № 79) не любил.

50. <К ЛИЦИНИЮ КАЛЬВУ>

Ср. № 14. Стихотворение написано по римскому эпистолярному этикету — с точки зрения адресата: не «я пишу тебе ночью, усталый...», а «я писал тебе ночью, усталый...»

² ...на табличках моих мы забавлялись.— Деревянные таблички, покрытые воском, служили для черновых записей и в античности и долгое время в средние века.

²⁰ Немесиды (она же Рамнунтская дева в № 64, 395, № 66, 71, № 68, 77) — богиня возмездия, в частности за любовные обиды (у лирических поэтов).

51. <К ЛЕСБИИ, О ЛЮБОВНОМ ТОМЛЕНИИ>

Перевод знаменитого стихотворения Сапфо (фр. 2, сохранился в цитате в анонимном трактате «О возвышенном», 10), обращенного к ученице, которую она ревнует к жениху. Вот его подстрочный перевод (кур-

сивом даны места, опущенные или измененные Катуллом):

Видится мне равен богам
 Тот мужчина, который напротив тебя
 Сидит и *изблизи* сладкий
 Слышит *голос*
 И желанный смех, а от этого мое
Сердце в груди замирает:
 Довольно мне *быстро* на тебя взгляда, и
 уже

Говорить я не в силах,
 Но *ломается* мой язык, тонкий
Тотчас пробегает *под кожей* огонь,
 Глаза *ничего* не видят, шумом
 Оглушен слух,
Обливаюсь я потом, дрожь
Всю меня охватывает, зеленее травы
Становлюсь, и чтоб умереть, немного,
Кажется, мне осталось;
 Но *все* нужно *вытерпеть*...

Катулл вводит в стихотворение обращение к адресату — «Лесбия» (т. е. «лесбосская девушка»); видимо, после этого оно и стало для него постоянным псевдонимом его возлюбленной. Что Клодия стала «Лесбией» в честь самой Сапфо, — менее вероятно: Сапфо, по античному преданию, была чернява и некрасива. Катулл оборвал свой перевод на 3-й строфе, а 4-ю добавил от себя, чтобы она резко переосмыслила и весь предыдущий текст. В латинской поэзии такие повороты лирического сюжета были не редкостью (таков знаменитый второй эпод Горация с лирическим содержанием и сатирическими кавычками в концовке), но поэтам и филологам нового времени такой ход был непривычен, поэтому еще с XVI в. (комментарий Ахилла Стация, 1566) стало высказываться мнение, что 4-я строфа Катулла — или ошибка редактора, присоединившего к законченному стихотворению посторонний отрывок (как в № 2b, 14b, 78b), или подделка перенписчика. Некоторые филологи держатся этого мнения до сих пор.

По тому же образцу Сапфо сделано описание связи души с телом у современника Катулла — Лукреция (III, 152—157, пер. Ф. А. Петровского):

...Если же дух потрясен сильнейшей тревогой, мы
видим,
Что и душа целиком то же самое чувствует в теле:
Пот выступает на нем, бледнеет вся кожа, немест
Оцепенелый язык, заплетается речь, застилает
Мраком глаза, звон в ушах, подкосились колени, и
видно
Часто нам, как человек от ужаса падает наземь...

⁸ *Голос теряю...*— Этот стих пропущен в рукописях Катулла и восстанавливается издателями по греческому тексту Сапфо.

⁻¹⁶ *Праздность, мой Катулл, для тебя зловредна...*— Общее место античной моралистики: ср. в латинской поэзии еще у Теренция, «Самоистязатель», 109: «Всему тому виною — праздность крайняя! В твой года я занят не любовью был...» и т. д., а потом — в тираде Овидия, «Лекарство от любви», 135—150: «Праздность рождает любовь и, родив, бережет и лелеет; Праздность — почва и корм для вожделенного зла...» и т. д. *Цари и грады*, погибшие от изнеженности, — Сарданапал, Крез, Александр в Вавилоне, сибариты в Сибарисе и пр. В каком соотношении находится содержание катулловой строфы и 5-й строфы Сапфо, от которой сохранилось лишь начало, указывающее на подобный же композиционный перелом, — мы не знаем.

52. «НА ВАТИНИЯ И НОНИЯ»

Ноний ближе неизвестен (Плиний Старший, XXXVII, 87, со ссылкой на это стихотворение упоминает, что сын его, сенатор, был казнен в 43 г. Антонием, желавшим присвоить себе его драгоценный опал, а внук его был консулом, по-видимому, в 35 г. н. э.). *П. Ватиний*, наоборот, был одним из самых заметных карьеристов-цезарианцев, против него произносили речи и Цицерон (в 56 г.) и Кальв (см. № 53),

он был квестором в 63 г. (и уже тогда клялся своим будущим консульством — Цицерон, «Против Ватиния», 6), трибуном в 59 г., получил, по-видимому, твердое обещание консульства при договоре триумвиров в Луке в 56 г., стал претором в 55 г. (перебив эту должность у Катона Младшего, что было большим политическим скандалом); к этому времени, вероятно, и относится стихотворение Катутла. Консульства он достиг, но только в 47 г. и только «сменного», на несколько дней; некоторые исследователи полагают, что Катутл дожил до этого времени и написал эту эпиграмму о реальном, а не предполагаемом консульстве Ватиния, по это маловероятно. Ватиний, как и Ноний, страдал зобом (Цицерон, «Против Ватиния», 39; «К Аттику», II, 9, 2), отсюда объединение двух имен.

53. «О ЛИЦИНИИ КАЛЬВЕ»

Похвала ораторскому таланту Кальва, как № 50 — похвала поэтическому таланту. О *Ватинии* ср. № 52 и примеч.; ср. также № 14, 3. Кальв выступал с речами против Ватиния не меньше трех раз — по-видимому, в 58 г. с обвинением в насилии против претора Меммия, будущего начальника Катутла в Вифинии; в 56 г., одновременно с Цицероном; в 54 г., с обвинением в подкупах при добывании претуры предыдущего года. Эти речи его пользовались наибольшей славой и читались еще через полтора года, при Таците («Разговор об ораторах», 21 и 34; «особенно вторая речь — она богата красивыми словами и мыслями и хорошо рассчитана на судейский слух»). Какая из этих речей дала повод для стихотворения Катутла, неизвестно. Концовочное «Ну и шиш...!» («Кальв был маленького роста, за что и Катутл в стихах называет его *salaputium disertum* — Сенека Старший, «Контroversии», VII, 4, 7) — перевод условный, соответствующее латинское слово (по-видимому, непростойное) болсе нигде не встречается.

54. <НА ЦЕЗАРЬАНЦЕВ И ЦЕЗАРЯ>

Текст стихотворения испорчен (после ст. 1 в рукописях повторяются строки № 50, 16—17), строки несвязаны. Может быть, перед нами незавершенный набросок или группа набросков; может быть, к ним же принадлежит не попавший в «Книгу Катутла Веронского» отрывок

И тебе не сбежать от наших ямбов,—

цитируемый со ссылкой на Катутла Порфирионом в комментариях к Горацию. Все упоминаемые лица ближе неизвестны, даже имена их восстанавливаются с сомнением; Цезарь «старается любой ценой войти в дружбу с людьми из самых низов», писал Цицерон («К близким», VIII, 4, 2). Судя по ст. 6—7 (с реминисценцией из № 29, 12), это стихотворение написано после № 29, т. е. в 55/54 г.

⁵ ...*в котле вареный дважды*.— Намек на миф о Мееде, которая таким колдовством вернула молодость Ясону отцу; видимо, значит: «молодящийся старик».

⁶ ...*ямбы*...— см. примеч. к № 40.

55+58b. <К КАМЕРНЮ>

Ст. 14—23 этого текста составляют в рукописях отдельный отрывок, расположенный после № 58, и перенесены сюда, между ст. 13 и 14 стихотворения № 55, предположительно. Главный признак единства текста — стихотворный размер: только здесь Катутл пользуется расшатапным, неравносложным фалексием (что передано и в переводе). Адресат стихотворения ближе неизвестен; тема его — лихорадочный поиск молодого человека по целому городу — не раз возникает в комедиях (Плавт, «Амфитрион», 1009 сл.; «Эпидик», 196 с.; Теренций, «Братья», 713 сл.). Маршрут поиска (ст. 3—6): с Малого Марсова поля на Целийском холме, через Большой Цирк («плутовскую» называет его публику Гораций, «Сатиры», I, 6, 113) к Тибру, потом к северу в центр города — форум с лавками (в том числе книжными) и храмом Юпитера Капитолийского

над форумом, и наконец, дальше в сторону Большого Марсова поля, где летом 55 г. Помпей открыл большой каменный театр с портиком, сразу ставшим модным местом. Мифологические сравнения (58b, 1—10) уподобляют героя медному великану Талу, трижды в день обегавшему весь Крит при царе Миносе (Платон, «Минос», 321; Аполлодор, 1, 9, 26); Ладу, знаменитому олимпийскому бегуну-победителю (Павсаний, III, 21, 1); Пегасу, крылатому коню; Персею в крылатых сандалиях; коням «биги» (колесницы) фракийского царя Реса, украденным Одиссеем и Диомедом («Илиада», VIII); и ветрам в мешке, подаренным Эолом Одиссею («Одиссея», X).

56. <К КАТОНУ>

Адресат — или Валерий Катон, поэт и грамматик, которого хвалили Тицида и Цинна и над которым посмеивался в стихах Фурий Бибакул (см. с. 146); или М. Порций Катон Младший, будущий герой гражданской войны против Цезаря, прославившийся самоубийством в Утике в 46 г., — при всей своей знаменитой строгости нрава он в быту отличался склонностью к неуклюжему юмору. В частности, на приятеля, отбившего у него невесту, Катон писал сатирические ямбы, «подражая едкости Архилоха» (Плутарх, «Катон Младший», 7). Стихотворение Катутла зачином своим тоже подражает зачину одного из фрагментов Архилоха (фр. 107 Д) (пер. В. В. Вересаева):

Эрасмонов сын, Харилай мой! Вещь тебе смешную,
Любимейший друг, расскажу я — вдоволь будет смеху!

57. <НА МАМУРРУ И ЦЕЗАРЯ>

Ср. № 29. «Цезарь не скрывал, что в стихках о Мамурре Катутл заклеил его вечным клеймом» (Светоний, «Юлий», 73) — может быть, с намеком на ст. 5. Здесь, в отличие от № 29, политическая тема прямо не затрагивается, а перечисляются лишь общие поро-

ки, в том числе и неудачливая «ученость» (ст. 7): Цезарь был автором сочинения по грамматике и любительских стихов, Мамурра тоже «лез на Парнас» (№ 105).

58. <К ЦЕЛНИЮ, О ПАДЕНИИ ЛЕСБИИ>

Обычно считается, что это стихотворение (как и № 11) относится к последнему разрыву Катулла и Лесбии; но, конечно, подобные приступы гиперболического отчаяния могли быть у него и раньше. Во всяком случае, ст. 3 перекликается с № 8, 5 и № 37, 12. Адресат стихотворения — может быть, веронский Целий, поверенный Катулла в № 100, а может быть, М. Целий Руф (82?—46), народный трибун 52 г., претор 48 г., видный молодой оратор и политик, сперва поборник сената, потом Цезаря, светский человек, славившийся мотовством и распущенностью, корреспондент и подзащитный Цицерона в процессе 56 г. Целий тоже был любовником Клодии, сам (по-видимому) с нею порвал, и она обвиняла его в попытке отравить ее. В этой речи Цицерона («За Целия», 38 и 49) и содержатся самые знаменитые цicerоновские характеристики Клодии и ее распутства.

59. <НА РУФУ>

Руфа — ближе неизвестна; прозвище «Руфа» означает «рыжая» — обычный предмет насмешки. Судя по упоминанию Бононии (Болонья), стихотворение относится к веронской поре жизни Катулла. Перевод непристойных ст. 1—2 дан условный. Побираться, таская еду, выставляемую на кладбищах душам мертвых («с костров смертных», ст. 3 — нарочитое преувеличение), считалось пределом нищенского падения.

60. <К НЕИЗВЕСТНОМУ ИЛИ НЕИЗВЕСТНОЙ>

Подлинник не дает возможности различить, обращено стихотворение к мужчине или женщине. Отрывочное стихотворение, перекликающееся с жалобами Ариадны в № 64, 154. Образец — Еврипид, «Медея», 1342—1343: «Ты львица, а не женщина! в тебе/Тир-

ренской Скиллы дикая порода...» *Скилла* (ст. 2) — чудовище, хватающее пловцов с проплывающих кораблей; у Гомера изображается исполинской женщиной с тремя туловищами и шестью руками («Одиссея», XII), но у поздних поэтов — женщиной с одним туловищем, опоясанным по бедрам песьими головами.

61. <ЭПИТАЛАМИЙ ВИННИ И МАНЛИЯ ТОРКВАТА>

Виния (в рукописи Юния) Аврункулея ближе неизвестна. Манлий, может быть, тождествен с Л. Манлием Торкватом, будущим претором 49 г., павшим в 47 г. в Африке на стороне помпеянцев против Цезаря; Цицерон высоко ценил его как оратора («Брут», 265) и вывел поборником эпикуреизма в диалоге «О предельном добре и зле», где, между прочим, упоминается и о его любви к поэзии (I, 72).

Римский брак был сложным обрядом. Основная часть его справлялась днем в присутствии жрецов и свидетелей: подписывался контракт о приданом, посаженная мать («пронуба») соединяла руки жениху и невесте, совершались установленные символические действия (при патрицианском браке новобрачные вкушали от полбренного хлеба и сидели на креслах, покрытых овчиной; при плебейском невеста была «продаваема» жениху за медную монету, которой ударяли о весы), приносились жертвы богам, а затем устраивался пир в доме отца невесты. С наступлением темноты начиналось шествие, провожавшее невесту в дом жениха, — с факелами (ст. 77, 98 и др.), флейтами (у Катутла не упоминаются), пеннем непристойных «фесценнинских песен» (ст. 126) и разбрасыванием орехов, символизирующих плодovitость (ст. 127). Невесту вели три мальчика-друзья, у которых оба родителя были в живых: один нес впереди факел (в этой роли Катутл представляет самого бога брака — Гименея, ст. 15), два других держали ее за руки (ст. 181—182), а перед домом жениха передавали ее посаженным матерям («добрым женщинам» — единомужницам, ст. 186). У дверей она натирала косяки жиром («лос-

нящаяся притолка», ст. 168) и переступала порог, не задевши, во избежание дурного знамения (ст. 166). Катулл сопровождает это описание римского обряда припевом «О Гимен, Гименей...» из песен, сопровождавших аналогичный греческий обряд.

Пять частей стихотворения — славословие богу Гименею (ст. 1—75), песня перед домом невесты (76—120), во время шествия (121—155), перед домом жениха (156—190) и перед порогом брачного покоя (191—235: «эпиталамий» в узком смысле слова). Ст. 80—83 и 112—114 не сохранились.

¹⁻² *...холма Геликонского/Житель...*— Гименей, бог брака, считался сыном одной из Муз (по Катуллу — Урании, ст. 2, может быть, по сходству с Венерой-Уранией; другие называют Каллиопу, Клио, Терпсихору), а обителью Муз была гора Геликон с источником Аганиппой, возвышавшаяся в Беотии (Аонии) близ города Феспий (ниже, ст. 27—30).

⁰⁻¹⁰ *Ты чело увенчай...*— Гименей изображается в женском свадебном уборе — венке, плаще, (точнее, фате желтого свадебного цвета) и сандалиях.

...ж фригийцу-судье...— К Парису, судившему спор трех богинь о красоте.

⁶⁶ *В руки... юноше...*— Здесь и ниже (ст. 66 «даст... детей») использованы юридические формулы римского брака, по которому жена поступает «под руку» (во власть) мужа «для произведения детей».

⁷² *...защитников...*— Воинами-легионерами могли быть только полноправные римские граждане, рожденные в браке, справленном по полному обряду.

⁸³ *Гиацинта встает цветок!*— Имеется в виду не современный гиацинт, принесенный с Востока только в средние века, а какая-то порода темного ириса или дельфиния: «гиацинтовыми» называет Гомер кудри Одиссея («Одиссея», VI, 231).

¹¹⁵ *Белой ножкою ложа.*— В отделке из слоновой кости. Ср. подобный же мотив во фрагменте Тициды (с. 145).

¹²⁸⁻¹²⁹ *И орехов пусть... даст наложник...*— «Мальчики-наложники ...покидая свою постыдную службу, раз-

- брасывали орехи, детскую свою забаву, словно в знак, что уже гнушаются ребячествами», — пишет Сервий (комментируя вергилиевские слова «муж, сыпь орехи». — Эклога 8, 30). Обычно на свадьбе, конечно, орехи разбрасывал сам жених: образ «наложника» вводит только Катулл.
- ¹³⁴ *Послужи-ка Таласию!* — «Таласию!» — ритуальный возглас на римских свадьбах, смысл которого был неясен уже в классическую эпоху; в частности, Таласий считался латинском богом брака, подобным Гименею.
- ^{136–137} *Ты вчера еще был безус/И селянками брего-вал...* — Подразумевается: «когда хозяин, выезжая на виллы, брал тебя с собою».
- ¹⁹⁴ *Словно белая лилия...* — Условный перевод названия неизвестного растения *parthenice* («девическое»). «Хотя мы под словом парфеника и отыскали русское название «стенник», но белый цвет этого растения, признаемся, нам незнаком; для нас довольно грации сравнения» (Фет).
- ^{206–208} *Тот песка африканского...* примеры несчетного множества, как в № 7.
- ²¹³ *...столь древний род...* — Манлии Торкваты были знатным патрицианским родом, гордившимся предками-героями еще с IV в. до н. э.
- ^{228–230} *Как от матери...* — Т. е. Телемах, сын Одиссея, обязан своим добрым именем не в последнюю очередь доброй славе Пенелопы, знаменитой верностью своему мужу.

62. «ЭПИТАЛАМИЙ — ИДИЛЛИЯ»

Это единственное стихотворение Катулла, сохранившееся не только в веронской рукописи и списках с нее, но и отдельно — в составе парижской «рукописи де Ту» (codex Thuaneus) IX в., антологии латинских лирических стихотворений. Изображается момент, когда пир в доме отца невесты уже кончен, а выход невесты к шествию происходит только в конце стихотворения. Промежуток занят переключкой хоров, в которой каждая пара реплик варьирует одну и ту же

тему; такие стилизации народных песен были разработаны Феокритом и другими александрийцами. Римских реалий в стихотворении нет, фон греческий, причем совершенно условный: предполагается, что горы Олимп (на севере Фессалии) и Эта (на юге Фессалии) стоят рядом (ст. 1, 7).

¹ *Веспер* — планета Венера как вечерняя звезда; как утренняя звезда («под названием другим», ст. 35) она называлась Фосфор.

²⁸ *Что порешили мужи...* — Т. е. брачный контракт заключается днем, а невеста жениху вручается вечером.

³³⁻³⁵ В несохранившихся строках, по-видимому, девушки говорили: «Ночной Веспер благоприятствует краже: вот и у нас похитили подругу»; юноши отвечают: «Да, Веспер приводит ночь, но он же под именем Фосфора приводит и день».

⁵³ *Ни садовод, ни пастих...* — Точнее: «Ни земледел, ни бычок...» — бычков впрягали в плуг, которым в виноградниках проводили борозды между лозами для стока воды.

⁶⁴ *Так против двоих не упорствуй...* — Греческая половица (восходящая к мифам о Геракле); переосмысление ее применительно к трем третям девства — причудливое новшество Катулла.

63. <АТТИС>

В мифологии *Аттис* — это имя любимца фригийской богини Кибелы (или Кивевы); центральным местом ее культа был город Пессинунт в глубине Малой Азии близ горы Диндимы (отсюда третье имя, «Диндимена», ст. 13, ср. 91), другим — гора Ида (ст. 30) в прибрежной Малой Азии близ Трои; эту Иду смешивали с другой Идой, на Крите, а Кибелу отождествляли с чтившейся на Крите Реей, матерью Зевса и других богов. Как богиня плодородия она чтилась экстатическими оргиями под звуки тимпанов (бубнов) и кимвалов (литавр), жрецы ее должны были вести аскетический образ жизни и обычно подвергали себя оскопленню архаическим каменным ножом. Эти жрецы

назывались галлами (ст. 12) по названию малоазийской реки (отсюда же название «галлиямба» — редкого стихотворного размера, которым написано это стихотворение), а предводитель их назывался Аттис. Судьба такого Аттиса и представлена в стихотворении Катуллы (может быть, по неизвестному эллинистическому образцу); возможно (но не более того), что толчок к нему дала Катуллу поездка в Малую Азию в 57—56 гг. Впрочем, культ Матери Богов был хорошо известен в Риме, пользовался официальным признанием с 204 г., в честь ее справлялись ежегодные Мегалесийские игры, процессии ее жрецов выразительно описывал Лукреций (II, 600—643).

⁸ *Аттис... сватила...*— До оскпления Катулл говорит об Аттисе в мужском роде, после оскпления — в женском (ср. ст. 27 «новоявленная жена»); именно как приметы женственности упоминаются «белоснежные руки».

...в загнутую дуду...— Духовые инструменты считались изобретением мифического фригийского сатира Марсия (а струнные — исконно греческими); обычно дудки («флейты», как часто неправильно переводят) делались из прямого камыша, но в изображениях встречаются и изогнутые.

²³ *Менады* — вакханки: экстатические культы Кибелы и Вакха (священным растением которого был плющ) имели много общего.

³⁶ *...без даров церериных...*— Не вкусив хлеба.

⁴³ *Пасифея* — харита, жена бога сна Гипноса.

⁵³ *...где снег не сходит...*— Преувеличение, снег на Иде лежит только зимой: ср. ст. 30, 70 «зеленой Иды».

⁶⁰ *Форум, стадий и палестра...*— Стадий (стадион) служил для упражнений в беге, палестра — в борьбе; гимнасий — двор с прилегающими постройками для телесных упражнений вообще. Они считались приметами истинной греческой культуры с ее заботой о теле — гимнасий был в каждом, даже самом маленьком, греческом городе. Аттис, как и Катулл и каждый античный человек, испытывает перед ди-

кой «негородской» природой не романтическое умиление, а ужас.

⁶⁶ *...цветов венками... украшен...*— Так украшали двери дома молодого человека его поклонники.

⁷⁶ *...львам своим Кибела...*— Кибела изображалась могучей женщиной в венце, похожем на башню, и на колеснице, запряженной львами.

⁹¹ *О Кибела...*— Такая же охлаждающая концовка, как бы берущая в кавычки весь пафос основной части стихотворения, как и в № 51. Если «Аттис» — переложение эллинистического стихотворения, то эта концовка и здесь могла быть прибавлена самим Катуллом.

64. «СВАДЬБА ПЕЛЕЯ И ФЕТИДЫ»

Стихотворение разрабатывает один из самых популярных греческих мифов. Свадьба смертного Пелея с богиней Фетидой (как и другой мифологический брак — Кадма с Гармонией), на которой гостями были сами боги, представлялась символом счастливого прошлого, когда люди и боги были близки. Об этой свадьбе упоминается и у Гомера («Илиада», XXIV, 61—63), и в фрагментах Гесиода, и у Пиндара (Пиф. 3); однако конкретный эллинистический образец, послуживший основой для Катуллы, неизвестен. Морской богине Фетиде было предсказано, что она родит сына, который будет сильнее своего отца; узнав это, Юпитер не решился соединиться с нею, а уступил ее (ст. 27) в жены смертному — аргонавту Пелею, и она родила ему Ахилла. Однако обычно рассказывалось, что брак Пелея с Фетидой предшествовал походу аргонавтов, справлялся на горе Пелионе, и кентавр Хирон предсказывал будущее Ахилла (так у Еврипида, «Ифигения в Авлиде», 1036—1074). Катулл переменил завязку, чтобы ввести важный для него мотив любви с первого взгляда между Пелеем и Фетидой.

Стихотворение построено по частой в эллинистических эпиллиях схеме — в рамку основного рассказа вставлен оттеняющий дополнительный; здесь это история брошенной Ариадны (тема, по тем же александ-

дрейским образцам популяризованная в Риме Овидием, «Героиды», 10; «Метаморфозы», VIII, 173—181; «Фасты», III, 459—516). План всего стихотворения — симметричный: вступление (1—30), смертные гости на свадьбе (31—49), изображение покрывала с вытканной историей Ариадны (50—266), божественные гости на свадьбе и вещая песня Парок (267—380), заключение (381—407). План вставной части тоже симметричный: в центре — жалобы брошенной Ариадны (124—201), перед этим — предыстория на Крите (76—123), после этого — предыстория в Афинах (202—248), в заключении — явление Диониса-Вакха для брака с Ариадной (251—264). Таким образом центр тяжести в обоих построениях единообразно смещен к концу (песня Парок, явление Вакха). Оба сюжета, обрамляющий и вставной, известны античному искусству; две росписи с изображением брошенной Ариадны найдены в Помпеях.

Древле корабль из сосны, на хребте Пелиона рожденной... — Реминисценция знаменитого начала «Медей» Еврипида, переложенной на латинский язык Энцием: «О, если бы дубравы пелионские/Под тополами сосен бы не рушили...» *Пелион* — гора в южной Фессалии, близ Пелеева царства, часто упоминаемая в мифах.

³ *В край, где Фасис течет...* — т. е. в Колхиду, царство Эета, сына Солнца и отца Медей. *Фасис* — ныне Риони.

⁸ *Им богиня сама...* — Афина-Поллада («Градодержлица»), наставница людей в мореходстве. Арго изображается здесь как первый в мире корабль (ср. ст. 11), хотя дальше оказывается, что Тесей уже плывал на кораблях к Миносу и от Миноса; это — непоследовательность мифологической хронологии, замеченная уже самими древними (Федр, IV, 7).

^{23a} Стих сохранился не полностью и дополнен Перлькампом.

^{28—30} *...дщери Нереея... внучку Тетфия и Океана...* — *Тетфия* и *Океан*, дети Неба и Земли, были родителями Нереея и старших морских нимф, Океанид; *Нерей* был,

- в свою очередь, родителем младших морских нимф, Нереид, в числе которых была Амфитрита, ставшая женой Посидона (выше, ст. 11 — в переносном значении «море»), и Фетида, героиня поэмы.
- ³⁷ *Все к Фарсалу сошлись...*— В греческих мифах столица Пелея не названа; Катулл помещает ее в крупнейший город южной Фессалии, где находилось древнее святилище Фетиды (Страбон, IX, 5, 6). Гости же к нему являются даже из северной Фессалии (Крапнон, Ларисса, Темпейская долина) и с острова Скироса, где потом будет воспитываться сын Пелея Ахилл.
- ³⁹ *Не прочищают лозы виноградной кривою мотыгой...*— В Италии виноградные лозы привязывали к деревьям или шестам, в Малой Азии давали им виться по земле, в Греции был в ходу и тот и другой способ; здесь Катулл указывает на второй.
- ⁴⁵ *Тронов белеется кость...*— Римская реалья: слоновой костью отделялись «журульные кресла» главных римских должностных лиц.
- ⁵² *...с пенношумного берега Дии...*— Дия — сказочный остров, положение которого неопределенно; в «Одиссее», XI, 325, говорится, что Ариадну убила Артемида «тихой стрелой, наущенная Вакхом, на острове Дии». Когда этот мрачный миф был вытеснен более радостным, кончавшимся свадьбой Ариадны и Вакха, то Дия стала отождествляться с Наксосом, местом древнего культа Диониса-Вакха (впервые — у Каллимаха); видимо этой традиции следует и Катулл.
- ⁷¹ *Эрицина* — римское прозвище Венеры (по ее сицилийскому храму в Эриксе).
...гортинские кровли.— Гортина — город на Крите близ главного Миносова города Кносса; поэтому «гортинский», как и «кносский» (ст. 172) значит «критский».
- ⁷⁶ *Город Кекропа...*— Афины (по имени древнейшего афинского царя, сына Земли).
...Андрогей убийство...— Андрогей, сын критского царя Миноса и брат Ариадны, был в Афинах на состязаниях, вышел победителем, был из зависти

- убит афинянами, и за это Минос заставил Афины каждый год посылать по семь юношей и девушек на съедение критскому чудовищу Минотавр.
- ⁸⁰ *...необширный измучился город...*— изящная ученая подробность: напоминание, что Афины стали большим городом только при Тесее (организовавшем «селение» из окрестностей), а до этого занимали лишь акрополь и были так слабы, что не выдержали осады Миноса.
- ⁸³ *Не хороня, хоронить...*— Т. е. оплакивать заживо: стилистический оборот, заимствованный из греческого языка.
- ⁸⁶ *Тотчас на гостя глядит...*— Пробуждение любви Ариадны к Тесею изображено по образцу пробуждения любви Медеи к Ясону в «Аргонавтике» Аполлония Родосского, кн. III.
- ⁸⁹ *...над струями Эвроты...*— В Спарте; мирт рос в этих местах (Павсаний, III, 22, 9), но в поэзии упоминался редко: мирт был мирным растением, а Спарта воинственной.
- ⁹⁵ *Мальчик святой, к печалям людским примешавший блаженство!*— Ср. 36, 3 (эпитет «святой») и 68, 18 (сладость и горечь любви).
...богиня, кому Италийские роцы подвластны!— Венеры, см. 36, 12.
- ¹⁰⁰ *...золота стала бледнее...*— Бледность смуглой кожи сравнивается с золотом, как ниже, № 81, 4.
- ¹¹⁸ *...сестры... матери...*— Матерью Ариадны была Пасифа, дочь Солнца, страдавшая противоестественной любовью к быку; сестрой — Федра, будущая жена Тесея, погибшая от несчастной любви к своему пасынку Ипполиту. Эти мотивы, при всей беглости упоминания, тоже вписываются в картину, рисуемую Катуллом.
- ¹⁴³ *Женщина пусть ни одна не верит клятвам мужчины...*— Этот стих буквально цитируется Ариадной в «Фастах» Овидия, III, 475, где она, заподозрив в измене уже и Вакха, восклицает: «Женщина пусть ни одна,— вновь крикну,— не верит мужчинам!»
- ¹⁵⁸ *...и потерять скорей не решила ли брата...*— Чудовищного Минотавра, для борьбы с которым Ариад-

- па дала Тесею спасительную нить (ст. 113; ср. ст. 181). Здесь вновь присутствуют ассоциации с судьбой Медеи, которая, спасая Ясона от погони, убила своего брата Абсирта, но потом все же была брошена Ясоном.
- ¹⁵⁴ *Львица какая тебя родила...*— Ср. № 60 и примеч. о реминисценции из той же еврипидовской «Меден».
- ¹⁵⁶ *Сиртами ль ты порожден...*— Сирты — опасное мелководье у песчаных берегов Ливии; упомянуты в параллель Харибде, символизирующей морскую глубину.
- ⁵⁹ *...отца старика... суровых укоров...*— Неожиданное сближение трагического образа Эгея с комедийным образом старика-отца, всегда недовольного сыном.
- ¹⁷² *...гнозийских [кносских] берегов не касались Некроповы кормы...*— См. выше примеч. к ст. 75—76.
- ¹⁷⁸ *...к Идейским горам...*— Т. е. на родной Крит (о критской горе Иде см. примеч. к № 63).
- ²⁰⁴ *...живнул головою...*— Знаменитый жест Зевса из «Илиады», I, 528.
- ²¹¹ *...Эреффейскую пристань.*— Афинскую, по имени древнего царя Эреффея, прадеда Эгея (ср. ниже ст. 229).
- ²¹⁶ *Ты, возвращенный едва...*— Тесей родился и вырос на чужбине, а к Эгею в Афины пришел лишь незадолго до описываемых событий: характерный для Кагулла чувствительный мотив.
- ²²² *Благоприятной судьбы... знаки...*— т. е. белые паруса.
- ²²⁷ *...либерской своей чернотой...*— «Черноватый пурпур» по словам Сервия (комментарий к «Энеиде», IX, 582), выделявавшийся в Испании с помощью ржавчины местного железа.
- ²²⁸ *...Та, что в свягом обитает Игоне...*— Афина: так назывались город в Беотии и гора в южной Фессалии (место свадьбы Пелея и Фетиды!), оба со святынями Афины.
А с крепостной высоты...— С афинского акрополя; по другому преданию, Эгей бросился в море с южного аттического мыса Суння.

- ²⁵¹ *Иакх* — одно из имен Вакха-Диониса (в мистическом культе Элевсинской троицы — Цереры, Прозерпины и Иакха).
...на Нисе рожденных... — Ниса — сказочная гора где-то на Востоке, на которой младенец Вакх был воспитан Спленом.
- ²⁵⁶ *Тирсы одни потрясали...* — Тирс, виноградный прут с шишкой на конце, был непременной принадлежностью культа Вакха.
- ²⁵⁹ *Таинства знаки несли, в плетеных скрывах из кошицах...* — По обряду элевсинских мистерий, см. примеч. к ст. 251.
...из варварских дудок. — Дудки (флейты) считались фригийским изобретением, ср. № 63, 22.
- ²⁸² *Фавон* — латинское имя Зефира, западного ветра (см. примеч. к № 46).
- ²⁸⁵ *Пеней* — одна из крупнейших греческих рек, протекающая в Фессалии по Темпейской долине (см. примеч. к ст. 37).
- ²⁸⁷ ...*сестер Мнемонид...* — Муз, дочерей Мнемосины, богини памяти; одним из их обиталищ была Пнерия, область к северу от Пенея. Текст испорчен, перевод по конъектуре Гейнзиуса.
- ²⁹⁰ ...*сестру Фазгона...* — Т. е. тополь; сестры-Гелнады, плакавшие о своем брате Фазтоне, упавшем с солнечной колесницы, были обращены в тополя (Овидий, «Метаморфозы», II).
- ²⁹⁴ *Прометей* — главный виновник свадьбы Пелея и Фетиды: это он открыл пророчество, что Фетида родит сына сильнее, чем отец. «Умом истощенный» — приблизительная этимология его имени. «Легкие знаки... кары» — рубцы от цепей и орлиного клюва: может быть, также вделанный в перстень кусок скалы, где он страдал (Плиний Старший, XXXVII, 2).
- ³⁰⁰ *С единокровной сестрой...* — Артемидой; в Идре (Идриаде в Карию) она чтилась в образе подземной Гекаты. У Гомера, «Илиада», XXIV, 62, Аполлон присутствует на свадьбе Пелея и поет песню под звуки лиры; откуда у Катюлла (или его источни-

- ка) мотив «презрения» к Пелею, неясно: может быть, Аполлон, будущий заступник Трои и враг Ахилла, переносит эту вражду и на его отца?
- ³¹⁴ *...веретено... с подвешенным диском...*— Этот диск на нижнем конце веретена своею тяжестью придавал ему лишнюю энергию вращения.
- ³²³ *Ты, о Эматии столп...*— Эматия — поэтическое название Македонии, но здесь оно по смежности перенесено на Пелееву Фессаллию.
- ³³⁹ *Враг не спину его, но храбрую грудь лишь увидит...*— Реминисценция из «Илиады», XIII, 289—290, о Мерионе: «Верно, не в выю тебе, не в хребет бы оружие пало:/Грудью б ты встретил копье...»
- ³⁴⁴ *...тевкрская кровь...*— Тевкры (и, ниже, ст. 367, «дарданяне») — поэтическое название троянцев.
- ³⁴⁵ *Пелопа коварного третий наследник* — Агамемнон: или по смене поколений Пелоп — Плисфен — Атрей — Агамемнон (не общепринятый вариант), или по смене власти Пелоп — Атрей — Фиест — Агамемнон (так у Гомера, «Илиада», II, 105 сл.). Пелоп-родоначальник назван «коварным» за то, что он убил колесничего Миртила, помогшего ему прийти к власти, и за это был проклят со своими потомками.
- ³⁵⁷ *Скамандр* — река под Троей; битва на ее берегах описывается в «Илиаде», XXI.
...та обреченная смерти добыча...— Поликсена, дочь Приама, после победы греков принесенная в жертву над могилой Ахилла.
Цепи Нептуна...— Стены Трои, сложенные когда-то Нептуном (и Аполлоном) по приказу Юпитера.
- ³⁷⁷ *Шею ее окружить вчерашнею ниткой не сможет...*— Поверье, что при потере девственности шея толстее, известно у разных народов, но в латинской поэзии с достаточной внятностью больше не выражено нигде.
Вел восклицавших тиад...— Тиады — то же, что и вакханки: экстагические спутницы Либера (италийское имя Вакха).

⁻³⁹⁵ Считалось, что в священном Аполлоновом городе Дельфах Аполлон обитает только летом, а зимою на его место торжественно вселяется Вакх. *Маворс* — Марс (архаическая форма имени), *Тритона-ручья богиня* — Афина-Минерва (одно из объяснений ее не совсем ясного прозвища «Тритоненпя»), *дева Рамнунта* — Немезида (по ее храму в аттическом городе).

65. «ГОРТЕНЗИЮ (Г)ОРТАЛУ»

Сопроводительное послание при переводе из Каллимаха (Баттиада, ст. 16, — т. е. потомка Батта, легендарного основателя Кирены, откуда был родом Каллимах, — ср. № 7) — по-видимому, при № 66. Адресат — знаменитый римский оратор, консул 69 г., старший современник и соперник Цицерона, сам писавший стихи (о которых Катулл в № 95 отзывается весьма нелестно). В подлиннике стихотворение представляет собой один длиннейший синтаксический период — может быть, имитируя ораторский стиль адресата. Написано, по-видимому, одновременно с № 68, где тоже говорится о смерти брата в Троаде («на плоском побережье Ретей», ст. 7).

⁶ *...Леты... волна...* — Лета, река забвения в подземном мире, в таком качестве впервые упоминается в греческой литературе у Платона («Государство», 621с), в римской — здесь.

¹³ *Давлия* (по названию местности в средней Греции) — Филомела, обращенная в соловья и плачущая о своем убитом племяннике Итисе. Отец Итиса Терей изнасиловал Филомелу и вырезал ей язык; за это Филомела и сестра ее, жена Теря, убили Итиса и накормили Теря мясом сына.

²⁰ *Яблоко...* — обычный в Греции знак объяснения в любви. Здесь это намек на стихи Каллимаха об Аконтии и Кидиппе (из сборника «Причины»): влюбленный Аконтий послал равнодушной Кидиппе яблоко с надписью «Клянусь выйти за Аконтия», она прочла ее вслух, и эти слова оказались ее клятвой и т. д.

- (44) ...перелетает быстрый потомок (?) Фии [Солнце?
Борей?]
- 45 Бычий рожон матери твоей Арсиноя, а через
Афон плыли гибельные ладьи мидян.
Что в силах мы, косы, ежели даже такие горы
Уступают железу? Да сгинет халибский род:
Злой посев выведши из земли, показал он
первым
[Миру], и научил [людей] млатному ремеслу.
Тосковали по мне, по новоотрезанной, кудри-
сестры;
Но мигом знамый родич эфиопского Мемнона,
[Зефир],
Закружив, устремил быстрые свои крылья, —
Женственный ветер, конь опоясанной фиалками
Локрийской Афродиты [Арсиноя],
- 55 И схватил меня дыханием, и сквозь влажный
унесши воздух,
Возложил меня на лоно Киприды.
Эта сама Зефирийская [Арсиноя] его к этой цели
[Избрала], канопских насельница берегов,
Чтобы не только невестины, Миноидны
[Ариаднивы]
- 60 [Волосы лучили свой свет] на людей;
Но чтобы меж многих числилась светочей
И я, Береникина прекрасная коса,
Водами омытую [Океана], к бессмертным
всходящую,
Вместила меня Киприда, новую между старых
звезд..
- (67)...Поспешая в осенний Океан,...
- (75)...Но все это не столько мне приносит радости,
сколько
Горя во мне, что уж не коснусь я той головы,
Из которой в девичестве много пила я ароматов,
А в супружестве уже не отвсдаю мира.

⁶ *Тривия* — Луна (см. примеч. к № 34, 15), влюбленная в прекрасного пастуха Эндимиона; когда она сходит к нему на карийскую гору Латм, происходят новолуния и лунные затмения.

- ¹² *В край ассирийский...*— Т. е. сирийский (частое в античности отождествление): в Сирии находилась Антиохия, столица Селевка Азиатского.
- ²⁷ *Подвиг забыла ли ты...*— Отец Береники хотел выдать ее за Птолемея III, а мать — за Деметрия, брата македонского царя. Деметрий приехал в Кирену, но был принят недоброжелательно и вскоре убит по обвинению в прелюбодеянии с царицей-матерью. Каллимах и Катулл считают, что в заговоре против него участвовала и Береника.
- ⁴³ *...из холмов высочайший...*— Гора Афон на фракийском берегу; Ксеркс, царь персов («мидян»), в своем походе на Грецию в 480 г. не пожелал обходить флот вокруг его опасных скал и прорыл канал через перешеек между Афоном и материком.
- ⁴⁴ *...Фии блистающий сын* — Гелиос — Солнце.
- ⁴⁸ *...племя халибов...*— Народ в железорудном Закавказье, иногда считавшийся изобретателем обработки железа (наряду с мифическими киклопами и дактилями).
...плакали сестры...— Другие кудри, оставшиеся на голове Береники.
- ⁵³⁻⁵⁴ *Единородец слетел...*— Темное место. Почему обожествленная Арсиноя названа «Локрийской», не известно; может быть, по совпадению названий «Зефирия» — ее храма близ Канопы к востоку от Александрии (ст. 58) и «Зефирия» — мыса возле города Локров в Южной Италии. Братьями Мемнона (сыновьями Зари) были, между прочим, ветры всех сторон света, и один из них, западный Зефир, мог считаться «служгой» (ст. 58) Арсиной по имени ее храма Зефирия; но с конями ветры обычно не отождествлялись.
- ^{55, 58} *Венера и Зефирита* — та же Арсиноя («Афродита Зефирская»).
- ⁶⁸ *Долгий в Закате своем...*— Боот (Волопас) назван так еще у Гомера («Одиссея», V, 272): это созвездие, вытянутое полосой от горизонта к полюсу, опускается за горизонт в течение четырех часов (по счету Арата и Евдокса).

- ⁶⁹ ...стоны попирают бессмертных... — Богов, живущих выше звезд.
- ⁷⁰ *Тетфия* — океад, окружающий землю (точнее — сестра и жена бога Океана, см. № 64, 29).
Рамнунтская Дева — Немезида (см. примеч. к № 64, 394): она может наказать говорящую косу за то, что та ставит человеческую приязнь выше небесного удела.
- ⁷⁹ *Вы, кого сочетать...* — Логика перехода от эпической части к просительной: «в девичестве Береники я мало получала умащений, а в замужестве ее не успела ими насытиться; поэтому пусть новобрачные принесут мне в жертву именно благоволия». В Греции замужние женщины душились сильнее и обильнее, чем девушки. *Оникс* (ст. 82) считался таким камнем, в сосудах из которого благоволия долго не портились (Плиний Старший, XXXVI, 60).
- ⁹⁴ *Хоть бы горел Водолей там, где горит Орион!* — Водолей и Орион — созвездия на противоположных сторонах неба; смысл: «и пусть тогда хоть все смешается в небесах».

67. <РАЗГОВОР С ДВЕРЬЮ>

Разговор, полный не совсем понятных намеков на местные веронские сплетни. Ранее сочинение Катуллы. Дом, с дверью которого разговаривает поэт, принадлежал старому Бальбу, потом его наследнику Цецилию; этот женился на молодой вдове из соседней Бриксии — хоть и вдова, она выдавала себя за девственницу, потому что ее первый муж был бессилен, но на самом деле она была в Бриксии любовницей собственного тестя и трех других мужчин. Это обличительное содержание вложено в форму, напоминающую «песни под дверью» возлюбленной, пародические образцы которых встречаются еще у Аристофана (а в Риме у Плавта) и которые через александрийскую поэзию перешли в римскую элегию (Проперций, I, 16; Овидий, I, 6); такое несоответствие формы и содержания должно было восприниматься комически.

- ²² *Бриксия, что у пяты Кикновой башни лежит.* — Бриксия — нынешняя Брешия в 70 км к западу от Вероны, город галлов-ценоманов; о том, что Верона была основана его выходцами (ст. 34), не упоминается более нигде. «Кикнова башня» (текст испорчен, перевод условен) — место неизвестное. Упоминаемая далее *Мелла* (ст. 33) — приток По недалеко от Бриксии.
- ⁴⁷ *...в делах о брюхатости ложной...* — т. е. он пользовался такой славой развратника, что женщины притворялись беременными, чтобы потребовать его к ответу и получить отступного (?).

68. (К АЛЛИЮ)

Одно из самых сложных стихотворений Катутлла. Оно состоит из трех частей (ст. 1—40, 41—148 и 149—160): вторая — это элегия в честь Аллия, друга Катутлла, написанная по его просьбе; первая — посвятельное послание при ней (как № 65 при № 66), третья — краткое послесловие. Таким образом, общее построение стихотворения — концентрическое; построение центральной элегии — тоже концентрическое: в воспоминание о своей любви (51—148) вставлено сравнение возлюбленной с Лаодамией (73—130), в него — отступление о Трое (87—104), а в него — плач о смерти брата (91—100). Аллий, адресат элегии — лицо неизвестное; имя его в рукописях настолько испорчено, что многие исследователи считают ст. 1—40 и ст. 41—160 двумя стихотворениями к разным лицам, «Малию» (или Манлию, иногда произвольно отождествляемому с адресатом № 6) и «Аллию». Ситуация, изображенная в стихотворении, по-видимому, такова. Когда-то у Аллия были в Риме дом и любовница; Катутлл в нее влюбился, добрый друг поделился с ним (ст. 68), и они некоторое время наслаждались любовью втроем (точный смысл слов «общая любовь», *communis amor* в ст. 69). Потом Катутлл уехал в Верону (ст. 28), красавица ушла от Аллия (ст. 5—6), и он просит Катутлла вернуться, чтобы вновь наладить их отношения; (ст. 10, 28—

30); а Катулл отвечает, что тоска о брате мешает ему вернуться, и желает другу с подругой примирения и счастья (ст. 155—160). Такое понимание (см.: *Horvath I. K. Chronologica Catulliana. — Acta Antiqua. Budapest, 8, 1690, с небольшими вариантами*) не является общепринятым: большинство ученых под впечатлением восторженных слов Катулла о своей подруге (ст. 70—72, 159—160), отождествляют ее с Лесбией, но все опирающиеся на это интерпретации заводят в непреодолимые сложности.

⁵ *...святая Венера...*— В этом эпитете (*sancta* от *sancire*, ср. № 36, 3) есть значение «утверждать, санкционировать, освящать»: она для Катулла — богиня прочного любовного союза.

...Муз и Венеры даров.— Т. е. стихов и услуги в любви; или (как предпочитали понимать прежние комментаторы) «стихов о любви». Эти две просьбы упоминаются и ниже, ст. 39.

...когда получил я белую тогу...— Белую тогу взрослого вместо окаймленной тоги подростка римляне надевали при совершеннолети, ок. 16 лет.

Вдоволь знавал я забав...— Это слово означало (*lusus*) не только любовь, но и сочинение стихов (ср. примеч. к ст. 10); именно оно имеется в виду ниже, ст. 26.

¹⁸ *Та, что умеет беде сладости горькой придать...*— Венера (ниже, ст. 51, названная «двойственной»): парадоксальные определения такого рода восходят к Феогниду (1353: «Горечь и сладость в любви, и приманка в ней есть, и суровость...»). Попутно это намекает на чтимого Катуллом Каллимаха, чьи эпиграммы Мелеагр (вступление к «Венку», 52) называет «сладостно-горестный мед».

...дом погребен.— Т. е. брат не оставил наследников, а Катулл еще не женат. Стих повторен ниже, ст. 94.

...и книг здесь мало с собою...— Жалоба, характерная для «ученого поэта», который должен вдохновляться образцами и сверяться с ними; потом ее повторит Овидий в стихах из изгнания («Скорбные элегии»,

III, 14, 37). «Упаковки», в которых Катулл хранит книги (ст. 36), — это круглые футляры, вмещающие по несколько свитков (обычно — несколько «книг» одного сочинения).

...*богини*... — Музы, обращение к которым было обещано в ст. 10.

Амагусия — Венера — Киприда по названию города Амафунта на посвященном ей Кипре (упоминается в № 36, 14).

⁵³ *Был я тогда распален подобно скале тринакрийской*... — Имеется в виду огнедышащая Этна (Тринакрия — мифологическое название Сицилии).

⁵⁴ *Малийский поток* — горячие источники в средней Греции, давшие название ущелью Фермопил («Горячим воротам»).

⁵⁷⁻⁶² *Словно прозрачный ручей*... — Развернутое сравнение по образцу Гомера («Илиада», IX, 14—15) и Феокрита (7, 76: «Дафнис же плакал, как снег, лежащий на Гема вершинах...») и т. д.).

...*Поллуксу и Кастору*... — Эти братья — Диоскуры считались покровителями мореплавателей: ср. № 4, 27.

⁷³ *Лаодамия вошла*... — Лаодамия была женой Протесилая, первого из греков, павшего под Троей: «в Филаке он и супругу, с душою растерзанной, бросил, / Бросил и дом полуконченный...» («Илиада», II, 700—701). Из этих слов Гомера развивается (в классической форме — у Еврипида в несохранившейся трагедии «Лаодамия») миф о том, что павший Протесилай и Лаодамия так тосковали друг о друге, что она спала с его восковой статуей, а он воротился к ней на одну ночь из царства мертвых, после чего, по-видимому, Лаодамия тоже умерла. Этот миф был популярен у александрийцев, и еще Левий (начало I в. до н. э.) переложил его по-латыни в лирическом размере под заглавием «Протесилаодамия» (сохранилось 7 малопонятных фрагментов). Катулл представляет эту романтическую часть мифа ассоциациям читателей, а сам ограничивается гомеровским мотивом и мотивом гнева богов (за то, что Протесилай и Лаодамия от избытка страсти справили брак

- раньше, чем брачный покой был достроен и освящен жертвоприношением).
- ¹⁰⁹ *Килленский Феней* — город в Аркадии, где показывали две глубокие расселины в земле, сделанные будто бы Гераклом («недоподлинный амфитрионов сын»), ст. 111—112: он совершал избивание чудовищных медных птиц в соседнем Стимфале — один из 12 подвигов, за которые он был принят в сонм богов и стал супругом Гебы, ст. 115—116), чтобы дать отток реке, затоплявшей Феней (Павсаний, VIII, 14). *...любви твоей глубь...* — Обращение к Лаодамии; о ней же далее, ст. 129—130.
Не уступала ты ей... — Обращение к подруге; она представляется подобной Венере (ср. «богиня моя» в ст. 70) с ее спутником Купидоном в желтой тунике (точнее, шафранной: цвет свадебной одежды, ср. № 61, 10).
- ^{142—143} *Впрочем, людям ни в чем...* — Текст не совсем ясен, многие издатели предполагают здесь лакуну. По-видимому, Катулл обращается к самому себе (как в № 8 и др.), убеждая себя — и, косвенно, Аллия — не пенять на измены подруги, как комедийный отец, блюститель нравственности.
- ¹⁴⁸ *...камнем белее других.* — Ученый намек (ср. № 107, 6) на фракийский обычай отмечать счастливые дни белыми, а несчастливые черными камешками (Плиний Старший, VII, 131).
- ¹⁵⁷ *...тот, мне давший пристанище первым...* — очень испорченное место, перевод по общему смыслу; имя неожиданно появляющегося персонажа, ни его роль в романе Катулла, Аллия и их подруги не ясны.

69. <НА РУФА>

Адресата большинство комментаторов отождествляло с М. Целием Руфом, подзащитным Цицерона, любовником Лесбии, к которому, по-видимому, обращена ревнивая эпиграмма № 77 (и, может быть, № 73) и доверчивая № 58. Правда, Целий был модным красавцем, щеголем и сердцеедом, так что описание

Катулла с его образом не вяжется,— но в этом, вероятно, и был комизм. Попрек козлиным запахом был расхожей бранью — ср. Гораций, эпод 12, 5. Развитие этой эпиграммы — в № 71.

70. <О ЖЕНСКИХ КЛЯТВАХ>

Видимо, относится к Лесбии, так как ст. 2 (с традиционным образом любовных клятв — ср. Плавт, «Касина», 302: «А я сказал: пускай Юпитер просит сам— / Не уступлю жену!..») переключается с посвященной ей эпиграммой № 72. Концовка — от греческого разговорного выражения; ср. еще у Софокла, фр. 741: «Я на воде черчу все клятвы женские!..»

71. <НА НЕИЗВЕСТНОГО>

Это как бы вторая, более заостренная редакция эпиграммы № 69 на Руфа. Комментаторы, настаивающие, что этот Руф — Целий, любовник Лесбии, предполагают соответственно, что эпиграмма обращена к Метеллу, постылому мужу Лесбии, отравленному ею (?) в 59 г.

72. <К ЛЕСБИИ, О ЛЮБВИ И УВАЖЕНИИ>

Ср. № 75. «Любовь» и «уважение» — условный перевод ключевых для Катулла понятий *amare* и *bene velle* (см. выше, с. 201). «Не предпочтешь даже Юпитера мне» (ст. 2) — переключка с № 70, 2. «Любить только одного» — перифраза известного эпитета замужних женщин: «едининомужница».

73. <О НЕБЛАГОДАРНОМ>

Адресат неизвестен; отождествления (с Альфеном из № 30; с Руфом из № 77) вполне произвольны. «Интонация — опять феогнидовская»: практически-нравственная дидактика (Р. Эллис).

74. <НА ГЕЛЛИЯ>

Этот Геллий предположительно отождествляется с Л. Геллием Попликолой, будущим консулом 36 г. до н. э. Его отец, тоже Л. Попликола, консул 72 и цензор 70 г., развелся с его матерью Поллой (которая потом

76. <ОБ ИСЦЕЛЕНИИ ОТ ЛЮБВИ>

По-видимому, это стихотворение подводит итог роману Катуллы с Лесбией, хотя имя ее не названо; начальные слова *bene facta* (добрые дела) перекликаются с ключевым понятием № 72 и 75 *bene velle* («уважать», «благоволить»). Элегия имеет двухчастное строение: ст. 1—16 с обращением к себе (как в № 8; «крепись...»), ст. 17—26 с обращением к богам (как в № 36); мысль постепенно движется от прошлого (1—8) к настоящему (9—16) и будущему (17—26). Центральная сентенция «Долгую трудно любовь покончить внезапным разрывом...» (ст. 13), при всей ее серьезности у Катуллы, восходит к греческой комедии: ср. Менандр, фр. 228 (262): «...Нелегкий труд — /В единый день изгнать безумье долгое!» и анонимный фр. 276 К.: «...Нелегкий труд — /Избыть так быстро близость застарелую!»

77. <К РУФУ, О ЕГО НЕБЛАГОДАРНОСТИ>

Адресат обычно отождествляется с оратором М. Целием Руфом, подзащитным Цицерона в процессе 56 г. против Клодии; так как Целий, подобно Катуллу, был в числе любовников Клодии, то это достаточно правдоподобно (ср. № 58 и безымянную № 73). Однако это лишь гипотеза: прямых указаний на любовное соперничество в эпиграмме нет. Менее вероятно, что этот Руф тождествен с носителем козлиного запаха в № 69.

78. <НА ГАЛЛА>

Адресат ближе неизвестен. В рукописи эта эпиграмма записана слитно с последующим отрывком.

78b. <ОТРЫВОК>

За № 78 в рукописях следует отрывок неизвестной эпиграммы:

Только жалею о том, что чистые чистой девпцы

Ты испоганил уста грязной своею слюной.

Но от расплаты тебе не уйти: для всех поколений

Скажет старушка молва, кто ты такой и каков.

Различные комментаторы предлагали считать его концовкой № 77, или 79, или 80, или 91; но ни одна из этих комбинаций не убедительна.

79. «НА ЛЕСБИЯ»

Если Лесбия — это Клодия, то Лесбий — это, несомненно, брат ее П. Клодий Пульхр, трибун 58 г., знаменитый враг Цицерона; «Пульхр» буквально значит «красавец», отсюда это слово в ст. 1 и 3. В Риме ходили упорные слухи, будто он состоит в кровосмесительной связи с сестрой (Цицерон, «За Целия», 32, 36, 78 и др.), отсюда этот намек в ст. 1—2. Концовка эпиграммы, однако не совсем ясна.

80. «НА ГЕЛЛИЯ»

См. № 74. Примыкает к циклу инвектив № 74, 88—91, 116; главным мотивом перекликается с № 59 и 97—98. «Полдневный сон» (ст. 4) — сиеста на время полуденного зноя; счет часов в Риме начинался с рассвета, полдень приходился на 6 часов, сон до 8 часов считался изнеженно долгим.

81. «К ЮВЕНЦИУ, С РЕВНОСТЬЮ»

Некоторые комментаторы произвольно отождествляют соперника с Аврелием, адресатом № 15 и 21 (натянутая игра слов *Aurelius — inaugurata* «раззолоченная»).

³ *Пизавра* — город в Умбрии; он не имел гавани и поэтому мог слыть «сонным» (точнее, «мертвецким», *moribunda* — намек на нездоровый климат?).

⁴ ...с *раззолоченной главой!* — Позолоченные статуи ставились в Риме с 181 г. до н. э. в большом количестве; золото сравнивается с бледностью, как в № 64, 100 (см. примеч.)

82. «К КВИНТИУ»

Адресат, по-видимому, тождественен с веронским Квинтием из № 100, а женщина, за которую они спорят, — с Ауфиленой (№ 100, 110—111), хотя старые комментаторы охотно видели в ней Лесбию.

83. <НА МУЖА ЛЕСБИИ>

Если Лесбия — это Клодия, то муж ее — Кв. Метелл Целер, претор 63 г., наместник Предальпийской Галлии в 62 г., консул 60 г., умерший в 59 г. (ходили слухи, что он отравлен Клодией); стало быть, эпиграмма написана до 59 г. Впрочем, под словом *vir* мог подразумеваться и не муж, а постоянный любовник («Лесбия часто меня при своем мужчине порочит...»). В последнем стихе перевод сделан по конъектуре Липсия *coquitur*; при обычном чтении *loquitur* будет «...так и горит и ворчит».

84. <НА АРРИЯ>

Видимо, имеется в виду Кв. Аррий, второстепенный оратор «из подручных Красса», упоминаемый Цицероном («Брут», 242). «В Сирию послан он был» (ст. 7), вероятно, в походе Красса на Парфию, начавшемся осенью 55 г. Осмеиваемая манера произношения развивалась в латинском языке в I в. до н. э. (отчасти под греческим влиянием), была предметом живых обсуждений (Варрон, Цезарь, Цицерон) и обычно считалась вульгарной («постоянное придыхание делает речь простонародной» — Нигидий Фигул у Геллия, XIII, 6). Катулл именно на то и намекает, что речь Аррия выдает его простонародное происхождение, по крайней мере, по материнской линии («вольноотпущенник дядя», ст. 5). *Commoda* значит «выгоды» (в частности, займы), *insidiarum* — «козни»; Квинтилиан подтверждает (I, 5, 20 — конец I в. н. э.), что с придыханием произносились даже такие слова, как *corona*, *centurio* и *praeco*, «как это до сих пор можно видеть в надписях; об этом написана известная эпиграмма Катулла».

85. <О ЛЮБВИ И НЕНАВИСТИ>

По сходству мысли с № 72 и 75 считается, что относится к Лесбии; заключительный образ (*excrucior*) перекликается с № 76, 10. Не поддается переводу игра глагольных форм, объединяющих вопрос и ответ: «...ты спросишь, почему я это *делаю*? Не знаю, но что со мною *делается*, я чувствую...» В греческой поэзии

основной образ этого двустишия впервые появляется у легкомысленного Анакреонта (фр. 79: «Люблю и не люблю тебя, / И буйствую и не буйствую...»), а потом становится предметом обсуждения у философов («чрезмерная любовь, говорит Теофраст, часто бывает причиною возникновения ненависти», — Плутарх, «Катон Старший», 37) и из греческой комедии попадает к Теренцию («Евнух», 72: «и тошно, и любовь горит»). Из русских переводов этого непереводаемого по краткости парадокса (*odi et amo* = «ненавижу и люблю»), кроме приведенных в «Дополнениях», заслуживают внимания еще два перевода:

И ненавижу тебя и люблю. — Почему же? — ты
спросишь.

Сам я не знаю, но так чувствую я — и томлюсь.

(Ф. А. Петровский)

И ненавижу ее и люблю. Это чувство двойное.

Боги, зачем я люблю? и ненавижу зачем!

(Я. Э. Голосовкер)

Первый интересен тем, что в нем подставлено слово «тебя» вместо обычного «ее» (что вполне возможно), второй — смелостью, с какой видоизменена «рассудочная» часть стихотворения, не соответствующая романтическому представлению о Катутле.

86. (НА КВИНТИЮ)

Квинтия, которую сравнивали с Лесбией, ближе неизвестна (сестра веронского Квинтия, № 82 и 100?). Темой женской красоты стихотворение пересекается с № 43; здесь она заостряется и терминологически (что не поддается переводу) — обсуждается новое в латинском языке слово *formosa*, которое для Катутлы охватывает не только прежнее *pulchra* «красивая», но и *venusta* «обаятельная». Ср. Сепека, «Письма к Луцилию», 33, 5: «не та красива, у которой хвалят руку или ногу, а та, у кого весь облик не позволит восхищаться отдельными чертами» (пер. С. А. Ошерова); Петроний, фр. 31:

Мало иметь красоту; не пошлым женщина видом
Полюбовавшись в себе, может мечтать про успех.
Шутки, изящная речь, улыбки, остроты, игривость
Часто бывают сильнее, чем чистота естества.
Только там красота, где что-то в ней есть от искусства;
Если же воля слаба, то обаянью конец.

87. <О ЛЕСБИИ>

В подлиннике стихотворение говорит о Лесбии не во втором, а в третьем лице; от этого строгий параллелизм эпиграммы (ослабленный в переводе) выступает еще четче. Конъектура «ты любима», по которой переведено стихотворение, введена была Скалигером, чтобы связать его с № 75, которое он считал оторвавшейся его концовкой.

88—90. <НА ГЕЛЛИЯ>

Ср. № 74. Геллиев грех напоминает Катулла ходячие представления греков и римлян о том, что персидские жрецы-«маги, говорят, сходятся со своими матерями и дочерьми и даже сестрами, таков их устав» (Ксанф, фр. 28 М.). Об Океане и его жене Тетиде («крайней», обтекающей мир со всех сторон) см. примеч. к № 64, 29.

91. <НА ГЕЛЛИЯ>

Стихотворение, по-видимому, хронологически предшествует трем предыдущим, воспроизводящим его центральный мотив (ст. 5—6 о кровосмесительстве), но не эффектно-парадоксальную логику. О дружбе Катулла с Геллием ср. № 116.

92. <О ЛЕСБИИ>

Стихотворение перекликается с № 83 на мужа Лесбии, но более схематически отточено. Значению гиперболического «проклинаю» (*dergesog*) в ст. 3 посвятил особую заметку Авл Геллий («Аттические ночи», VII, 6).

93. <НА ЦЕЗАРЯ>

Видимо, грубый ответ на предложение Цезаря помириться (после № 29 и 57 и перед № 54, т. е. в 55—56 гг.?). Потом, как известно из Светония («Юлий», 73), Цезарь все-таки добился примирения. «Белый ли... черный ли» (ст. 2) — выражение поговорочное, ср. Цицерон, «Филиппики», II, 41; Федр, III, 15, 10.

94. <НА МАМУРРУ (?)>

Герой этой и трех других эпиграмм (№ 105, 114, 115) обозначен у Катуллы непристойным словом *mentula*, эвфемически переведенным «хрен» (а у Фега — «хлыщ»). Прямое обыгрывание этого прозвища и представляет собой данная эпиграмма. «Горшок за овощами пошел» — несомненная пословица, но у других авторов она не встречается нигде. Считается, что под «Хреном» имеется в виду Мамурра, герой № 29 и 57 (на основании ст. 29, 13), но почему в одних эпиграммах Катулл называет Мамурру собственным именем, а в других условным, удовлетворительно не объяснено; по-видимому, цикл о «Хрене» сложился отдельно от № 29 и 57 (раньше, в пору веронской юности, судя по № 43? или позже, когда примирение с Цезарем мешало Катуллу называть цезарианца настоящим именем?).

95. <О «СМИРНЕ», ПОЭМЕ ЦИННЫ>

Г. Гельвий Цинна, друг Катуллы, упоминался в № 10; его небольшая поэма о кровосмесительной любви царевны Смирны к ее отцу Киниру, правителю Кипра (где течет река Сатрах, ст. 5) и о ее превращении в дерево, источающее благовонную смирну (мирру), вошла в поговорку продолжительностью работы над ней: отсюда знаменитый совет Горация («Наука поэзии», 388: «...до девятого года/Ты стихи храни про себя...»). Катуллы противопоставляет его ученую краткость многоговорию стихов оратора Гортензия Гортала (адресата № 65) и историка Волюзия («героя» № 36); они сравниваются с Антимахом Колофонским, знаменитым

греческим эпиком (ок. 400 г.); на которого за его многословие нападали александрийские поэты-новаторы во главе с Каллимахом; тем самым Цинна невысказанно уподобляется самому Каллимаху, а это для поэта катулловского круга — высший комплимент.

96. «К ЛИЦИНИЮ КАЛЬВУ,
НА СМЕРТЬ ЕГО ЖЕНЬ»

О Кальве см. № 14, 50 и 53. Отрывки из собственных стихов Кальва на смерть жены см. в Дополнениях; мотив загробной радости в них перекликается с Катуллом. «Римские поэты воспевали любовниц под условными именами, а жен под настоящими» (А. Ризе).

97. «НА ЭМИЛИЯ»

Эмилией ближе неизвестен. В Палатинской антологии есть сходные эпиграммы на человека с вонючим ртом (XI, 241—242 и 415, автор — Никарх), но они относятся уже к I в. н. э.

⁶ ...старый дорожный сундук... — *Flonexum* — диалектизм («Катулл нашел это слово на берегах По» — Квинтилиан, I, 5, 8): может быть, признак, что стихотворение написано в молодости в Вероне.

¹⁰ ...в мельне вертеть жернова. — Наказание для провинившегося раба.

98. «НА ВЕКТИЯ»

Вектий (или Виктий, в рукописях — разночтения) — лицо неизвестное; может быть, это Л. Веттий, темный доносчик, в 62 г. обвинявший Цезаря в причастности к заговору Катпины, а в 59 г. — целый ряд сенаторов в заговоре против Помпея; этому доносу не повергли, Веттий был взят под стражу и умер в тюрьме.

99. «К ЮВЕНЦИЮ»

Ср. № 48. Стихотворение комически играет медицинскими терминами, сглаженными в переводе (в ст. 14 названа в подлиннике чемерица, популярное в древ-

ности лекарство). Некоторые романтически настроенные филологи XIX в. (в том числе В. Лэндор, известный поэт) считали подложным заключительное двустишие, иронической прозой закругляющее эпиграмму.

100. «К ЦЕЛИКУ»

Адресат и его друг (ср. № 82) — неизвестные веронские приятели Катулла; об Авфилене см. № 110—111. Тождествен ли этот Целий адресату № 58, любовнику Клодии, — сомнительно.

101. «К БРАТУ, НАД ЕГО МОГИЛОЮ»

О своем брате, скончавшемся в Троаде и погребенном у моря в Ретее близ древней Трои, Катулл уже писал в № 65 и 68; в нашем стихотворении ст. 6 частично повторяет № 68, ст. 20 и 92. Катулл посетил могилу брата во время вифинской поездки 57—58 гг. и по римскому обычаю совершил на ней возлияния вином, водой, медом и маслом (ст. 3, 8). Стихотворение написано в традиционной форме эпитафии (ср., напр., Меллегр, «Палатинская антология», VII, 476) — и заканчивается словами «привет и прости!» (ave atque vale) — заключительным восклицанием римского похоронного обряда, часто появляющимся в надгробных надписях.

102. «К КОРНЕЛИЮ (НЕПОТУ?)
О СОХРАНЕНИИ ТАИНЫ»

Адресат (ср. № 1?) и повод ближе неизвестны. О Гарпократе, божестве молчания, см. примеч. к № 74, 4.

103. «К СВОДНИКУ СИЛОНУ»

Грубый и алчный сводник — традиционная фигура римской комедии. Катулл обнажает условность этого типа, указывая: алчность и грубость в действительности только мешают друг другу. Цифра 10 000 сестерций (фантастически высокая) повторяется в № 41 в сходной ситуации.

104. <К НЕИЗВЕСТНОМУ>

Считается, что речь идет о Лесбии («ибо только о Лесбии мог Катулл сказать «жизнь моя». — Р. Эллис), хотя сам Катулл в № 92 признавался: «постоянно ее проклиная». Слова «жизни милей» («жизнь моя») повторяются в № 109, 1 и № 68, 155; «драгоценнее глаз» — № 3, 14 и 82; оба — в № 45. Ни адресат, ни упоминаемый в конце стихотворения Таппон ближе неизвестны.

105. <НА МАМУРРУ (?), СОЧИНЯЮЩЕГО СТИХИ>

См. примеч. к № 94. На «ученость» Мамурры есть намек в № 57, 7. Пи (м) плейская гора — в Пиерии, македонской области, посвященной Музам; «вилами» — частое поговорочное выражение.

106. <НА ПРОДАЖНОГО МАЛЬЧИКА>

Крикун (глашатай) — неперенный участник распродаж, объявляющий цены, в том числе и на рабов. Старые комментаторы произвольно отождествляли этого мальчика с Ювендием или с Клодием.

107. <К ЛЕСБИИ>

На примирение после ссоры. Эпиграмма намеренно многословна: каждое слово повторяется по 2—3 раза в разных сочетаниях. В ст. 6 намек на обычай отмечать счастливые дни белыми камешками — ср. № 68, 148 и примеч.

108. <НА КОМИНИИ>

Может быть, адресат — П. Коминий из Сполетия, упоминаемый Цицероном как известный обвинитель (в частности — Корнелия, подзащитного Цицерона в громком процессе 66—65 гг.); это может объяснить политический оттенок слов «достойнейшим людям» (ст. 3: *boni* называли себя сенатские олигархи). Эпиграмма напоминает проклятия в «Ибисе» Овидия (167—178), образцом которого (и, по-видимому, Катулла) был Каллимах.

109. <О ЛЮБВИ НА ВСЮ ЖИЗНЬ>

Ср. № 70. По-видимому, обращено к Лесбии. Программные для этики Катутлла слова «дружбы святой договор» (*sanctae foedus amicitiae*) перекликаются с № 76, 3; № 87, 3; № 77, 6; № 96, 4; № 100, 6. Слова эти — из латинской дипломатической терминологии и не раз употребляются у историков (Ливий, 42, 12; Саллюстий, «Югурта», 104; Тацит, «Анналы», II, 58).

110—111. <НА АВФИЛЕНУ>

Авфилена упоминается в № 100 и, может быть, в № 82. Мотив кровосмешения повторяется в № 88—90 и был, по-видимому, расхожим общим местом в этом типе эпиграмм.

112. <НА НАЗОНА («НОСАТОГО») >

Адресат — лицо неизвестное. Очень темная эпиграмма, построенная на малопонятном каламбуре со словом *multus*: «большой, многочисленный», «говорливый, докучный» (?) «пассивный развратник» (??).

113. <НА МЕЦИЛЛУ>

Первое консульство Помпея (вместе с Крассом) — 70 г., второе (тоже вместе с Крассом) — 55 г.; за эти 15 лет число любовников Мециллы увеличилось в тысячу раз. Эпиграмма приобретает остроту, если считать (как некоторые комментаторы), что Мецилла — это искаженное или зашифрованное имя Муции, жены самого Помпея в 70 г., которая, как уверяли, изменяла ему с Юлием Цезарем и с которой он развелся в 61 г. Цинна, к которому обращается автор, — поэт, герой № 95 (ср. № 10).

114—115. <НА МАМУРРУ (?) >

См. примеч. к № 94; концовка № 115 повторяет то же обыгрыванье самим Катутллой данной клички. Описываемое поместье лежало близ пиценского города Фирма на Адриатике и было очень небольшим (югер — четверть гектара), даже включая рыболовные угодья («море воды», № 115, 2), так что гиперболическое его описание (до *Океана*, где воюет покровитель Мамурры

Цезарь, и до *гиперборейцев*, блаженного Аполлонова народа на крайнем севере) иронично; иронично и сравнение его с легендарными богатствами лидийского царя Креза (VI в. до н. э.).

116. К ГЕЛЛИЮ,
ПОСЛЕ ПОПЫТКИ ПРИМИРЕНИЯ

Геллий, неверный друг Катулла (№ 91), происходил из семьи, не чуждой литературным и философским интересам (см. примеч. к № 74), поэтому Катулл хотел «поднести» ему (*mittere*: переслать, перевести или посвятить, как Гортензию — № 66?) какие-то стихи из Каллимаха («Баттиада», как в № 65, 10); до нас они, по-видимому, не дошли.

⁷ *...укроюсь полою накидки...* — защитная поза при драке («обернув руку плащом, я изготовился к бою», — говорит герой Петрония, 80). Что подразумевает Катулл за этой метафорой, не совсем ясно.

ДОПОЛНЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ КАТУЛЛА В ПЕРЕВОДАХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX—XX вв.

Катулл не пользовался успехом у русских переводчиков: поэты XVIII в., согласно вкусу своего времени, предпочитали ему Горация, поэты начала XIX в. — Тибулла; когда же до России дошла поднятая романтиками волна интереса к Катуллу, то русская поэзия уже мало интересовалась античностью вообще, и первый полный перевод Катулла, сделанный Фетом, прошел в это время почти без внимания. Перевод Катулла, ставший действительным фактом русской культуры, явился лишь два поколения спустя и принадлежал А. Пиотровскому; именно в его обработке Катулл получил популярность у русского читателя, но это был Катулл далеко не полный и очень романтически стилизованный. Публикуемый в настоящем издании перевод

С. В. Шервинского — это второй (после Фета) перевод полного Катулла. С. В. Шервинский работал над ним свыше 70 лет, первая работа автора о Катулле появилась в 1915 г. («Русский архив», № 11—12, с. 306—314 — о катулловоком стихотворении № 3 на смерть воробья и дельвиговском подражании на смерть собачки), первая большая публикация переводов — в 1917 г. («Сборники Московского Меркурия по истории литературы и искусства», вып. 1, с. 7—34: эпиграммой № 61—62 и «Свадьба Пелея и Фетиды» № 64). Настоящее издание может рассматриваться как итог труда всей жизни одного из старейших советских переводчиков.

Содержательный обзор ранних русских переводов из Катулла сделан в недавней статье С. А. Кибальника «Катулл в русской поэзии XVIII — первой трети XIX века» (в сб. Взаимосвязи русской и зарубежных литератур. Л.: Наука, 1983). Этой работе мы обязаны указаниями на первые приводимые здесь переводы.

В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ (1703—1769) один из основоположников русской поэзии нового времени, был автором первого русского стихотворного перевода из Катулла, пока еще отрывочного (№ 12, 1—3 и 9—10); он приводится параллельно с латинским текстом в энциклопедических комментариях к его переводу «Римской истории» Роллена, в «Отступлении о сопиришествах римских»: «Катулл жалуется на некоего Азиния, который унес с собою его салфетку, да и грозит того обесславить своими стихами, буде не отдаст тоя скоро...» (*Роллен III*. Римская история от создания Рима до битвы Актийския... Пер. с франц. В. Тредиаковского. СПб., 1763, т. 5, с. 353).

А. И. БУХАРСКИЙ (1767—1833), автор комедий, переложенных с французского, нескольких од (преимущественно на русско-турецкую войну 1787—1791) и мелких стихотворений, отчасти сентиментальных, отчасти притягивающих к традиции легкой эротической поэзии, в числе последних перевел и катулловокое стихотворение на смерть воробья; оно напечатано в журнале «Зритель» (издававшемся И. А. Крыловым и А. И. Клушиным), ч. 2, 1792, с. 303 (подпись: А. Б.). Это первый

полный перевод стихотворения Катулла на русский язык.

П. Ю. ЛЬВОВ (1770—1825) преимущественно известен как сочинитель сентиментальных повестей («Российская Памела», 1789; «Роза и Любим», 1790 и др.) и риторических сочинений по русской истории («Храм славы российских героев», 1803, и др.). Его переводы двух «эпиталамов» из Катулла были напечатаны в журнале «Иппокрена или Утехи любословия», 1801, ч. 10, с. 177—181, за подписью Пав. Льв—ъ. К словам последней реплики «... бывает цветна и плодоносна» сделана характерная сноска: «Нравы нашего времени требовали того, чтобы здесь я отступил несколько от подлинника».

С. Е. РАИЧ (Амфитеатров, 1792—1855), учитель Тютчева и (по московскому Университетскому благородному пансиону) Лермонтова, издатель журнала «Галатея» (1828—1830), был видной, хотя и запоздалой фигурой русского предромантизма. Из его стихотворных переводов наиболее известны «Георгики» Вергилия (1821) и позднее — поэмы Тассо и Ариосто. Перевод из Катулла напечатан в «Невском альманахе на 1828 год», СПб., 1828, с. 225. Редкий стихотворный размер, уложенный в сложные песенные строфы, подсказан одновременно опытом Жуковского и поэзией XVIII в.

А. С. ПУШКИН (1799—1837) перевел 27-е стихотворение Катулла 18 февраля 1832 г., пользуясь французским изданием Ф. Ноэля (1806) с параллельным переводом: вычурный ст. 4 оригинала, оставленный издателем без перевода, выпал и из перевода Пушкина (см.: В. М. Файбисович. К источнику перевода Пушкина «Из Катулла». В сб.: Временник Пушкинской комиссии, 1977. Л., 1980, с. 69—75; здесь же предположение, что обращение к Катуллу в этот день первой годовщины женитьбы Пушкина было подсказано поэту памятью об эпиталамиях Катулла). Размер пушкинского перевода — «анакреонтический» хорей без рифм, устойчиво связанный в поэзии того времени с темами античности, вина и любви. Для Пушкина это стихотворение примыкало к другим переводам и подражаниям «из древних» начала 1830-х годов; «Чистый лоснится

пол... (из Ксенофана), «Вино» (из Иона Хиосского), «Бог веселый винограда...», «Что же сухо в чаше дно...» (из Анакреона), «Кто из богов мне возвратил...» (из Горация) и др.; из перечня видно, что все они близки теме пира, прочно связывавшейся в это время для Пушкина с античностью в целом (ср. «Египетские ночи»).

И. П. КРЕШЕВ (1824—1859) — талантливый, но неудачливый поэт, всю свою недолгую жизнь проживший в нужде, зарабатывая журнальной поденщиной. Его оригинальные стихи (многие из них — на античные антологические темы: «Фавн», «Дриада» и др.) остались не собраны; его «Переводы и подражания» были изданы посмертно (СПб., 1862) его другом Н. Гербелем. Больше всего и лучше всего он переводил Горация; из Катулла им переведено только это стихотворение и (не принадлежащая Катуллу) приапея, стоящая в изданиях Катулла под № 19.

Н. В. ГЕРБЕЛЬ (1827—1883) — один из самых плодовитых русских переводчиков-просветителей 1860—1880-х годов, издатель собраний сочинений Шиллера, Байрона, Шекспира, Гете (для которых много переводил и сам), антологий русской, славянской, английской и немецкой поэзии, трудолюбивый библиограф, в 1861 г. издавший за границей стихи Пушкина, запрещенные цензурой. Античность не была предметом его внимания: здесь он был даже настолько небрежен, что, перепечатывая приводимый здесь свой перевод из Катулла в своем «Полном собрании стихотворений» (СПб., 1882), он приписал это стихотворение Горацию.

А. А. ФЕТ (1820—1892) переводил Катулла в ряду многих других латинских поэтов, переводом которых он занимался последнее десятилетие своей жизни (Катулл, Тибулл, Проперций, Вергилий, Овидий, Персий, Марциал, Ювенал; особняком стоит Гораций, которым Фет занимался смолоду). Для него это был вызов современной эпохе, порвавшей, по его мнению, с древними традициями чистого искусства; поэтому он гордился точностью своих переводов и без колебаний жертвовал гладкостью в пользу точности. В предисловии к переводу Катулла он писал: «...Согласились ли бы мы

в угоду известной гладкости современного языка перефразировать (читай искажать) древнего поэта?.. Нас нимало не смущают упреки в шероховатости... Такой упрек был бы совершенно уместен, если бы мы, подобно величайшему стилисту Пушкину, брались за подражание Катулле, а не за перевод. Подражают, как хотят, а переводят, как могут». Гексаметры и элегические дистихи Катулла Фет переводил размером подлинника, лирические размеры — привычными рифмованными размерами русской лирики (как и его предшественники). Он перевел Катулла полностью (кроме нескольких непристойных мелочей), снабдил библиографической справкой и примечаниями (по изданию А. Ризе), назвал в предисловии Катулла «римским Пушкиным» («Лучше мы не можем очертить личного и художественного характера нашего поэта. Тот и другой — светские юноши, ищущие жизненных наслаждений и умеющие находить их во всех предметах. Чистые и честные натуры, они не опирались на какую-нибудь сознательную этику, а руководствовались одним преемственным чувством...» и т. д.) и издал отдельной книгой («Стихотворения Катулла в переводе и с объяснениями А. Фета») в 1886 г. с посвящением Вл. Соловьеву.

Ф. Е. КОРШ (1843—1915), профессор Московского университета и академик, знаменитый лингвист-полиглот («секретарем при Вавилонском столпотворении» называл его В. О. Ключевский), был также и поэтом-любителем, писавшим и переводившим как на родном языке, так и на латинском и греческом. Переводил он очень точно и при желании умел воспроизводить самые сложные стихотворные формы оригинала; но, переводя Катулла, он не считал это нужным и называл свои переводы «приноровленными к современным вкусам». Корш перевел 25 стихотворений Катулла; вместе с переводами из Тибулла и Проперция, «приноровленными» к тому же полуэлегическому, полуромансному стилю второй половины XIX в., они вошли в качестве иллюстраций в его университетскую речь «Римская элегия и романтизм», вышедшую отдельной брошюрой в 1899 г. Здесь они поясняют эта-

пы любви Катуллы и Лесбии, как реконструировали их филологи середины века; на нападки критиков, называвших такую реконструкцию «романом», он отвечает (с. 11): «Да чем же, как не романом, и быть исследованию, посвященному выяснению романа при помощи данных не только исторических, но психологических?» Эта работа Корша — одно из самых основательных изложений концепции XIX в. относительно «Катулла-романтика»: тема любви у римских поэтов сопоставляется здесь с темой любви и в европейском средневековье, и у персидских классиков и пр. «По свойствам дарования, — пишет Корш, — можно Катуллу сблизить отчасти с Петраркой, отчасти с Гейне, но более с последним, которого он напоминает и насмешливостью и трагизмом». Кончает он так: «Он умер, по-видимому, как раз тридцати лет, не успев прибавить ни одной черты к своему романтическому образу, кроме грусти, несколько раздражительной, обыкновенно следующей за разочарованием. За то он и будет жить в памяти человечества, пока оно не утратит способности к романтической тоске по идеалу. Но разве настанет когда-нибудь такое время?» (с. 111—112).

ЗГАДАЙ-СЕВЕРСКИЙ — переводчик, печатавший в 1909—1918 гг. в петербургском журнале «Гермес» переводы из поэтов греческой антологии, Катуллы, Горация и Марциала. Никаких сведений о нем установить не удалось. Его переводы из Катуллы продолжают традицию «приноровления к современным вкусам»; так, приводимое стихотворение № 8 явно имитирует (бессознательно или сознательно?) известный перевод А. К. Толстого из Гейне «Довольно! Пора мне забыть этот вздор...» Он перевел 22 стихотворения Катуллы (в том числе «Косу Береники») по большей части короткими бойкими строчками, напоминающими манеру Гербеля. Помещенные в настоящем издании переводы были напечатаны в «Гермесе», 1910, № 16, с. 422, и 1911, № 16, с. 411.

К. А. КОТЕЛЬНИКОВ (даты жизни неизвестны) был в конце XIX в. гимназическим преподавателем во Владивостоке и оттуда прислал свои переводы из Катуллы и раннего Вергилия для антологии «Римские поэты и

биографиях и образцах. Сост. В. Алексеев». Т. 1. СПб., 1897 (наше стихотворение — на с. 248). В журнале «Гимназия» (1898) печатались также и латинские его стихи. Его перевод из Катулла, при всей дилетантской тяжеловесности, интересен как первая попытка воспроизвести по-русски ритм катуллового 11-сложника — фалексия.

Б. В. НИКОЛЬСКИЙ (1870—1920), филолог и юрист, профессор права (его диссертация была посвящена римским законам XII таблиц), общественный деятель крайне правого направления, был страстным почитателем Фета и редактором его посмертного собрания сочинений; под впечатлением от переводов Фета он взялся и за переводы Катулла, стремясь дополнить стилистические достижения Фета верной передачей античных метров. Переводы сопровождались работой над разночтениями и конъектурами латинского текста; в частности, приводимое стихотворение интересно как опыт объединения катуллового № 2 с фрагментом 2b. Напечатано (вместе с 8-ю другими переводами из Катулла и пространном послесловием) в кн.: Б. В. Никольский. Сборник стихотворений. СПб., 1899; в том же сборнике — большое стихотворение под заглавием «Катулл» («...Чудный мир! Поэт мой милый,/Мой пленительный Катулл,/Это ты волшебной силой/Нам угасший век вернул!/Это ты, в объятьях нежных,/Глядя в вечность, дорог нам/В колебаниях мятежных,/ В шутке с ядом пополам!..» и т. д.).

В. Я. БРЮСОВ (1873—1924) много переводил Вергилия, Горация и поздних римских поэтов, но из Катулла оставил только этот перевод, да и то не печатавшийся при жизни; кроме того, он написал подражание Катуллу (главным образом, стихотворениям № 5 и 7) «Обманули твои, ах! поцелуй...», предназначенное для сборника стилизаций «Сны человеческие» и вошедшее в книгу «Опыты» (М., 1918). Его привлекала точная передача ритма фалексия; только у него воспроизведена такая примета этого размера, как цезура после 6-го слога.

А. И. ПИОТРОВСКИЙ (1898—1938), сын известного филолога Ф. Ф. Зелинского, сам филолог, драматург и

театровед, видный деятель советского театра и кино, переводил главным образом античную драматургию (полный Аристофан, полный Эсхил, избранные драмы других авторов), а из лириков — только Феогнида и Катулла («Книга лирики», два издания: Л., 1928 и 1929). Из 116 стихотворений Катулла он перевел 87, расположив их по трем разделам — «Лесбия», «Друзья и враги» и «Путешествие» — и снабдив заглавиями собственного сочинения. Здесь перепечатывается полностью раздел «Лесбия» (с пропуском лишь трех искусственно включенных туда стихотворений о Руфе) и стихотворение «Аттис» из «Путешествия». Вслед за Коршем и другими Пиотровский, не обинуясь, называет Катулла «романтическим поэтом», но вдобавок рисует вокруг него картину молодой римской «интеллигенции и художественной богемы», а за нею — картину «великой римской революции» (отчасти подсказанную известным очерком Блока «Катилина», 1918, где Катилина был назван «римским большевиком», а катулловский «Аттис» отголоском его заговора): «Люди боролись за жизнь и умирали шутя и потому, может быть, как бы стремились с лихорадочной поспешностью запечатлеть мир своих страстей, своей ненависти и любви...» (с. 16). Переводил Пиотровский, «стремясь ввести лирику Катулла в круг поэзии сегодняшнего дня и отнюдь не рассматривая ее как архивный документ» (с. 35); ему, действительно, удалось придать ритмам Катулла естественность, а интонациям разговорную легкость, и этот стиль перевода надолго определил образ Катулла для русского читателя. Его переводы составили основу всех последующих советских изданий Катулла (напр., «Катулл. Тибулл. Проперций», М., 1963).

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭТОВ-ЛИРИКОВ — СОВРЕМЕННОКОВ КАТУЛЛА

Переводы сделаны по изд.: *J. Granarolo. L'époque néotérique ou la poésie romaine d'avantgarde au dernier siècle de la République.* — In: *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*, T. I, Bd. 3, B., 1973, S. 278—360. Пропущенные тексты переведены по изд.: *Frag-*

menta poetarum Romanorum, coll. et emend. Aem. Baehrens. Lipsiae, 1886. Нумерация фрагментов — по Гранароло, в скобках (в случае расхождений) — по Беренсу. Большинство сохранившихся фрагментов неотериков (как и других ранних римских поэтов) — это цитаты, приводимые позднеримскими грамматиками как примеры редких слов, оборотов, стилистических фигур, стихотворных размеров и пр. Поэтому они обычно вычурны по виду и нелегки для перевода. Наиболее бесформенные и невразумительные фрагменты нами пропущены. На русском языке эти фрагменты (кроме 11 отрывков Кальва) появляются впервые.

ЛИЦИНИЙ КАЛЬВ, Гай (82—47) — глава катуловского кружка, адресат № 14, 50 и 96; последующие авторы часто упоминают обоих поэтов рядом. Сын народного трибуна и историка Лициния Макра, попавшего под суд и покончившего самоубийством, Лициний Кальв участвовал в политической жизни, был (наряду с Марком Брутом, будущим убийцей Цезаря) ведущим оратором модного «аттицистического» направления, его речи читались и ценились еще сто с лишним лет спустя, при Квинтилиане. Он был известен маленьким ростом (№ 53) и кипучим характером (Сенека, «Контроверсия», VII, 4, 6), от которого усмирлял себя свинцовыми веригами (Плиний Старший, XXXIV, 18). Фрагменты 1, 2, 4, 7—9, 11, 15—16, 18—19 даны в переводе В. Я. Брюсова, сделанном для задумывавшейся им антологии «бездвестных римских поэтов».

Фр. 1. *Курий* — ближе неизвестен.

Фр. 3. *М. Тигеллий* — певец, которого любил Юлий Цезарь; потом он упоминается у Горация, «Сатиры», 1, 2, 3 и 3, 3. Он был (или считался) сардинцем, а сардинские рабы в римской поговорке считались дешевой.

Фр. 5. ...*Цезарев... дружок* — вифинский царь Никомед IV (ок. 94—74): его связь с молодым Цезарем была постоянным мотивом в антицезарианской пропаганде.

Фр. 7—8. Из элегии на смерть жены, ответом на которую является у Катулла № 96.

Фр. 11. Речь идет о богине Церере (греч. Деметра — Фесмофора, «Законодательница»).

Фр. 14—19. Из ученой поэмы «Ио» (по-видимому,

подражание Каллимаху) — об аргосской царевне, любовнице Юпитера, которую ревнивая Юнона обратила в телку и жалящим оводом гнала без отдыха по дальним странам. «Вистонский край» (фр. 17, текст ненадежен; Брюсов переводил: «Берег уже миновав Борисфена быстрого холодный...», имея в виду, как прежние издатели, реку Борисфен, нын. Днепр) — Фракия.

ГЕЛЬВИЙ ЦИННА Гай (ум. 44), герой катулловских № 10 и 95, спутник Катулла в вифинской поездке в свите Меммия. Был народным трибуном в год убийства Цезаря и на его похоронах был растерзан толпой, (будто бы) спутавшей его с другим Цинной, одним из убийц Цезаря.

Фр. 1. ...*мимо ветел ценоманских*... — Ценоманы — галльское племя, жившее к северу от По, в окрестностях Вероны и Бриксии; на этом основании предполагается, что Цинна был родом тоже из катулловских мест.

Фр. 2. *Псиллы* — африканское (неточно — «пунийское», т. е. карфагенское) племя; считалось, что псиллы умеют заклинать змей и отсасывать их яд.

Фр. 3. Посвящение к несохранившемуся переводу из Арата, поэта III в., написавшего астрономическую поэму, очень ценившуюся знатоками (ее переводил даже Цицерон). Перевод, по-видимому, был сделан в вифинской поездке; *Пруса* — город в Вифинии. Листья как писчий материал употреблялись в древности очень редко (напр., на пальмовых листьях были написаны предсказания сивиллы); здесь это — щегольское преувеличение: самое большое, на листе было написано это само сопутственное четверостишие.

Фр. 4. *Диктинна* — одно из имен Дианы; так называлась поэма грамматика П. Валерия Катона, воспетого Фурием Бибакулом (см. ниже).

Фр. 7—10. Стихотворение, обращенное к молодому Азинию Поллиону (упоминаемому в № 12), отправляющемуся в Грецию, с изображением его будущего пути («город *Белидов*» — Аргос, «*кекропический град*» — Афины, «*ставленный Кадмом*» — Фивы).

Фр. 12—13. Из ученой поэмы «Смирна», прославляемой Катуллом в № 95. «*Эой*» и «*Геспер*» — Венера как утренняя и вечерная звезда.

КВИНТ КОРНИФИЦИЙ (ум. 41) — адресат № 38 (см. примеч.), автор ученой поэмы «Главк», к которой относится фр. 2.

ТИЦИДА — поэт из кружка Валерия Катона; фр. 2 — похвала поэме Катона «Лидия». Апулей («Апология», 10) упоминает, что Тицида воспевал свою возлюбленную Метеллу под именем Периллы (как Катулл — Клодию), а Овидий («Скорбные элегии», II, 433) перечисляет его рядом с Катуллом, Кальвом, Цинной и, что любопытно, Меммием; можно даже понять, что Тицида и Меммий воспевали одну и ту же женщину. Фр. 1 — из эпиталамия и перекликается с № 61, 115.

ФУРИЙ БИБАКУЛ, МАРК, родом из Кремоны, иногда без особых оснований отождествляется с Фурием из № 11, 16, 23, 26. Принадлежал к кружку Валерия Катона. Светоний («О грамматиках и риториках», 11) пишет о Катоне: «Он учил многих и знатных лиц и считался искуснейшим наставником, особенно для тех, кто имел склонность к поэзии, что можно увидеть хотя бы из таких стишков (фр. 1)... Прожил он до глубокой старости, но в великой бедности, почти в нищете, и ютился в убогой хижине, после того, как уступил свою тускуланскую виллу кредиторам, о чем пишет Бибакул (фр. 2 и 3)». (*Зенодот* — знаменитый александрийский, а *Кратес* — пергамский грамматик).

Фр. 4. *Орбилий* — известный римский грамматик (учитель Горация, поминающего, как он был щедр на попой, «Послания», II, 1, 170); «жил он почти до ста лет, а перед смертью потерял память» (Светоний, там же, 9).

Фр. 5. *Оски* — сабинское племя в Апенниннах, *Кумы* — модный курорт на Неаполитанском заливе, *Катания* — город в Сицилии.

Фр. 7—16. Из стихотворной «Летописи», поэмы в традиционном римском (энниевском) жанре, главным содержанием которой, по-видимому, было завоевание Галлии Юлием Цезарем. Большинство этих фрагментов сохранено Макробием (VI, 1), который цитирует их для сравнения с отдельными строками Вергилия.

ПУБЛИЙ ТЕРЕНЦИЙ ВАРРОН АТАЦИНСКИЙ (называемый так в отличие от Варрона Реатинского, зна-

менитого ученого-энциклопедиста и сатирика) был родом из Атакса на юго Заальпийской Галлии, родился ок. 82 г., в молодости написал «Секванскую войну» (о кампании Цезаря против Ариовиста в 58 г.), а потом, ок. 47 г., увлекся александрийской поэзией и примкнул к поэтам-неотерикам (уже после смерти Катулла). Более всего он был известен прямыми переводами из греков: из «Аргонавтики» Аполлония Родосского (фр. 1—11, здесь опущенные), из Александра Эфесского («Землеописание», фр. 12—18), из Арата («Эфемерида», о предсказании погоды, фр. 19—20; последний фрагмент цитируется в комментариях к Вергилию как образец «Георгик», I, 375 сл.). В любовных элегиях (фр. 24) он воспевал свою возлюбленную под условным именем Левкадии (от острова Левкады, как у Катулла — от острова Лесбоса). Он мало участвовал в современной литературной жизни, но потомки относились к нему с уважением, и Веллей Патеркул (II, 37) упоминает его рядом с Лукрецием.

ГАЙ МЕММИЙ, народный трибун 66 г., претор 58 г., оратор талантливый, но небрежный (Цицерон, «Брут», 247), сперва противник, а потом сторонник Цезаря, был «знатоком словесности, но только греческой, латинскую же презирал» (Цицерон, там же). В частности, он интересовался эпикурейством: ему посвятил Лукреций знаменитую поэму «О природе вещей», и он купил в Афинах участок земли с развалинами дома Эпикура, однако ничего не сделал для памяти Эпикура, и эпикурейцы выкупили у него эту землю обратно через Цицерона («К близким», XIII, 1). Это при нем Катулл и Цинна ездили в Вифинию в 57—56 гг. Потом в 53 г. он выдвинул кандидатуру на консульство, но был обвинен в подкупе и умер в изгнании ок. 49 г. Текст единственного сохранившегося фрагмента его ненадежен.

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ. Фр. 1. Эпиграмма на Планка Руфа (ближе неизвестного), не сумевшего на выборах пройти в преторы.

Фр. 4—5. О царевне Каллисто, дочери Ликаона, из Аркадии («Нонакриды»), обращенной в Большую Медведицу — созвездие, не заходящее в океан.

Фр. 8. *Канопиский* — египетский (от названия города Канопа близ Александрии). Размер стиха — галлиямб, как в № 63.

Фр. 13. Эти стихи — интерполяция в начале сатиры Горация I, 10. Сатира Горация представляет собой уважительную критику Луцилия, сатирика II в., послужившего Горацию образцом; дополнение добавляет к этому насмешку над Валерием Катонем (и заодно над неназванным драчливым Орбилем, ст. 5—8), который, будучи приверженцем неотерической поэзии, тем не менее занимался подготовкой нового издания такого грубого и устарелого автора, как Луцилий. В действительности именно Луцилий с его непринужденными стихотворными разговорами, пересыпанными насмешками над собой и над другими, был важнейшим из подготовителей «новой поэзии»; в качестве такого и хотел воскресить его Катон.

Фр. 15. Насмешка над архаизирующим стилем историка Саллюстия, сохраненная Квинтилианом (VIII, 3, 29).

Фр. 16. «Почему-то это стихотворение напоминает нам маленький садик Валерия Катона», — замечает Беренс. На той же гиперболе построена эпиграмма Цицерона, фр. 13:

Уж такова у Веттона усадьба — в лопату усядет!
А соскользни хоть комок — станет лопата пустой.

Фр. 17. Юлий *Цезарь* и Марк *Бибул* были консулами 59 г. Бибул пытался противодействовать Цезарю в каждом его начинании, но после нескольких неравных схваток между его сторонниками и сторонниками Цезаря был вынужден запереться дома и отстраниться от власти; «с тех пор Цезарь один по своему усмотрению управлял государством, так что вскоре пущены были такие стишки: (фр. 17)... (Светоний, «Юлий», 20).

СТИХОТВОРНЫЕ РАЗМЕРЫ КАТУЛЛА

Античное стихосложение не было похоже на русское. В русском стихе ритм образуется упорядоченным чередованием ударных и безударных слогов. В античном стихе ритм образовывался упорядоченным чередованием долгих и кратких слогов: в греческом и латинском языке слоги могли быть долгими и краткими независимо от ударения. Различались позиции, на которых мог стоять только долгий слог (знак —), только краткий слог (знак ∪), произвольный слог (долгий или краткий, знак ∪) «двойной слог» (долгий или пара кратких, знак ∪∪). Повторяющиеся сочетания слогов назывались стопами; тот слог стопы, который чаще бывал долгим, назывался «сильным местом» (или «арси́сом», знак ′), остальная часть стопы — «слабым местом». Различались размеры более простые, образованные повторением одной и той же стопы (гексаметр, ямбический триметр) и более сложные, образованные сочетанием разных стоп. Если чередовались строки разных размеров, то их чередование образовывало строфы (сапфическую, гликоническую).

Точное звучание античного стиха не может быть передано по-русски, так как долгих и кратких слогов, независимых от ударения, в русском языке нет. Поэтому русские переводчики передают античные ритмы условно, ставя на сильных местах преимущественно ударные слоги, а на слабых безударные. Принципы этой замены ясны из нижеследующего перечня, в котором схемы размеров даны античные, а примеры звучания — русские.

1. ДАКТИЛИЧЕСКИЙ ГЕКСАМЕТР (№ 62, 64). Один из древнейших размеров античной поэзии — эпический («героический») стих, в лирике употреблявшийся редко. В «Свадьбе Пелея и Фетиды» его употребление традиционно, а во втором эпиталамии оно рассчитано на ассоциации с повествовательным жанром идиллии. Гексаметр был введен в латинскую поэзию из греческой Энием лет за полтораста до Катулла, и Катулл еще сравнительно близко держится его тяжеловатого ритма. Схема:

′ ∪∪ ∪∪ ′ | ∪∪ ∪∪ ∪∪ ∪∪

Пример:

Юноши! Вesper взoшел. Подымайтесь! Вesper с
Олимпа,
Жданный нами давно, наконец свой факел возносит...

2. ЭЛЕГИЧЕСКИЙ ДИСТИХ (№ 65—116) образуется чередованием гексаметра и пентаметра — стиха, представляющего собой удвоенное первое полустипие гексаметра. В греческой поэзии употреблялся как размер элегий и эпиграмм, в этом качестве был перенесен в латинскую поэзию тем же Эннием, но до Катуллы использовался сравнительно редко. Схема:

$\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\text{—} \mid \underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}$
 $\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\text{—} \mid \underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}$

Пример:

Меньше всего я стремлюсь тебе быть по сердцу,
Цезарь:
Что мне, белый ли ты, черный ли ты человек?

3. ЯМБИЧЕСКИЙ ТРИМЕТР (№ 4, 29, 52). Разговорный стих, в лирике тяготеющий к обличительным и насмешливым жанрам; кроме лирики, употреблялся в драме, где был основным размером. Как драматический стих он перешел в римскую поэзию еще раньше, чем гексаметр, лет за двести до Катуллы; как лирический — только при Катулле и его ближайших предшественниках и сверстниках. Он употреблялся в форме более распатанной и более строгой; до Катуллы в Риме знали только распатанный триметр, Катулл пользовался только строгим (даже более строгим, чем в греческих образцах). Схема:

$\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\text{—} \mid \underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}\underline{\text{—}}$

Приложения

бимейших лирических размеров Катулла. В классической греческой лирике этот размер не употреблялся, в ученой александрийской употреблялся очень редко, поэтому трудно сказать, что послужило источником для Катулла — может быть, низовая песенная греческая поэзия его времени, нам почти неизвестная. В № 55 Катулл употребляет его в распатанной форме (что передано в переводе), в остальных — в строгой. Схема:

— — — — — — — — — — —

Пример:

Птенчик, радость моей подруги милой,
С кем играет она, на лоне держит,
Кончик пальца дает, когда попросит,
Побуждая его клевать смелее...

7. САПФИЧЕСКАЯ СТРОФА (№ 11, 51). Состоит из трех «сапфических стихов», по ритму родственных фалексию:

— — — — — — — — — — — —

и одного укороченного «адония»:

— — — — — —

Введена в употребление лесбосской поэтессой Сапфо ок. 600 г. в ее песенной лирике; в латинскую поэзию Катулл ввел ее едва ли не первый в своих стихах к Лесбии. Пример:

Тот с богами, кажется мне, стал равен,
Тот богов превыше, коль то возможно,
Кто сидит напротив тебя и часто
Видит и слышит...

8. ГЛИКОНИЧЕСКИЕ СТРОФЫ (№ 34, 61). Состоят из нескольких «гликонсеев»:

⏏ ⏏ ′⏏⏏ ′⏏⏏

и замыкающего укороченного «Ферекратея»:

⏏ ⏏ ′⏏⏏ ′⏏

Песенная строфа; Катулл оба раза употребляет ее в обрядовых песнях, один раз — в виде 4-стишия (3 гликонея и ферекратей), другой раз в виде 5-стишия (4 гликонея и ферекратей): Пример:

Мы — Дианой хранимые,
Девы, юноши чистые.
Пойте, юноши чистые,
Пойте, девы, Диану!..

9. ПРИАПЕЙСКИЙ СТИХ (№ 17). Представляет собой как бы предельно упрощенную гликоническую строфу: это длинная строка, первое полустигхия которой — гликоней, а второе — ферекратей. Употреблялся в греческих песнях, преимущественно вольного содержания (отсюда название); в латинскую поэзию перенесен лишь Катуллом и его ближайшими предшественниками, с расчетом именно на эти содержательные ассоциации. Пример:

Больно он не остер умом, понимает не больше,
Чем в дрожащих руках отца годовалый младенец.
А у глупого есть жена в лучшем возрасте жизни,
Избалованней и нежней, чем козленок молочный...

10. БОЛЬШОЙ АСКЛЕПИАДОВ СТИХ (№ 30). Редкий и сложный лирический размер, в латинскую поэзию перенесенный Катуллом впервые. Схема:

′⏏ ⏏ ′⏏⏏′ ′⏏⏏′ ′⏏⏏′ ⏏⏏

СОДЕРЖАНИЕ

КАТУЛЛ
КНИГА СТИХОТВОРЕНИЙ
Пер. С. В. Шервинского

<«Безделки»>

1. «Для кого мой нарядный новый сборник...»	5
2. «Птенчик, радость моей подруги милой...»	5
3. «Плачьте, о Купидоны и Венеры...»	5
4. «Корабль, который здесь вы, гости, видите...»	6
5. «Будем, Лесбия, жить, любя друг друга...»	7
6. «Флавий! Верно, о ней, своей любезной...»	7
7. «Сколько, спрашиваешь, твоих лобзаний...»	8
8. «Катулл несчастный, перестань терять разум...»	8
9. «Ты, Вераний, из всех мне близких первый...»	9
10. «Вар мой с площади раз к своей подружке...»	9
11. «Фурий и Аврелий, везде с Катуллом...»	10
12. «Ты рукой, Марруцин Азиний, левой...»	11
13. «Хорошо ты откушаешь, Фабулл мой...»	12
14. «Если не был бы ты мне глаз дороже...»	12
15. «И себя, и любовь свою, Аврелий...»	13
16. «Вот уж я вас...»	14
17. «О Колония, хочешь ты...»	14
21. «Ты, о всех голодов отец, Аврелий...»	15
22. «Суффен, которого ты знаешь, Вар...»	16
23. «Фурий, раб за тобой ларца не носит...»	17
24. «Всех Ювенциев цвет, причем не только...»	17
25. «Распутный Талл, ты, неженка...»	18
26. «Фурий, домик твой сельский от всех ветров...»	18
27. «Мальчик, распорядись фалерном старым...»	19
28. «Вы, Пизонова рать, когорта нищих...»	19

Содержание

29. «Кто это в силах видеть, в силах вытерпеть...» .	19
30. «Ты забывчив, Альфен, ты изменил...»	20
31. «Всех полуостровов и островов...»	21
32. «Я прошу, моя радость, Ипсифила...»	21
33. «Ты, общественных бань воруга знатный...»	22
34. «Мы — Дианой хранимые...»	22
35. «Ты Цецилию, нежному поэту...»	23
36. «Срам Волюзия, смрадные „Анналы“...»	23
37. «Таверна злая, вы все, кто там в сборе...»	24
38. «Плохо стало Катуллу, Корнифиций...»	25
39. «Эгнатий, красотой клячься зубов белых...»	25
40. «Что за злобный порыв, бедняга Равид...»	26
41. «Амеана, зацупанная всеми...»	26
42. «Эй вы, гендекасиллабы, скорее!..»	26
43. «Здравствуй, дева, чей нос отнюдь не носик...»	27
44. «Сабинская ль, тибурская ль моя мыза...»	27
45. «Акму нежно обняв, свою подругу...»	28
46. «Снова теплые дни весна приносит...»	29
47. «Порк и Сократийон, Пизона руки...»	29
48. «Очи сладостные твои, Ювенций...»	30
49. «Самый Ромула внук красноречивый...»	30
50. «На досуге вчера, Лициний, долго...»	30
51. «Тот с богами, кажется мне, стал равен...» .	31
52. «Ну что ж? Еще ли медлишь умирать, Катулл?..»	32
53. «И смеялся же я на днях в собрание...»	32
54. «Голова у Отона с черепочек...»	32
55+58 В. «Умоляю: коль тебе не трудно...»	32
56. «Презабавная вещь, занятный случай!..»	33
57. «Славно два подлеца развратных спелись...»	34
58. «Целий, Лесбия наша, Лесбия эта... . . .»	34

59. «Боннонка Руфа своему сынку Руфу...»	
60. «В горах либийских принесен ты был львицей...»	34
〈Эпиталамии〉	
61. «О, холма Геликонского...»	35
62. «Юноши! Вesper взoшел...»	43
〈«Аттис»〉	
63. «Через моря промчался Аттис...»	47
〈«Свадьба Пелея и Фетиды»〉	
64. «Древле корабль из сосны...»	53
〈«Носа Береники»〉	
65. «Правда, что горе мое...»	73
66. «Тот, кто все рассмотрел огнь...»	74
〈«Разговор с дверью»〉	
67. «Нежному мужу мила...»	79
〈«К Аллию»〉	
68. «Ради того, удручен судьбы жестоким ударом...»	82
〈Эпиграммы〉	
69. «Не удивляйся тому...»	89
70. «Милая мне говорит, что меня предпочтет...»	89
71. «Если кому-нибудь влез козел...»	89
72. «Ты говорила не раз...»	90
73. «Расположенья к себе заслужить...»	90
74. «Геллий слушал не раз...»	90

Содержание

75. «Вот до чего довела ты, Лесбия...»	91
76. «Если о добрых делах вспоминать...»	91
77. «Руф, кого я считал бескорыстным...»	92
78. «С галлом два брата живут...»	92
79. «Лесбий красавец, нет слов!..»	93
80. «Геллий, скажи, почему твои губы...»	93
81. «Как же ты мог не найти, Ювенций...»	93
82. «Если желаешь ты быть драгоценнее глаз...»	93
83. «Лесбия часто меня...»	94
84. «„Хоммода“ стал говорить...»	94
85. «Ненависть — и любовь. Как можно...»	95
86. «Квинтии славят красу...»	95
87. «Женщина так ни одна не может...»	95
88. «Что же он, Геллий, творит?..»	95
89. «Худ стал Геллий. А что?..»	96
90. «Да народится же маг...»	96
91. «Геллий, не потому тебе доверял я...»	96
92. «Лесбия дурно всегда, но твердит обо мне..»	97
93. «Меньше всего я стремлюсь...»	97
94. «Хрен пустился блудить...»	97
95. «„Смирну“, поэму свою...»	97
96. «Если к могилам немым долетев...»	98
97. «Нет, я сказать не смогу, что хуже...»	98
98. «Лучше подходит тебе, чем кому-либо...»	99
99. «Я у тебя за игрой похитил...»	99
100. «Целию мил Авфилен...»	100
101. «Брат, через много племен...»	100
102. «Ежели есть человек...»	101
103. «Лучше отдай мне, Силон...»	101
104. «Значит, веришь и ты, что я мог...»	101
105. «Тщетно пытается хрен...»	101
106. «Каждый, кто с крикуном...»	102
107. «Если что-либо иметь мы жаждем...» . . .	102

108. «Если народ, о Коминий...»	102
109. «Ты безмятежную мне...»	102
110. «Мы, Авфиленя, всегда...»	103
111. «Да, Авфиленя, всю жизнь...»	103
112. «Нос, ты очень велик. Однако...»	103
113. «В пору, мой Цинна, когда Помпей...»	104
114. «Хрен богатеет слывет...»	104
115. «Много у Хрена земель...»	104
116. «Долго я формы искал...»	104

ДОПОЛНЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ КАТУЛЛА В ПЕРЕВОДАХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XVIII—XX вв.

В. Р. Тредиаковский (№ 12)	106
А. И. Бухарский (№ 3)	106
П. Ю. Львов (№ 62)	107
С. Е. Раич (№ 5)	109
А. С. Пушкин (№ 27)	110
И. П. Крешев (№ 11)	111
Н. В. Гербель (№ 2)	112
А. А. Фет (№ 5, 27, 34, 50, 96, 72, 85)	113
Ф. Е. Корш (№ 5, 43, 92, 85, 76)	116
Згадай Северский (№ 85, 11, 8)	120
К. А. Котельников (№ 1)	122
Б. В. Никольский (№ 2+2b)	122
В. Я. Брюсов (№ 3)	123
А. И. Пиотровский (№ 5, 51, 7, 2, 3, 45, 86, 43, 40, 56, 79, 58, 42, 85, 104, 82, 107, 109, 36, 92, 70, 83, 72, 75, 38, 8, 76, 37, 60, 11, 63)	124

Содержание

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭТОВ-ЛИРИКОВ —
СОВРЕМЕННИКОВ КАТУЛЛА

Пер. *М. Л. Гаспарова*

Лициний Кальв	142
Гельвий Цинна .	144
Квинт Корнифиций	145
Тицида .	145
Фурий Бибакул	146
Публий Теренций Варрон Атаципский	147
Гай Меммий	149
Неизвестные авторы	150

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>М. Л. Гаспаров</i> . Поэзия Катулла	155
Хронологический указатель (<i>М. Л. Гаспаров</i>)	208
Примечания (<i>М. Л. Гаспаров</i>) .	211
Стихотворные размеры Катулла (<i>М. Л. Гаспаров</i>)	291

ГАЙ ВАЛЕРИЙ
КАТУЛЛ
ВЕРОНСКИЙ

КНИГА СТИХОТВОРЕНИЙ

Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Литературные памятники»
АН СССР

Редактор издательства
И. Г. Древлянская

Художник
В. Г. Виноградов

Художественный редактор
Н. Н. Власик

Технический редактор
Н. П. Кузнецова

Корректоры
Л. С. Агапова, Н. А. Несмеева

ГАЙ ВАЛЕРИЙ
КАТУЛЛ
ВЕРОНСКИЙ

КНИГА СТИХОТВОРЕНИЙ

Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Литературные памятники»
АН СССР

Редактор издательства
И. Г. Древянская

Художник
В. Г. Виноградов

Художественный редактор
Н. Н. Власик

Технический редактор
Н. П. Кузнецова

Корректоры
Л. С. Агапова, Н. А. Несмеева

19. 90x.

REPUBLICA ARGENTINA